

Монархи открытого океана или приключения буканьеров. Том 1 (из 3)

Уолтер Торнбери

THE

MONARCHS OF THE MAIN;

OR,

ADVENTURES OF THE BUCCANEERS.

BY

GEORGE W. THORNBURY, ESQ.

"One foot on sea and one on shore,
To one thing constant never."

MUCH ADO ABOUT NOTHING.

IN THREE VOLUMES.

VOL. I.

^
c

LONDON :

HURST AND BLACKETT, PUBLISHERS,
SUCCESSORS TO HENRY COLBURN,
13, GREAT MARLBOROUGH STREET.

1855.

The Project Gutenberg eBook of The Monarchs of the Main; Or, Adventures of the Buccaneers. Том 1 (из 3)

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: The Monarchs of the Main; Or, Adventures of the Buccaneers. Том 1 (из 3)

Автор: Уолтер Торнбери

Дата выхода: 21 января 2012 [eBook #38631]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Адамом Бухбиндером, Рори Оконором и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе отсканированных изображений материалов, являющихся общественным достоянием и щедро предоставленных проектом Google Books Library (<http://books.google.com/>).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE MONARCHS OF THE MAIN; OR, ADVENTURES OF THE BUCCANEERS. ТОМ 1 (ИЗ 3) ***

Электронный текст подготовлен Адамом Бухбиндером, Рори Оконором, и командой онлайн-распределенной корректуры (<http://www.pgdp.net>) на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии щедро предоставленных библиотечным проектом Google Books (<http://books.google.com/>)

Примечание:

У проекта "Гутенберг" есть два других тома этой работы.

Том II: см.

<http://www.gutenberg.org/files/38632/38632-h/38632-h.htm>

Том III: см.

<http://www.gutenberg.org/files/38633/38633-h/38633-h.htm>.

Изображения оригинальных страниц доступны в библиотечном проекте Google Books. См.

<http://books.google.com/books?vid=PCYCAAA>

Монархи открытого океана или приключения буканьеров. Том 1 (из 3)

ДЖОРДЖ В. ТОРНБЕРИ, ЭСКВАЙР.

"Одна нога на море, другая на берегу,
К одному неизменен никогда".
Much Ado about Nothing.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ I.

ЛОНДОН:
HURST AND BLACKETT, PUBLISHERS,
ПРЕЕМНИКИ ГЕНРИ КОЛБЕРНА,
13, GREAT MARLBOROUGH STREET.
1855.

ЛОНДОН: СЕРКОМБ И ДЖЕК, 16, ВЕЛИКАЯ ВИНДМИЛЛ-СТРИТ.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА. I.

ГЛАВА I. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ БУКАНЬЕРОВ.

История Тортуги - Описание острова - Происхождение буканьеров - Завоевание Тортуги
французами и англичанами - Охотники, плантаторы и корсары - Ле Баск берет Маракайбо -
Война с испанцами на Испаньоле - Французская Вест-Индская компания покупает Тортугу -
Их различные губернаторы 1

ГЛАВА II.-МАННЕРЫ ОХОТНИКИ.

Индийское происхождение слова "буканьер" - флибустьер - три класса - одежда охотников - пейзажи Вест-Индии - способ охоты - дикие собаки - анекдоты - дикие быки - дикие кабаны и дикие лошади - лакомства буканьеров - убийство коров, английский, французский, и испанские методы - забавы - дуэли - приключения - конфликты с фифти-фифти, или испанским ополчением - охотники уходят в море - становятся корсарами - *ангажементы* охотников, или ученики - лечение шкурами - трудности жизни в буше - *ангажементы* плантаторов - *жестокости* плантаторов - *мателотаж* - *хижины*, нравы и еда 35

ГЛАВА III.- ФЛИБУСТЬЕРЫ, ИЛИ МОРСКИЕ СКИТАЛЬЦЫ.

Возникли в результате преследования испанцами французских охотников - Обычаи - "Никакого мира за чертой" - "Нет добычи - нет жалованья" - Оплата и пенсии - Их помощники индейцы москито - Льюис Скотт, англичанин, первый корсар - Джон Дэвис берет Святого Франциска в Кампичи - Их разврат - Азартные игры - Религия - Классы, из которых они произошли - Равенство на море - Способ ведения боя - Еда - Одежда 111

ГЛАВА IV.- ПЬЕР-ЛЕ-ГРАНД, ПЕРВЫЙ БУКАНЬЕР.

Разграбление Сеговии - Пьер-ле-Гран - Петр Франциск - захват испанских судов - способ захвата - Бартеlemi Португалец - его побеги и победы - Рош Бразилец - фанатичная ненависть к испанцам - его кораблекрушения и приключения 152

ГЛАВА V.- ЛОЛОННУА ЖЕСТОКИЙ.

Уловки Лолоннуа - Его жестокость - Его партнер, Мишель ле Баск - Взятие Маракайбо - пытки жителей - Разграбление города - Взятие Гибралтара - Нападение на Мериду - Голод и мор - Отступление - Раздел добычи - Выкуп - Взятие Сан-Педро - Сожжение Верагуа - Крушение в Гондурасском заливе - Нападение индейцев - Убийство и съедение дикарями 188

ГЛАВА VI.- АЛЕКСАНДР БРАШ ДЕ ФЕР И ИСТРЕБИТЕЛЬ МОНТБАРС.

Браш де Фер сравнивается французскими писателями с Александром Македонским - его подвиги и стратагемы - Монбарс - анекдот о его детстве - выход в море - его первый морской бой - присоединение к буканьерам - победа над испанскими пятидесятью - убийство его дяди - его месть - анекдот о судне негров - Адам и Анна ле Ру грабят Сантьяго 267

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Я претендую на то, чтобы эта книга была, по крайней мере, оригинальной. Но эта оригинальность, к сожалению, если и придает интерес трудам автора, то увеличивает и его ответственность.

История буканьеров до сих пор оставалась ненаписанной. Три или четыре забытых тома содержат буквально все, что известно о войнах и завоеваниях этих необычных людей. Из них два тома на французском, один на голландском и один на английском языках. Поэтому большинство наших читателей, вероятно, не знают о вольных разбойниках ничего, кроме их имени, путают их с простыми пиратами двух столетий спустя и черпают свои знания об их нравах из дюжины строк аббата Рейналя, которые передавались от историка к историку и от писателя к писателю на протяжении последних двух столетий.

Основные сведения об авантюристах-буканьерах взяты буквально из трех книг. Первая из них - *"История авантюристов" Œxmelin's Histoire des Aventuriers*. 12mo. Paris, 1688. Это

француз, который отправился на Сен-Доминго в качестве ученика плантатора или *ангажемента*, а затем стал хирургом в буканьерском флоте, знал Лолоннуа и сопровождал сэра Генри Моргана в Панаму.

Второй - *"Зее-руверс" Эскемелинга*. Амстердам. 4то. 1684 г. - Книга, которую букинисты и каталоги постоянно путают с OExmelin. Эскемелинг был голландцем, *работавшим* в Сен-Доминго, а его книга - английский перевод с голландского. Писатель, по-видимому, более скромного происхождения, чем OExmelin, но служил также в Панаме.

Третья книга - *"История походов Шарпа и т. д." Рингроуза*. Этот человек, служивший вместе с Дампиром, похоже, был невежественным моряком и простым вахтенным.

Четвертая книга - *"Рассказ Равено де Люссана"*. Де Люссан был молодым французским офицером, служившим в некоторых крейсерских экспедициях Рингроуза. Эта книга, написанная живым и острым наблюдателем, менее полна, чем у OExmelin, но столь же полна анекдотов и очень забавна.

В качестве второстепенных авторитетов мы обращаемся к французским иезуитским историкам Вест-Индских островов: рассеянному Рошфору, *сплетнику-бонвивану* Лабату; Тертре, сухому и предвзятому; Шарлевуа, тщательно, сжато и занимательно; Рейналю, отточенному, классическому, подержанному и декламирующему.

Среди английских второстепенных авторов - Дампир со своими спутниками, Уофером и Коули. Несколько старых памфлетов содержат причудливые версии завоевания Морганом Панамы; а в 1817 году Берни в своей "Истории открытий в Южном море" посвятил много глав сухому, но очень несовершенному сокращению приключений буканьеров, тщательно опуская все, что придает им жизнь или краски. Капитан Саути в своей "Истории Вест-Индии" приводит множество странных обрывков старых плаваний, представляет множество разрозненных фигур, но не пытается создать картину.

Современная художественная литература, при всей нехватке материала, также не открыла эти новые и девственные рудники. У миссис Холл есть роман, правда, под названием *"Буканьер"*, действие которого, однако, происходит в Англии; Ангус Б. Рич бегло просмотрел ту же тему, но, очевидно, не прочитал и половины из трех существующих авторитетов. У Даны, американского поэта, есть поэма под названием "Буканьер", но это всего лишь сборник строк о море. Бертрам у сэра Вальтера Скотта, хотя и был буканьером, - простой грубиян, который сгодится для любой эпохи, а сам Скотт относит завоевание Морганом Панамы к правлению Карла I, тогда как на самом деле оно произошло при Карле II, пятьюдесятью годами позже.

Сам Дефо, мало осознавая, в какой богатый край он ступает, нарисовал моряка-буканьера, когда переименовал Александра Селькирка в Робинзона Крузо, и сгустил весь дух Дампира в книге, которую до сих пор читают с таким же нетерпением, как и мальчишки.

Когда я вижу, что писатель с глубиной начитанности и глубиной исследования Скотта помещает великое событие истории буканьеров на пятьдесят лет раньше своего времени, что книготорговцы принимают голландца за французского писателя, а живые историки путают флибустьеров Тортуги, которые нападали только на испанцев, с их деградировавшими преемниками - пиратами Нью-Провиденса, которые без пощады грабили все народы и даже свой собственный, я думаю, что доказал, что моя книга не лишняя.

Нечасто автор может предложить всему читающему миру ознакомиться с самозабвенным трудом своей студенческой жизни. Моя книга - не книга для секты, клики, профессии или ремесла. Она предлагает новые сцены и новые творения читателю романа, измученному избитыми типами обычного существования. Для историка она открывает страницы английской, французской и испанской истории, которые капризная муза истории до сих пор хранила в архивах. В нем прослеживаются основы нашей колониальной империи. Психологу она дает глубокий повод для размышлений, а философ может увидеть на этих страницах человечество в новом обличье, а душу человека - подверженной новым искушениям.

То, что описал Дампир и из чего черпал материалы Дефо, ни один человек не осмелится утверждать, что оно не представляет интереса. Читатели, для которых эти книги в новинку, будут поражены, обнаружив, что приключения Ксенофонта нашли параллель в отступлении де Люссана через перешеек, а Свифт уступил в своем представлении о некоторых странных обычаях Лилипутии. Иксмелин, смело утверждаю я, гораздо более забавный писатель, чем половина наших историков, острый и просвещенный наблюдатель, который смотрел на буканьерство как на рыцарскую жизнь, в которой морской рыцарь получал такие же тяжелые удары, как и сухопутный герой, но больше денег.

Если мои герои не столь величественны, как исторические, я могу представить читателю людей, столь же жадных до золота, амбициозных и проницательных, как Писарро или Кортес, и столь же безрассудных, как Александр, и столь же жестоких, как Сезар. Если буканьеры были всего лишь насекомыми, выросшими из гнилостных отбросов разлагающейся империи, то их планы были, по крайней мере, гигантскими, а отвага - беспрецедентной.

Аномальные существа, охотники на суше и на море, пугающие целые флоты несколькими каноэ, грабящие города несколькими гренадерами, опустошающие все побережье от Калифорнии до мыса Горн, они нуждались лишь в общем принципе объединения, чтобы основать агрессивную республику, такую же богатую, как Венеция, и такую же воинственную, как Карфаген. Один великий ум - и Новый Свет стал их собственностью.

Но с самого начала Провидение посеяло среди них семена раздора - различия в религии и расе. Так и не успокоившись, их род обновил свои ряды, но не за счет потомков, а за счет новых рекрутов, людей с новыми интересами и более низкими целями. Менее чем за столетие Братство кануло в Лету, его добродетели были забыты, и помнили только его пороки.

Буканьеры были разбойниками, но они стремились не только к золоту. Мансвелт захватил остров Святой Екатерины и планировал создать республику, а Морган задумал уничтожить индейцев браво. Они были вне закона, но при этом религиозными разбойниками, щедрыми и внимательными к мельчайшим тонкостям чести; любителями свободы, но при этом подчинялись самой строгой дисциплине; жестокими, но при этом нежными к своим друзьям.

Все светлые и темные оттенки самого мрачного вымысла выглядят бедно по сравнению с приключениями этих людей. Католики, протестанты, пуритане, галанты, офицеры, простые моряки, сыновья фермеров, знатные люди, охотники, моряки, плантаторы, убийцы, фанатики, креолы, испанцы, негры, астрологи, монахи, лоцманы, проводники, торговцы - все они проходят перед нами в пестром и постоянно меняющемся маскараде. Фоном для этих сцен служат лесистые берега Вест-Индских островов, леса, сверкающие по ночам огненными мухами, широкие саванны, темные от дикого скота, вулканические острова, заселенные брошенными моряками, штормовые мысы, одинокие песчаные "ключи" Ямайки и скалистые твердыни Тортуги.

МОНАРХИ ОТКРЫТОГО ОКЕАНА

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ТОРТУГИ.

Предшественники буканьеров - описание Тортуги - происхождение буканьеров - завоевание Тортуги французами - охотники, плантаторы и корсары - Ле Баск берет Маракайбо - война на Испаньоле - Французская Вест-Индская компания покупает Тортугу - губернатор М. Д'Ожерон.

Дрейк, Кавендиш и Оксенхем, да и все морские герои царствования Елизаветы, были предшественниками буканьеров. Капитаны тех "высоких кораблей", что отплывали из Плимутского залива и зеленых уголков солнечного побережья Девона, чтобы захватить величественные караваны, доверху нагруженные шелками, пряностями, жемчугом и драгоценными камнями, сокровищами Потоси и Перу, были лишь буканьерами под другим именем, соглашаясь с ними в великом принципе ведения войны ни с кем, кроме испанцев, но с испанцами непрерывно. "Нет мира за чертой" - таков был девиз на флаге и Дрейка, и Моргана.

Сэр Джон Хокинс, положивший начало работорговле и бывший первым покровителем Дрейка, взял город Рио-де-ла-Хача и вел отчаянную борьбу с галеонами в порту Сан-Хуан-д'Ульоа. Дрейк разграбил Номбре-де-Дьос и, пройдя через перешеек, ворвался в Веракрус. Он разрушил Сан-Доминго и Картажену, сжег Ла-Ранчерию и атаковал Порто-Рико. Но еще более настоящим буканьером был Джон Оксенхем, один из последователей Дрейка, который, крейсируя у Панама, захватил несколько судов со слитками; но в конце концов был убит со всеми своими людьми, влюбившись в испанскую пленницу и освободив ее сына, который застал его врасплох с подкреплением из Номбре-де-Диос. Затем появился Рэли, более рыцарственный, чем все они, - более свободный в принципах, но более мудрый в голове. Он спланировал нападение на Панаму и опустошил Сент-Томас.

Первыми буканьерами были бедные французские охотники, которые, изгнанные испанцами с острова Испаньола, бежали на соседний остров Тортуга и там обосновались в качестве плантаторов.

Колония буканьеров на Тортуге возникла скорее случайно, чем по замыслу какого-то одного амбициозного ума. Французы основали колонию на почти пустынном острове Святого Христофора, которая начала процветать, когда испанцы, встревоженные близостью враждебной державы к их рудникам, на которые тогда были направлены только их помыслы, положили конец процветанию французских поселений частыми нападениями своих флотов на пути в Новую Испанию. Из справедливой ненависти, возбужденной этими неспровоцированными набегами, возник первый импульс к возмездию. Эти обиды побудили французов, как и голландцев, снарядить каперы. Но вскоре на первый план вышел еще более сильный мотив. Возник дух скупости, который стимулировался горячим воображением бедных и озлобленных людей. Перед ними лежали золотые земли, робко охраняемые мстительным, но слабым врагом; и Испания стала для этих первопоселенцев тем же, чем прикованный к постели скряга является для мечтаний нуждающегося брадобрея.

Весть об успехах голландцев разнеслась по всем портам Франции. Моряки были готовыми разносчиками диких историй, которые они сами наполовину выдумали. Некоторые отважные авантюристы из Дьеппа снаряжали суда для ведения войны, которую возмездие теперь делало справедливой, война - законной, а случай - выгодной. Моряк, который сегодня хрустел луком на набережной Марселя, через несколько недель мог стать властелином Карфагена или кататься на сокровищах манильского галеона, одетый в восточные шелка и благоухающий духами Индии. Обнаружив, что их предприятие успешно, а Сент-Китс слишком далек, чтобы стать удобным депо для их добычи, они начали искать более близкое место. Поначалу обратное плавание к Вест-Индским островам часто занимало три месяца, что казалось годами людям, спешащим накопить старую добычу и отправиться за новой. В поисках пристанища эти каперы причалили к Испаньоле, надеясь найти какой-нибудь одинокий остров у ее берегов; но как только они высадились, увидели огромные леса, полные дичи, и широкие саванны, оживленные диким скотом, и обнаружили, что остров покинут испанцами, а индейцы почти все умерли или эмигрировали, они решили обосноваться в месте, столь полном преимуществ, где они могли бы восстановить свои корабли и оставаться в безопасности и без наблюдения. Тортуга, небольшой соседний остров, скалистый, но не лишенный гавани, убедил их, что природа создала для их растущей империи одновременно и магазин, и цитадель, и крепость. Теперь у них было убежище и пристанище, кров для добычи и пища для людей.

Испанцы, хотя и не занимали остров, были озабочены тем, чтобы его не заняли другие. Они давно предчувствовали, что этот остров станет прибежищем пиратов, и только что поставили на нем гарнизон с альфаресом и двадцатью пятью людьми. Однако французам не составило труда избавиться от этого небольшого отряда: солдаты были разгневаны тем, что их соотечественники бросили их на бесплодной скале без провизии и подкрепления.

Овладев кучей камней, французы стали обдумывать, какими средствами они смогут ее удержать. Вид уже начатых построек и перспектива получить больше еды, чем они могли добыть на Сент-Кристофере, заставили этих беспокойных людей обосноваться на завоеванном месте. Часть из них вернулась на Испаньолу, чтобы забить быков и кабанов и засолить мясо для тех, кто останется, чтобы посадить; а те, кто решил строить, заверили моряков, что запасы сухого мяса всегда должны быть наготове, чтобы оживить их корабли.

Авантюристы, получив ядро для своих операций, начали расширять свои дела. Теперь они стали делиться на три разных класса, которые всегда смешивались, никогда не разделялись очень четко, но все же в основном были разделены: *морские скитальцы*, или *flibustiers*; *плантаторы*, или *habitans*; и *охотники*, или *buccaneers*. Для первого класса существовало множество названий: англичане, следуя индейскому слову, называли их буканьерами, от индейского термина *boucan* (сушеное мясо); голландцы обозначали их *Zee Roovers*, а французы *Flibustiers*, или *Aventuriers*. Четвертый класс, который постепенно превращался либо в буканьеров, либо в плантаторов, составляли подмастерья, или *ангажементы*.

Несколько французских плантаторов не смогли бы удержаться на острове, если бы к их числу не добавилось множество англичан. Через некоторое время французские суда причалили к острову, чтобы обменять добычу, которая теперь прибывала чаще, непрерывно и в больших количествах. Торговля стала менее спекулятивной и неопределенной. Французские капитаны находили выгодным обменивать с буканьерами не только шкуры и мясо, но и флибустьеров на серебряные пластины и восьмерки. Высокие цены на вино и бренди вскоре сделали торговлю с Бордо делом, достойным внимания французского правительства. За несколько дней "Бакканир" потратил на бартер больше, чем можно было бы выручить за месяцы обычной торговли с более осторожными людьми.

Испанцы, прекрасно понимая опасность этого поселения плантаторов, решили уничтожить его одним ударом. Замысел был легко осуществим, ведь буканьеры, давно уже ставшие беспечными от безнаказанности, давно уже короновали себя бесспорными королями Испаньолы и ее зависимых территорий. Воспользовавшись моментом, когда английские корсары были в море, а французские буканьеры охотились на материке, испанский генерал Индийского флота высадился с горсткой солдат и в течение часа вновь захватил остров. Немногочисленные плантаторы были перебиты, прежде чем успели разбежаться, охотники - прежде чем успели схватиться за оружие. Некоторых сразу же сажали на меч, а других вешали на ближайших деревьях. Однако большая часть, воспользовавшись хорошо известными местами для укрытия, переждала ночь, а затем скрылась на материке в своих каноэ. Испанцы, довольные наведенным ужасом, оставили остров без гарнизона, и с ликованием вернулись в Сан-Доминго. Услышав, однако, что на Испаньоле все еще много охотников-буканьеров и что дикий скот уменьшается от их нападений, генерал набрал несколько отрядов для их уничтожения. Об этих людях, известных как испанские *пятидесятые*, мы расскажем далее.

Испанский флот едва успел скрыться из виду, как буканьеры, разгневанные, но неустрашимые, вернулись на свой опустевший остров, полные ярости при виде тел своих товарищей и пепла разрушенных домов. Англичане вернулись во главе с буканьером по имени Уиллис, который придал новой колонии английский характер. Французские авантюристы, ревнуя к вмешательству Англии и опасаясь, что остров перейдет во владение Англии, покинули Тортугу и, отправившись на остров Святого Христофора, сообщили губернатору, шевалье де Понси, о том, как легко его можно завоевать. Де Понси, равнодушный к этой затее и ревностно относящийся к чести Франции, снарядил экспедицию и поручил командование ею мсье Ле Вассеру, храброму солдату и хорошему инженеру, только что прибывшему из Франции, который собрал отряд из сорока французских протестантов и согласился завоевать остров для де Понси и управлять от его имени, а также оплатить половину расходов на завоевание. Через несколько дней он бросил якорь в Порт-Марго, на северной стороне Испаньолы, примерно в семи лигах от Тортуги. Он мгновенно собрал в лесах и саваннах отряд из сорока французских буканьеров и, разработав свои планы, в апреле 1640 года высадился на остров. Как только он высадился, он отправил английскому губернатору послание, в котором сообщил, что прибыл отомстить за оскорбления, нанесенные французским флагом, и предупредил его, что если он не покинет остров со всеми своими людьми в течение двадцати четырех часов, то огнем и мечом уничтожит все плантации. Англичане, почувствовав несостоятельность своего положения, немедленно сели на лежащее на дороге судно, не нанеся (как говорит французский писатель СЕхmelin) ни одного удара в целях самообороны. Тогда французское население острова, поднявшись на ноги, приветствовало захватчиков как друзей.

Ле Вассер, бескровный завоеватель этой новой Баратарии, был принят с криками и аплодисментами. Он сразу же осмотрел все уголки острова, которые нуждались в защите, и приготовился обезопасить его от повторного завоевания испанцами или англичанами. Он обнаружил, что остров неприступен с трех сторон, и в незащищенной части построил форт на неприступной скале, возвышающейся на 600 футов над узким проходом, которым она командовала. Вершина этой скалы была около тридцати футов в квадрате, и подняться на нее можно было только по вырубленным в камне ступеням или по передвижной железной лестнице. Форт вмещал четыре пушки. Водный источник дополнял преимущества этого места, окруженного стенами и огороженного живыми изгородями, лесом, обрывами и всеми

приспособлениями, которые только могли быть созданы искусством или природой. Единственным подходом к этой круче была узкая аллея, по которой могли пройти не более трех человек.

Теперь буханьеры стекались на Тортугу в большем количестве, чем раньше: одни поздравляли нового губернатора с победой, другие записывались в его подданные: всех, кто приходил, он принимал с обещаниями поддержки и защиты. Тем временем испанцы, решив сокрушить это осиное гнездо, снарядили в Сен-Доминго новое вооружение из шести судов, на борту которых было 500 или 600 человек. Сначала они бросили якорь перед фортом, но, получив залп, пришвартовались на две лиги ниже и высадили свои войска. При попытке взять форт *штурмом* они были отбиты, потеряв 200 человек, а гарнизон вырвался вперед и загнал их обратно на корабли.

Губернатора, одержавшего двойную победу, провозгласили защитником и спасителем Тортуги. Вест о победе вскоре достигла ушей месье де Понси в Сент-Кристофере, который, поначалу обрадовавшись успеху, вскоре испугался амбиций своего нового союзника. Опасаясь, что тот откажется от договора и объявит себя независимым государем, он решил проверить его искренность. Он отправил на Тортугу двух своих родственников с просьбой о земле в качестве поселенцев, но на самом деле они действовали как шпионы. Ле Вассер, тонкий и проницательный, сразу же разгадал их замысел. Он принял молодых людей с большим радушием, но позаботился о том, чтобы они поскорее вернулись на остров Святого Христофора. Достигнув вершины своих желаний, он, как и многие великие люди, опьянел от власти. Его нрав изменился, он стал суровым, подозрительным, нетерпимым и деспотичным. Он не только заковывал своих подданных в цепи, но и с удовольствием звенел оковами, напоминая им об их рабстве. Он жестоко обращался с плантаторами, обкладывал купцов налогами, наказывал за самые незначительные проступки и стал так же ненавистен, как когда-то был любим. В своей тирании он дошел до того, что запретил исповедовать католическую религию, сжег церкви и изгнал священников. Убийство такого гонителя всегда считалось грехом, легко прощаемым духовником, а похоть и суеверие вскоре породили убийство.

Шарлевуа рассказывает забавный случай из жизни губернатора. Де Понси, узнав, что его корабли вывезли из какого-то испанского собора серебряный идол (Деву Марию), написал письмо с требованием выдать его. Ле Вассер вернул гонцу деревянный образ, желая сказать, что для религиозных целей дерево или серебро одинаково хороши. Одно из своих самых жестоких изобретений Ле Вассер назвал "адам". Похоже, что он напоминал переносные железные клетки, в которые Людовик XI заключал своих государственных преступников.

Месье де Понси, осведомленный о необычайной перемене в характере Ле Вассёра, пытался уломать его обещаниями, угрозами и уговорами. Справедливость давала ему теперь предлог для осуществления того, что давно замышлялось в корыстных целях. Все ближе становились муки вокруг обреченного, но Небеса послали более быстрое наказание. Ле Вассер, все еще отказываясь от официальных жалоб, ликовал во всей славе маленькой сатрапии, когда два племянника вступили в заговор против его жизни. На преступление их вдохновила амурность, и они легко убедили себя в том, что Бог и человек в равной степени требуют расплаты. Один писатель называет их просто капитанами, "спутниками судьбы", а другой - племянниками Ле Вассёра.

Эти неблагодарные люди уже были объявлены его наследниками, но они поссорились с ним из-за любовницы, которую он у них отнял, а один недостаток друга стирает память о многих добродетелях. Они полагали, что жители, обрадованные избавлением от такой тирании, в

первом же порыве благодарности назначат их совместными губернаторами. Они выстрелили в него из засады, когда он спускался со скалы форта на берег, но, ранив его лишь слегка, вынуждены были завершить убийство с помощью пиньяра. Раненый позвал священника и при последнем вздохе объявил себя непоколебимым католиком. Судя по всему, он был мрачным, хитрым человеком, с сильными страстями, упорным честолюбием и неуправляемой волей.

Пока совершалось это преступление, де Понси, решив вернуть себе хотя бы свою долю Тортуги и устав от уловок Ле Вассёра, решил на новую экспедицию. Во главе ее стоял шевалье де Фонтенуа, солдат удачи, который, привлеченный блеском испанского золота, только что прибыл в Сен-Китт на французском фрегате. Полный рыцарского духа, он сразу же предложил отплыть, хотя ему сообщили, что это место неприступно и может быть взято только с помощью хитрости. Пока вооружение достраивалось, он совершил круиз вокруг Картахены, высматривая испанские призы, и присоединился к месье Фералю, племяннику генерала, в Порт-де-Пе, расположенном в двенадцати лигах от Тортуги. Узнав об убийстве Ле Вассёра, они сразу же отплыли в гавань и высадили 500 человек на том месте, где ранее были отбиты испанцы. Двое убийц немедленно капитулировали, получив разрешение уйти со всеми сокровищами своего дяди. Шевалье был провозглашен губернатором, и его приняли с таким же восторгом, как и Ле Вассёра до него. Старая религия была восстановлена, а торговля получила покровительство и защиту в соответствии с королевским указом. К форту были пристроены два бастиона и установлены новые пушки. Буканьеры стали возвращаться в большем количестве, чем даже по прибытии Ле Вассера. Раньше они только представляли себе преимущества этого завоевания, а теперь попробовали их на вкус. Шевалье приветствовал всех буканьеров как друзей и братьев и даже сам снарядил каперы. Испанские корабли едва ли могли выйти из порта, а один купец, как известно, за один год потерял товаров на 300 000 крон.

Завоевать легче, чем удержать завоеванное, а бдительность притупляется успехами. Шевалье, слишком уверенный в своих силах, позволил половине своего населения отправиться на крейсеры. Больные, старики, увечные трудились на плантациях вместе с рабами. Испанцы, проинформированные об этом, высадились силой, не встретив сопротивления. Немногочисленные буканьеры теснились в форте, к которому враг не осмеливался подойти. Обнаружив, однако, гору, возвышающуюся над скалой, обрывистую, но все же доступную, они решили установить на ней батарею и выбить буканьеров с их последнего плацдарма. С бесконечной энергией и решимостью они проложили дорогу к горе между двумя скалами. Сделав рамы из дерева, они прикрепили к ним пушки, заставили рабов и пленников затащить их на вершину и, собрав батарею из четырех орудий, внезапно открыли огонь по неохраняемому форту. Шевалье, не ожидая этого предприятия, только что лишил себя последней защиты, срубив большие деревья, росшие вокруг стен. Несмотря на все угрозы и уговоры губернатора, гарнизон, ошеломленный этим шквальным огнем, сразу же капитулировал. Они покинули остров через двадцать четыре часа с оружием и багажом, при звуках барабанов, цветов и горящих спичек, и отплыли на двух полуразбитых судах, стоявших на дороге, предварительно дав залог не выступать против Испании в течение определенного времени. На другом судне, но в одиночку, отплыли двое убийц, которые, не имея пищи, довершили свое преступление, оставив женщин и детей своей компании на необитаемом острове.

Отремонтировав форт, испанский генерал поставил в нем гарнизон из шестидесяти человек, которых снабдил провизией. Фонтенуа, получив отпор при попытке вернуть остров, вскоре вернулся во Францию.

В 1655 году, когда адмирал Пенн появился у берегов Сен-Доминго с флотом Кромвеля, испанцы, чтобы увеличить свои силы на Испаньоле, отозвали отряд, который удерживал Тортугу восемнадцать месяцев, - командир сначала взорвал форт, сжег церковь, дома и магазины, а также опустошил плантации. Вскоре после этого с Ямайки прибыл богатый английский беженец Элиас Уорд (или, как его называют французы, *Эльязуард*) с семьей и дюжиной солдат, с английским поручением от генерала, и вскоре к нему присоединились около 120 французских и английских искателей приключений.

Пиренейский договор 1659 года не принес охотникам Испаньола успокоения от испанских набегов. Плантаторы были вынуждены работать вооруженными и нести ночную вахту, опасаясь быть убитыми в своих постелях. В 1667 году война возобновилась, и ищейки, долгое время державшиеся на поводке, вырвались на волю, чтобы наброситься на ворон и пожирать. Де Лисл снова разграбил Сант-Яго и получил 2500 пиастров выкупа, каждый из его авантюристов получил по 300 крон, испанцы покинули дефиле и унесли свои сокровища в Консепшн.

Это был золотой век буканьерства. Воклен, Овине и Трибутор разграбили города Кумана, Коро, Сент-Марта и Никарагуа. Ле Баск, имея всего сорок человек, ночью напал на Маракайбо. Схватив главных жителей, он запер их в соборе и пригрозил, что мгновенно отрубит им головы, если горожане осмелятся подняться с оружием в руках. Дневной свет обнаружил его слабые силы, и он не смог получить выкуп. Тогда флибустьеры отступили, каждый вел перед собой пленника, держа в одной руке пистолет, а в другой - обнаженную саблю, поднятую над головой испанца. Этих заложников продержали двадцать четыре часа и отпустили в тот момент, когда французы ушли. Это тот самый Ле Баск, которого Шарлевуа описывает как вырезавшего Маргариту из-под пушки Портобелло и выигравшего миллион пиастров. В другой раз они отступили, нагруженные добычей и унеся с собой губернатора и главных жителей Сен-Яго; но испанцы, сплотившись, разместили себя, в количестве 1000 человек, в засаде у дороги, полагаясь на свою численность и ожидая легкой победы. Французы, хорошо развернувшись, почти не пропустили ни одного выстрела, за короткое время убили 100 человек противника и, ранив еще многих, прогнали их после двухчасового боя. Они воспряли духом и через некоторое время вернулись, решив победить или умереть; но французы, показывая пленных, заявили, что если враг выстрелит, они убьют его на глазах, а затем дорого продадут свою собственную жизнь. Эта угроза испугала испанцев, и флибустьеры продолжили отступление без сопротивления. Прождав некоторое время на побережье в ожидании выкупа, они оставили пленников невредимыми и с радостью вернулись на Тортугу.

В 1663 году Испания, обнаружив, что Франция втайне поощряет буканьеров на Испаньоле, отдала приказ истребить всех французов на острове, пообещав вознаграждение тем, кто отличится в войне. Командование принял старый фламандский офицер по имени Ванделиноф, который с отличием служил в войнах за Лоу Кантри. Его первой хитростью была попытка застать врасплох главного французского букана в Гонайве, на Бруле-Саванне, с 800 людьми. Охотники, заметив их, подняли тревогу и, собрав 100 "братьев", выдвинулись навстречу им в дефиле, где испанцы были бесполезны. Флеминг был убит с первого залпа, и после упорной борьбы испанцы бежали в горы.

После этого поражения противник вернулся к своему старому и более безопасному плану ночных сюрпризов, которые часто удавались благодаря небрежному наблюдению за ними со стороны буканьеров. Охотники, измученные постоянным чувством незащищенности, стали каждую ночь уходить на небольшие острова вокруг Сен-Доминго и редко выходили на охоту в одиночку. Некоторые буканы, например, в порту Самана, быстро превратились в

города. Вблизи этой превосходной гавани было необычайно много скота, и флибустьер мог за несколько часов отвезти шкуры на рынок Тортуги. Постепенно в порт стали заходить французские и голландские суда, чтобы купить шкуры и поторговать.

Каждое утро, прежде чем отправиться в саванну, охотники поднимались на самый высокий холм, чтобы посмотреть, не видно ли испанцев. Затем они договаривались о встрече на вечер, прибывая туда к моменту. Если кто-то из них пропадал без вести, то сразу же становилось известно, что его похитили или убили, и никому не разрешалось возвращаться домой, пока смерть товарища не будет отомщена. Однажды вечером охотники Саманы, лишившись четырех человек из своей группы, отправились в сторону Сант-Яго и, узнав от пленных, что их товарищи были убиты, вошли в испанскую деревню и перебили всех, кого встретили.

Испанцы тоже иногда мстили. "Река резни" близ Саманы была названа так из-за тридцати буканьеров, которые были убиты на ней во время переправы через реку груженых шкурами людей. Другая группа охотников во главе с Шарлем Торе охотилась в месте, называемом саванна Буа-Брюле, и, набрав необходимое количество шкур, на которые заключили договор купцы, вернулась в Саману. Пересекая саванну, они были застигнуты врасплох превосходящими силами испанцев и, несмотря на отчаянное сопротивление, перебиты до единого человека. Раздраженные такими потерями, буканьеры начали подумывать о мести. Когда испанцы уничтожили дикий скот, некоторые из них стали плантаторами в Порт-де-Пэ, другие - флибустьерами.

Смерть де Понси привела французские колонии в некоторое замешательство, и Тортуга на некоторое время была забыта как домашним, так и колониальным правительством. В этот промежуток времени джентльмен из Перигора по имени Росси, отставной буканьер, решил вернуться к своей старой профессии. Вернувшись в Сен-Доминго, он был встречен охотниками как отец родной, которые предложили ему вернуть Тортугу. Росси, зная, что верность - последняя добродетель, оставляющая сердце, принял их предложение с энтузиазмом азартного игрока, привыкшего к таким отчаянным броскам. Вскоре к нему присоединились пятьсот беженцев, жаждущих завоеваний и мести. Они собрались в каноэ на randevu на острове Испаньола и договорились высадить сто человек на северной стороне острова и захватить горный форт. Испанцы в городе, даже не укрепившись, вскоре были выбиты в форт. Гарнизон скалы был весьма удивлен, когда на рассвете его разбудил салют с соседней горы, когда они увидели, что враг все еще спокойно расположился внизу. Выбравшись наружу, они не смогли обнаружить противника, но прежде чем они смогли вернуться в форт, все были разрублены на куски или взяты в плен. Оставшихся в живых сразу же посадили в лодку и отправили на Кубу, а Росси провозгласили губернатором. Вскоре он получил поручение от французского короля, а также разрешение взимать для поддержания своего достоинства налог в размере десятой части от всех призов, привезенных на Тортугу. Несколько лет Росси правил спокойно, но в конце концов удалился на родину умирать, и вместо него воцарился Ла Плас, его племянник.

В 1664 году французская Вест-Индская компания стала хозяином Тортуги и Антильских островов и назначила губернатором М. д'Ожерона, анжуйского дворянина, потерпевшего неудачу в коммерции. Он оказался хорошим администратором и построил магазины и склады для своих благодарных и привязанных к нему людей. Д'Ожерон вскоре установил порядок и процветание на острове, который стал убежищем для красного флага и террора испанцев. Он колонизировал всю северную часть Испаньолы, от Порт-Марго, где у него был

дом, до трех рек напротив Тортуги. Он привлекал колонистов с Антильских островов и привозил женщин из Франции, чтобы оседлать свое кочевое и мятежное население. В 1661 году Вест-Индская компания, недовольная прибылью от своих товаров, решила отказаться от колонии и потребовать свои долги; именно на корабле "Сент-Джон", отправленном с этой целью, буканьерский историк СЕхmelin, которого нам придется часто цитировать, впервые посетил Тортугу. Д'Ожерон, решив не отказываться от уже начавшего процветать поселения, поспешил во Францию и уговорил нескольких частных купцов продолжить торговлю. Они обещали ежегодно оснащать двенадцать судов, если он будет поставлять им обратный фрахт. Со своей стороны он согласился снабжать колонистов рабами и уничтожать диких собак, которые совершали большие опустошения среди стад на Испаньоле. Новая компания не ответила. Жители страдали от монополии и были недовольны тем, что им разрешалось торговать только с определенными судами, и они были вынуждены отказываться от более выгодных предложений или более дешевых товаров. В поезде произошел несчастный случай. Месье д'Ожерон попытался помешать их торговле с голландскими купцами, и те подняли оружие. В губернатора стреляли, а бунтовщики угрожали сжечь всех плантаторов, которые не присоединятся к их флагу. Но помощь с Антильских островов вскоре привела их в чувство, и, повесив одного из главарей, они сдались по собственному желанию. Губернатор, встревоженный даже вспышкой, которую он предотвратил, в свою очередь пошел на уступки. Он разрешил всем французским купцам торговать, уплатив большую портовую пошлину, и вскоре количество кораблей стало слишком большим для ограниченной торговли этого места. Месье д'Ожерон набрал колонистов из Бретани и Анжу, и в конце концов, после ряда новых подвигов, очень смелых, но всегда неудачных, его сменил на посту командующего племянник месье де Понси.

Существует несколько островов Тортуга. Одна находится в Карибском море, другая - у берегов Гондураса, третья - недалеко от Картахены, а четвертая - в Калифорнийском заливе; все они получили свои названия от формы, напоминающей черепаху, которая толпится в этих морях.

Убежище буканьеров, с которым нам предстоит иметь дело, - это Тортуга в северной части Атлантического океана, небольшой скалистый остров около 60 лиг в окружности, удаленный всего на шесть миль от северного побережья острова Испаньола. Эта Тортуга была для охотников за беженцами из саванн тем же, чем Нью-Провиденс стал для пиратов, а Галапагосские острова - для искателей приключений в Южных морях полвека спустя. У него был только один порт, вход в который образовывал два канала: с двух сторон он был закован в железо, а с другой защищен рифами и отмелями, менее грозными, чем скалы, но не менее опасными. Несмотря на скудное снабжение родниковой водой - недостаток, который туземцы компенсировали свободным употреблением "воды жизни", - внутренняя часть острова была очень плодородной и хорошо лесистой. Пальмы и сандаловые деревья росли в изобилии; сахар, табак, алоэ, смола, китайский корень, индиго, хлопок и всевозможные тропические растения были богатством плантаторов. Земледельцы уже получали дары от земли, которую она - либеральная благодетельница - дарила, не ожидая отдачи, ведь девственная почва не требовала ни посева, ни ухода, ни питания. Остров был слишком мал для саванн, но в зарослях кустарника в изобилии водились кабаны.

Гавань имела мелкое песчаное дно, была хорошо защищена от ветров и обнесена скалами Кост-де-Фер. Вокруг пригодной для жилья части берега простирались пески, так что к ней можно было подойти только на лодках. Город состоял всего из нескольких магазинов и винных лавок и назывался *Бас-Терр*. Пять других частей острова, пригодных для жизни, -

Кайона, Гора, Средняя плантация, Рингот и Мейсонс-Пойнт. Седьмой, Капстерре, для того чтобы сделать его пригодным для жизни, требовалась только вода, так как земля была очень плодородной. Чтобы восполнить недостаток источников, плантаторы собирали дождевую воду в резервуары. Почва острова состояла попеременно из песка и глины, и из последней делали отличные гончарные изделия. Горы, хотя и скалистые и почти не покрытые почвой, были затенены деревьями огромных размеров и красоты, корни которых, как воздушные растения, цеплялись за голые скалы и, опутывая их сетью, вбивали то тут, то там более глубокие якоря в широкие расщелины. Древесина была настолько сухой и жесткой, что, если ее срезать и подставить под солнечные лучи, она расколется с громким звуком, и поэтому ее можно было использовать только в качестве топлива.

На этом благодатном острове произрастали все плоды Антильских островов: табак был лучше, чем на любом другом острове; сахарные тростники достигали огромных размеров, а их сок был слаще, чем в других местах; многочисленные лекарственные растения экспортировались для исцеления болезней Старого Света. Единственным четвероногим животным был дикий кабан, первоначально завезенный с острова Испаньола. Поскольку его вскоре стало не хватать, французский губернатор запретил охотиться с собаками и обязал охотника преследовать добычу в одиночку и пешком. Лесные голуби были почти единственными птицами на острове. В определенные периоды года они собираются в большие стаи; СЕхmelin рассказывает, что за два-три часа, не отходя от дороги на восемьдесят шагов, он собственноручно убил девяносто пять штук. Как только они съедают определенную ягоду, их мякоть становится горькой, как у наших жаворонков, когда они переходят из жнивья в репу. Однажды гасконец, пожаловавшийся на внезапную горечь, в шутку сказал буканьеру, что его слуга забыл удалить желчь. Вокруг острова в изобилии водилась рыба, а крабы - без щипцов; ночные рыбаки носили с собой факелы из свечного дерева. Панцирная рыба была пищей слуг и рабов и, как говорят, была настолько неперевариваемой, что часто вызывала головокружение и временную слепоту; черепаха и ланита также составляли часть их ежедневного рациона. Плантаторов сильно мучили белые и красные сухопутные крабы, или туртуроны, которые жили в земле, заходили в море на нерест, а по ночам грызли сахарные тростники и корни растений. Их единственной ядовитой рептилией была гадюка, которую они приручили, чтобы убивать мышей; в диком состоянии она питалась домашней птицей или голубями. Из желудка одного СЕхmelin извлекли семь голубей и большую птицу, проглоченную примерно за три часа до этого, и приготовили их себе на ужин, подтвердив старую пословицу о "грабеже Петра, чтобы заплатить Павлу". Во времена дефицита этих змей употребляли в пищу. Кроме хамелеонов и ящериц, здесь водились мелкие насекомые с раковиной, как у улитки. Они считались вкусными и очень питательными. Если их держать у огня, из них выделялась красная маслянистая жидкость, полезная как противоревматическое средство. Хотя скорпионы и сколопендры не были ядовитыми, природа, всегда справедливая в своих компенсациях, покрыла остров ядовитыми кустарниками. Самым смертоносным из них была ядовитая мансанилла. Она росла высотой с грушевое дерево, имела листья, как у дикого лавра, и плодоносила, как яблоко; плоды эти были настолько смертоносны, что даже рыбы, которые ели их, если не умирали, становились ядовитыми, и их можно было узнать по черноте зубов. Единственным противоядием было оливковое масло. Индийские рыбаки в качестве теста пробовали на вкус сердце пойманной рыбы, и если оно оказывалось горьким, они сразу понимали, что рыба отравлена, и выбрасывали ее. Сами капли дождя, падающие с листьев, были смертельно опасны для человека и зверя, и спать под их тенью было так же опасно, как и под тенью апа. Дружелюбные ветви приглашали путника (как пороки приглашают человека) отдохнуть под их сенью, но когда он просыпался, то обнаруживал, что болен, слаб и покрыт лихорадочными язвами. Новички слишком часто соблазнялись видом и запахом плодов, и единственным

средством от опрометчивого сына Адама было связать его и, несмотря на жар и боль, не давать ему пить в течение двух-трех дней. Тело страдальца сначала становилось "красным, как огонь, а язык черным, как чернила", затем его охватывали сильные муки жажды и лихорадки, но постепенно они проходили. Еще один ядовитый кустарник, похожий на пименто; его ягоды индейцы использовали для протирания глаз, что, как они считали, повышало остроту зрения и позволяло им видеть рыбу глубже воды и поражать ее гарпуном на большем расстоянии. Корень этого кустарника был ядом, настолько смертоносным, что единственным известным противоядием от него были его собственные ягоды, растертые и выпитые в вине. О другом растении СЕхmelin рассказывает случай, когда негритянская девушка была отравлена отвергнутым любовником, просто положив несколько листьев этого растения между пальцами ног, когда она спала.

ГЛАВА II. ПРАВЫ ОХОТНИКОВ.

Происхождение слов "буканьер" и "флибустьер" - три класса - одежда охотников - пейзажи Вест-Индии - способ охоты - дикие собаки - анекдоты - дикие быки, кабаны, и дикие лошади - пища буканьеров - убийство коров - испанский метод - амуниция - дуэли - приключения с испанским ополчением - охотники, отправленные в море - *ангажементы*, или ученики - лечение шкурами - трудности жизни в буше - *ангажементы* плантаторов - *жестокости* плантаторов - *мателотаж* - *хижины* - *пища*.

Охотники на дикий скот в саваннах Испаньолы были известны под именем буканьеров уже в 1630 году.

Они получили это название от *boucan*,^[1] старого индейского слова, которым их незадачливые предшественники, карибы, называли хижину, в которой они коптили мясо убитых на охоте быков или, нередко, конечности своих преследователей - испанцев. Этот же термин, по бедности неразвитого языка, они применяли к *барбекю* - квадратной деревянной раме, на которой сушилось мясо. Со временем эта еда охотников стала называться *viande boucanée*, а сами охотники постепенно приняли имя буканьеров.

[1] Шарлевуа "История острова Эспаньола", стр. 6, т. II.

Их второе название - флибустьеры - было простым изменением английского слова *freebooters* - немецкого термина, завезенного в Англию во время войн в Лоу-Кантри во времена правления Елизаветы. Его ошибочно отнесли к голландскому слову *flyboat*; но путешественник-иезуит Шарлевуа утверждает, что на самом деле этот вид судна получил свое название от того, что его первыми использовали флибустьеры, а не от его быстроходности. Однако это, очевидно, ошибка, поскольку Дрейтон и Хаклюйт используют это слово, а во французском языке оно, по-видимому, имеет еще более раннее происхождение. Происхождение от английского слова *freebooter* сразу же видно, когда буква *s* в слове *Flibustier* теряется при произношении.

В 1630 году группа французских колонистов, потерпевших неудачу в нападении на остров Святого Христофора, обнаружив, как мы уже показали, что Испаньола почти покинута

испанцами, которые пренебрегли Антильскими островами, чтобы продвигать свои завоевания на материке, высадились на южной стороне и основала поселение, обнаружив, что леса и равнины кишат дикими быками и дикими свиньями. Голландские купцы обещали снабжать их всем необходимым и получать шкуры и сало, которые они собирали, в обмен на свинец, порох и бренди. Первыми поселенцами были в основном норманны, а первые торговые суда, посетившие побережье, пришли из Дьеппа.

Происхождение буканьеров, или охотников, и флибустьеров, или морских бродяг, как их называли голландцы, было одновременным. С самого начала многие из них устали от погони и стали корсарами, сначала обращая свое оружие против всех народов, кроме своего собственного, но впоследствии, став строгими каперниками, мстили за свои обиды только испанцам, с которыми Франция часто воевала, и обычно под властью обычных или поддельных комиссионных, полученных от губернатора Сен-Доминго или какого-либо другого французского поселения. Между буканьерами и флибустьерами не было непроходимой границы; преследовать дикого быка или испанца было одинаково для большей части колонистов, и на море или на суше мушкет охотника был одинаково смертоносным оружием.

Через два года после того, как французские беженцы с острова Святого Христофора высадились на полупустых берегах Испаньолы, флибустьеры захватили небольшой прилегающий остров Тортуга, привлеченные его безопасной и хорошо защищенной гаванью, плодородием и прочностью естественной обороны. Французские и английские колонисты Сент-Кристофера начали возделывать небольшие плантации вокруг гавани, поощряемые множеством французских торговых судов, посещавших остров, и богатствами, которые флибустьеры захватывали у испанцев. Эти суда привозили из Франции молодых людей, которых на три года привязывали к плантаторам в качестве *engagés*, по договору, узаконивавшему временное рабство.

Таким образом, сразу образовалось четыре класса людей - *буканьеры*, или охотники; *плантаторы*, или жители; *ангажементы*, которые были подмастерьями либо у тех, либо у других; и *морские разбойники*. Они управляли собой на основе своего рода демократического договора: каждый житель был монархом на своей плантации, а каждый флибустьер - королем на своей палубе. Но последнего нередко свергала его команда, а первый, если был жесток со своими *ангажементами*, был вынужден подчиняться вмешательству французского губернатора. Прежде чем изложить историю различных революций на Тортуге или войн испанцев на Испаньоле, мы опишем нравы каждого из трех упомянутых нами классов.

Сначала о буканьерах, или охотниках, Испаньолы.

Эти дикари питались телами убитого на охоте скота и, продавая шкуры и сало, получали деньги, которых хватало на покупку предметов первой необходимости и даже роскоши жизни, - для игорного стола и дебоша. В то время как флибустьеры называли друг друга "братьями побережья", буканьеры были включены в общий термин "*люди побережья*", и со временем названия "буканьер" и "флибустьер" стали использоваться без разбора.

Одежда охотника состояла из простой рубашки или блузы (Дю Тертр называет ее мешком), подпоясанной на талии куском зеленой шкуры. Вскоре она окрасилась в тускло-фиолетовый цвет от крови дикого быка и была постоянно измазана жиром. "Когда они возвращались с погони в букан, - рассказывает вышеупомянутый писатель, - можно было сказать, что это самые мерзкие слуги мясника, которые восемь дней пробыли на бойне, не помывшись". Поскольку они часто несли мясо домой, прорезав в центре дыру и просунув в нее голову, мы

можем представить, какими каннибалами они должны были выглядеть. Они носили кальсоны, а часто только узкие мокасины, доходившие до колена; их сандалии были из бычьей или свиной шкуры, скрепленные кожаными шнурками.

В "*Истории авантюристов*" СЕхmelin охотник изображен с босыми ногами, но это не могло быть обычным делом, если вспомнить об опасности чиги, змей и скорпионов, не говоря уже о колючих грушах и колючих тормозах. На кожаном поясе висело короткое, тяжелое *мачете* или сабля, а в чехле из кожи аллигатора - голландские охотничьи ножи. На голове они носили кожаную черепную коробку, по форме напоминающую жокейскую, с козырьком спереди. Они носили волосы, дико спадающие на плечи, а огромные бороды усиливали свирепость их облика. О бороде особенно упоминает СЕхmelin, хотя ни одна из существующих гравюр с изображением вождей буканьеров не представляет их с этим мрачным украшением. По словам Шарлевуа, некоторые из них носили рубашку, а поверх нее что-то вроде фартука пивовара или туники из грубой мешковины, открытой по бокам. Поскольку эта рубашка всегда была испачкана кровью, возможно, иногда ее специально окунали в нее, аббат Рейналь полагает, что такая рубашка была обязательной одеждой буканьера. По словам СЕхmelin, когда его судно приближалось к Сент-Доминго, "отчалило каноэ буканьеров с шестью мужчинами на веслах, чей вид вызвал изумление у всех, кто находился на борту, никогда прежде не бывавших за пределами Франции. На них была маленькая льняная туника и короткие кальсоны, доходившие лишь до половины бедра. Нужно было присмотреться, чтобы понять, льняная это рубашка или нет, настолько она была испачкана кровью, которая капала с животных, которых они убивали и несли домой. У всех них были большие бороды, а на поясе они носили чехол из кожи каймана, в котором лежали четыре ножа и штык". Как и канадские трапперы, да и вообще спортсмены, они особенно бережно относились к своим мушкетам, которые были изготовлены специально для них во Франции; лучшими мастерами были Браши из Дьеппа и Гелу из Нанта. Длина этих ружей составляла около четырех футов с половиной, и они были известны повсеместно как "ружья буканьеров". Колодки были квадратными и тяжелыми, с углублением для плеча, и все они были одного калибра, одноствольные, с шарами по шестнадцать в фунте. Каждый охотник брал с собой пятнадцать-двадцать фунтов пороха, лучший из которых привозили из Шербура. Они хранили его в воощенных калабашах, чтобы уберечь от сырости: у них не было ни укрытия, ни хижины, которая могла бы уберечь от вест-индских дождей. По обе стороны висели патронташ и рожок с порохом, а маленькие палатки они носили на поясе, свернув их, как бандольеры, потому что спали они везде, где останавливались, и, как правило, в своей одежде.

У нас нет ни места, ни достаточно ярких красок, чтобы нарисовать главные особенности индийских лесов: вишню, похожую на арбуз, какао с пурпурными стручками, красное *дерево бессмертника*, низкорослый кедр, полено с его сладким цветком и листвой, похожей на боярышник, кешью с золотыми плодами, олеандр, ямс, похожий на док, и калабашное дерево.

Что за гесперийские сады, где цитрон, лимон и лайм цепляются друг за друга, сосновое яблоко растет в колючей изгороди, мягкие заварные яблоки свисают мешками со сладостью, а авокада размахивает грушами, большими, как тыквы; где хлебный фрукт с гигантскими листьями, глянцевое звездное яблоко и золотистый шаддок роняют свои массы листвы среди росистого и свежего подлеска плантаций, далеко под высоким и изящным деревом какао-ореха.

Майкл Скотт с фотографической точностью и яркостью изображает каждую фазу вест-индского дня и позволяет нам представить свет и тень, окружавшие странную расу, о которой мы пишем. На рассвете ветер стонет и стряхивает росу с пернатых пальм; светлячки бледнеют и гаснут один за другим, как звезды; глубокое кваканье лягушки прекращается, ящерицы и сверчки умолкают; обезьяны перестают кричать; храп древесной жабы и дикий крик тигровой кошки больше не слышны; Но появляются новые звуки, и лес волнуется от голосов и грохота просыпающегося города; мерное постукивание дятла перекликается с ясной, похожей на флейту нотой паво дель монте, криком макаки и болтовней попугая; в глубине леса стонет голубь, каркают и кричат галдящие вороны.

В полдень, когда ветерок стихает, а солнце становится вертикальным, на ветвях оживают сверкающие ящерицы и разноцветные птицы, шумные попугаи скачут вокруг дикой сосны, скот отходит под деревья в укрытие, чтобы полакомиться прохладной травой, а цветы кондули и страстоцвета всех размеров, от суповой тарелки до кольца для большого пальца, закрывают свои соцветия; сами жужжащие птицы перестают трещать и жужжать вокруг оранжевых цветов, а сухопутный краб слышно шуршит среди сухой травы. На болотах поднимается жаркий туман, и дикие птицы слетаются к тростникам и камышам в мутных лагунах, где сильный запах мускуса указывает на затаившегося аллигатора; пернатые плюмажи бамбуков не колышутся, а хлопковое дерево не шевелит ни одной конечностью.

Сезон дождей приносит совсем другие картины: небо внезапно чернеет, дикие утки с криками летают туда-сюда, вороны с карканьем носятся по небу, мелкие птицы спешат в укрытие, горные тучи обрушиваются на долины, и низкий, стремительный шум предшествует дождю. Потоки становятся коричневыми и землистыми, вся природа, кажется, со страхом ожидает гибели. Низкий рокот землетрясения еще более впечатляющ: далекий гром нарушает глубокую тишину, деревья гнутся и стонут, хотя воздух неподвижен. Кроме дождей и землетрясений, еще более страшными гостями являются торнадо, когда воздух в одно мгновение наполняется трепещущими ветвями, осколками крыш и вырванными тростниками.

Главные особенности вест-индских лесов - светлячки и обезьяны. Ночью, когда ветер шелестит сухими пальмовыми листьями, среди деревьев вспыхивают искорки зеленого огня, словно искры, вылетающие из тысячи факелов; мрак пульсирует ими по мере того, как пламя разгорается, и палаты плантаторов наполняются этими безвредными зажигателями. Крик обезьян на рассвете сравнивали с дьявольским праздником, с отдаленным громом, с болтающимися железными прутьями в телеге на Флит-стрит, с волюнками и смехом пьяных.

Именно Кольриджу мы обязаны словесными изображениями капустного дерева и шелкового хлопкового дерева с их приземистыми стволами; баньяна с его закрытыми аркадами; дикого подорожника с его огромными зелеными листьями, изрезанными дольками, его толстыми гроздьями плодов и алыми подвесными семенами; мангровых деревьев с их ветвями, опускающимися в море; банана с его соединенными листьями; папоротников высотой в двадцать футов; золотых тростников в стреловидных снопах и пернатых пальм. Не забудем мы и об игуаре, буа-ле-Суэр и дикой сосне, горячей, как топаз в изумрудной чашечке. Под широкой крышей из ползучих растений, из которых иволга свивает свое гнездо-гамак, растут в диких джунглях красоты алая кордия, розовая и шафрановая цветочная изгородь, плюмерия и белая датура. Летучие рыбы скользили мимо нас, говорит Г.Н. Кольридж, рассказывая об индийских морях, бонитосы и альбикоры играли вокруг носа, дельфины сверкали за нами, время от времени акула, а однажды огромный кит изумрудного цвета составил нам компанию. В другом месте он описывает серебристую полосу, окаймленную вечнозелеными поникшими мангровыми деревьями, и длинные завесы из густой листвы,

темной каймой окаймляющие голубой океан. У берега растут темные и величественные манжинелы, красивые, но вредные, белое дерево и колючий приморский виноград с широкими листьями и гроздьями приятных ягод. Морские птицы порхают по волнам, красные фламинго кружат по песчаным отмелям, аллигаторы плещутся на илистых берегах, а снежные пеликаны проводят торжественно-глупые советы.

Оставив море и берег, мы отправляемся в глубь страны, ибо растительность Вест-Индии повсюду имеет общий характер, и видим восхитительные лесные деревья, растущие на скалах, переплетенные между собой роскошными фестонами вечнозеленых вьюнков, соединяющих их в одну огромную сеть листьев и ветвей, дику сосну, сверкающую на огромных ветвях придорожных деревьев, рядом с ней кинжалоподобную испанскую иглу, стеганое пимплое и алоэ, пускающее свои желтые соцветия на двадцать футов выше путника, или среди темной листвы, увитой пурпурными венками или сиреневыми жасминами; И леса, звенящие песнями птиц, прерываемыми порой странными криками или стонами какого-нибудь тропического странника; мы видим снежные амариллисы, великолепный гибискус с алой короной, трепещущие лаймы и темные блестящие апельсиновые кусты; мы отдыхаем под зеленым тамариндом или слушаем заунывный скрип дерева с песочными ящиками.

Буканьеры ходили парами, каждый охотник имел своего *камрада* или *мателота* (матроса), а также своего *ангаже*. Они редко имели постоянное жилье, но ставили свои палатки там, где можно было найти скот, сооружая временные навесы из пальмовых листьев, чтобы защититься от дождя и хранить запас шкур до тех пор, пока они не смогут обменять их на следующем судне на вино, бренди, белье, оружие, порох или свинец. Они возвращались за три лиги от погони в свои хижины, нагруженные мясом и шкурами, а если ели на открытой местности, то всегда с мушкетом наизготовку и под рукой, опасаясь неожиданности. С *мателотами* у них было все общее. Главным занятием этих добровольных разбойников была охота на дикого быка, а охота на кабана поначалу была просто развлечением или средством добыть роскошную пищу; позднее, однако, многие французы жили охотой на борова, мясо которого они букали и продавали на экспорт, поскольку по вкусу оно превосходило любое другое мясо.

Буканьеры иногда отправлялись компаниями по десять-двенадцать человек, каждый из которых, помимо учеников, имел своего индейца. Перед отплытием они договаривались о месте встречи на случай нападения. Если они надолго задерживались на одном месте, то строили соломенные навесы, под которыми разбивали палатки. Они вставали на рассвете, чтобы пуститься в погоню, оставляя одного из группы охранять хижины. Хозяева обычно шли первыми и в одиночку (иногда самого плохого стрелка оставляли в палатке готовить еду), а за ними следовали *ангагэ* и собаки; одна гончая, *вентерь*, шла впереди всех, часто ведя охотника через лес и скалы, где никогда не было тропы. Когда добыча появлялась в поле зрения, собаки с лаем обходили ее и держали на расстоянии, пока охотники не могли подойти и выстрелить. Как правило, они целились в грудь быка или старались как можно быстрее уложить его на землю. Многие охотники сбивали дикий скот в саванне и нападали на него с собаками. Если бык был ранен, он бы бросился на них и растерзал всех, кого встретил. Но такое случалось крайне редко, поскольку мужчины были смертельными стрелками, редко *промахивались* и в случае опасности всегда были достаточно активны, чтобы забраться на дерево, из-за которого они стреляли. У собаки *вентера* был особый короткий лай, которым он призывал стаю на помощь, и, как только они его слышали, *ангагес* бросались на помощь. Когда зверь был наполовину разделан, хозяин вытащил самую большую кость и высосал горячий костный мозг, который послужил ему для еды, дав немного

и *вентеру*, но не другим собакам, чтобы они не обленились на охоте; последнему же лаггеру в стае иногда бросали немного, чтобы побудить его к большому напряжению. Затем он оставил *ангаге* нести шкуру в букан, прихватив с собой несколько лучших суставов, а остальное отдал воронам, которые вскоре учуяли кровь. Они продолжали погоню, пока каждый не убивал по быку, и последний возвращался домой, нагруженный, как и все остальные, шкурой и порцией сырого мяса. К этому времени первый пришедший готовил ужин, жарил говядину или шпиговал целого борова. Вскоре накрывали столы; они состояли из плоского камня, поваленного ствола дерева или корня, без скатерти, без салфетки, без хлеба и без вина; пименто и апельсиновый сок были достаточным соусом для голодных мужчин, а довольный ум и острый аппетит никогда не спорили с грубой стряпней. Эта однообразная жизнь сменялась лишь столкновением с раненым быком или стычкой с испанцами. В дни грандиозных праздников охотник собирал столько шкур, сколько было заказано торговцу, и вез их на Тортугу, на мыс Тибурон, в Саману или Сан-Доминго, чтобы через неделю вернуться, утомленный выпивкой или попрошайничеством у игорного стола, уставший от цивилизации и жаждущий погони.

Дикий скот Испаньолы - быки, свиньи, лошади и собаки - произошел от домашних животных, изначально привезенных из Испании. Собаки были завезены на остров, чтобы преследовать индейцев - жестокость, которую проявлял даже мягкий Колумб. По словам Эсквемелинга, первые завоеватели Нового Света использовали собак "для того, чтобы искать в запутанных чащах лесов и перелесков своих непримиримых и непобедимых врагов; таким образом они заставляли их покинуть свое старое убежище и покориться мечу, видя, что никакие более мягкие методы не помогут. После этого они убили некоторых из них и, разложив их тела на четверти, разложили их на дорогах, чтобы другие могли получить предостережение от такого наказания. Но эта суровость имела дурные последствия, ибо, вместо того чтобы напугать их и привести к вежливости, они прониклись таким ужасом к испанцам, что решили навсегда отворотиться от них и скрыться от их глаз; поэтому большая часть погибла в пещерах и подземельях лесов и гор, в которых я сам часто видел множество человеческих костей. Испанцы, не найдя больше индейцев в лесах, выгнали множество собак, которых держали в своих домах; а те, не найдя хозяев, которые могли бы их содержать, ушли в леса и поля охотиться за пищей, чтобы сохранить свою жизнь, и со временем одичали".

Молодняк этих бордовых собак охотники имели обыкновение брать на воспитание. Найдя дикую суку с приплодом, они обычно забирали щенков и приносили их к себе в палатку, предпочитая их любой другой породе собак. Похоже, они были чем-то средним между борзой и мастифом. Голландский писатель, которого мы только что цитировали, отмечает необычный факт, что эти собаки даже в диком состоянии сохраняли приобретенные привычки. *Вентер* всегда шел впереди, и ему позволялось первым вонзить клыки в жертву. Дикие собаки ходили стаями по пятьдесят-восемьдесят особей и были настолько свирепы, что не гнушались нападать на целое стадо кабанов, заваливая по два-три сразу. Они уничтожили огромное количество дикого скота, пожирая молодняк, как только кобыла жеребилась или корова телилась.

"Однажды, - рассказывает Эсквемелинг, - один французский буканьер продемонстрировал мне странное действие такого рода. Находясь вместе на охоте в поле, мы услышали сильный шум собак, окруживших дикого кабана. Имея при себе ручных собак, мы оставили их на попечение наших слуг, желая посмотреть на зрелище. Поэтому мы с моим спутником забрались на два дерева, как для безопасности, так и для обзора. Кабан, в полном одиночестве, стоял на дереве, защищаясь клыками от множества собак, окруживших его,

убивал зубами и ранил нескольких из них. Эта кровавая схватка продолжалась около часа, а кабан тем временем много раз пытался убежать. Наконец один из псов, спасаясь бегством, прыгнул ему на спину; остальные собаки, видя мужество своего товарища, тоже устремились на кабана и вскоре убили его. После этого все они, за исключением первой, улеглись на землю около добычи и мирно, пока первая и самая смелая из них не съела столько, сколько смогла. Когда этот пес уходил, все остальные набрасывались на него, чтобы взять свою долю, пока не оставалось ничего".

В 1668 году губернатор Тортуги, обнаружив, что из-за этих собак дикие кабаны почти вымерли, и опасаясь, что охотники покинут место, где пищи становится все меньше, отправил во Францию яд для уничтожения этих мастифов и разложил в лесу отравленную лошадиную плоть. Но хотя эта практика продолжалась в течение шести месяцев, и было убито невероятное количество особей, вскоре раса оказалась почти такой же многочисленной, как и раньше.

Дикие лошади шли отрядами по две-три сотни. Они были неуклюжими и нескладными, маленькими и коротконогими, с большими головами, длинными шеями, отвислыми ушами и толстыми ногами. У них всегда был вожак, и когда они встречали охотника, то смотрели на него, пока он не приближался на расстояние выстрела, а затем галопом усакивали все вместе. Их убивали только ради шкур, хотя их мясо иногда коптили для моряков. Лошадей ловили, растягивая петли вдоль их следов, в которых они запутывались за шею. Пойманных лошадей быстро приручали, продержав два-три дня без еды, а затем использовали для перевозки шкур. Они были хорошими работниками, но легко ранимыми. Известны случаи, когда буканьер уводил их в плавание из-за нехватки еды, чтобы продержаться всю зиму, и они возвращались через десять месяцев после этого или, встретив их в саванне, начинали скулить и ласкаться к своим прежним хозяевам и терпели, когда их возвращали. Их также убивали ради жира на шее и животе, который охотники использовали для масла для ламп.

Дикие быки были послушными, если их не ранили, а длина их шкур обычно составляла от одиннадцати до тринадцати футов. Они были очень сильными и быстрыми, несмотря на короткие и стройные ноги. За одно столетие, прошедшее с момента их появления, они настолько увеличились, что французские буканьеры, высаживаясь на берег, редко отправлялись на их поиски, а поджидали их у берега, у соленых водоемов, куда они приходили попить. Стада кормились ночью в саваннах, а в полдень уходили в укрытие лесов. Раненый бык нередко на четыре часа блокировал дерево, за которым укрылся охотник, с ревом огибая ствол и вспарывая рогами корни. Французские охотники обычно стреляли в них, но испанские "хокеры" спускались на них верхом и подсекали копьем в форме полумесяца, по форме напоминающим нож для сыра с длинной ручкой.

Кабаны, когда их сильно прижимали, использовали ту же военную хитрость, что и быки. Они выстраивались в форме полого квадрата: свиноматки - сзади, поросята-сосуны - в середине, белые сабельные клыки кабанов сверкали в сторону врага. Собаки всегда набрасывались на незащищенную свиноматку, предпочитая свирепого самца, на которого они редко нападали, если он укрывался под деревом, хотя он мог быть один, оскалив красные пасти перед восьмьюдесятью рыкающими собаками. Охота на кабанов была менее опасной, чем на диких быков, и менее прибыльной. Кабанов скоро стало не хватать: за один день охотники иногда убивали сотню, а домой уносили лишь трех-четырех самых жирных. Нередко одинокие охотники или заблудившиеся в лесу *ангагэ* развлекались тем, что дрессировали молодых свиней, которых находили под деревьями, и учили их отслеживать свой собственный вид и спускаться вниз, дергая за длинные кожистые уши. СЕхmelin, самый умный из немногих писателей-буканьеров, рассказывает о своем успехе в дрессировке четырех

свиней, которых он научил ходить за ним по пятам, как собак, играть с ним и выполнять его приказы. Когда они видели стадо кабанов, то бежали вперед и подманивали их к нему. Однажды один из них убежал на равнину, но через три дня вернулся, самодовольно возглавляя стадо кабанов, из которых его хозяин и его *мателот* убили четырех. Не прошло и нескольких лет, как один английский егерь завел свинью, чтобы добыть себе хлеб в качестве пойнера.

Поначалу, когда зеленые саванны были черными от крупного рогатого скота, охотники были настолько привередливы, что редко ели что-либо, кроме вымени коров, считая мясо быка слишком жестким. Многие стада убивали, как сейчас в Австралии или Калифорнии, ради шкур и сала. Если первым животным, убитым за день охоты, была корова, *ангаге* немедленно отправлялся в палатку с частью мяса, чтобы приготовить его к вечеру. Когда *ангаге* отправлялся домой со своим косяком и шкурой, за ним следовал буканьер со своим грузом, а его собаки, усталые и запыхавшиеся, отставали по пятам. Если на обратном пути ему встречался кабан или несколько быков, он бросал свой фардель, заваливал свежую жертву и, распластав ее, вешал шкуру на дерево в недоступном для диких собак месте, а наутро возвращался за ней.

Вернувшись в букан, каждый мужчина приступал к работе по растягиванию (*brochéter*) своей шкуры, плотно закрепляя ее четырнадцатью деревянными колышками и натирая пеплом и солью, смешанными вместе, чтобы она быстрее высохла. Когда с этим было покончено, они сели за стол, чтобы отведать еду, которую к этому времени приготовил первый пришедший. Говядину обычно варили в большом котелке, который был у каждого охотника, вынимая ее, когда было готово, деревянной шпажкой. В качестве блюда им служила доска. Деревянной ложкой они собирали подливу в калабаш, а в него выжимали сок свежего лимона, измельченного цитрона или немного пименто, что составляло любимый соус охотников - *пиментадо*. Сделав это со всей тщательностью удэ, они брали свои охотничьи ножи и деревянные шампуры и приступали к торжественной атаке на увесистый косяк. Остатки они разделили между своими собаками. Пьер Лабат, жирный иезуит, если верить его портрету, с большим воодушевлением описывает пиршество буканьеров, на котором он присутствовал и на котором боров был зажарен целиком. Зажаренное мясо использовалось во время путешествий или в тех случаях, когда нельзя было найти быков.

Когда они хотели забить свинью, то сначала снимали с нее кожу и вынимали все кости. Мясо нарезали длинными кусками, которые укладывали на циновки и оставляли там до следующего дня, когда приступали к копчению. Букан представлял собой небольшую хижину, крытую пальмовыми циновками, с низким входом, без дымохода и окон: в нем находился деревянный каркас высотой семь или восемь футов, на который клали мясо, а под ним разжигали огонь из древесных углей. В огонь всегда клали шкуру и кости животного, отчего дым получался густым и насыщенным аммиаком. Летучая соль костей легче впитывалась в мясо, чем просто лигниновая кислота дерева, и в результате получалось эпикурейское лакомство, намного превосходящее наши вестфальские окорока и больше похожее на нашу подвешенную говядину. Oehmelin весьма красноречиво расхваливает его. Он говорит, что она была настолько изысканной, что не нуждалась в приготовлении; сам ее вид, красный, как роза, не говоря уже о восхитительном аромате, соблазнял самый плохой аппетит, чтобы съесть ее, какой бы она ни была. Единственное несчастье заключалось в том, что через шесть месяцев после копчения мясо становилось безвкусным и непригодным для употребления; но в свежем виде оно считалось настолько полезным, что больные люди приезжали издалека, чтобы пожить в палатке охотника и некоторое время разделить его пищу. Первое, что видели пассажиры, приезжавшие в Вест-Индию, - это каноэ буканьеров,

привозивших сухое мясо на продажу. Мясо из каноэ продавалось тюками по шестьдесят фунтов весом, а их горшки с таловым жиром стоили примерно шесть кусков по восемь.

Лабат - не обычный любитель хорошего настроения, если судить по его портрету, на котором он изображен с пухлыми, как подушка кафедры, щеками и жирными валиками двойного подбородка, - описывает пиршество буканьеров с большим благоговением, отправившись на пир охотника - телесное угощение, предназначенное в качестве легкой компенсации за большую духовную пищу. У каждого буканьера, по его словам, было по два шампура из чистого очищенного дерева, один из которых имел два шипа. Сам букан был сделан из четырех кольев толщиной с человеческую руку и длиной около четырех футов, вбитых в землю так, чтобы образовать квадрат длиной пять футов и три фута в поперечнике. На эти вильчатые палки клали поперечные перекладыны, а на них - вертел, скрепляя все это прутьями. Кабана, содранного и выпотрошенного, клали на этот вертел целиком, а живот держали открытым с помощью палки. Костер разводили из древесного угля, который подкладывали берестяными лопатками. Внутрь свиньи наливали сок цитрона, соль, толченый пименто и перец, а мякоть постоянно прокалывали, чтобы сок мог проникнуть внутрь. Когда мясо было готово, повара дважды стреляли из мушкета, чтобы вызвать охотников из леса, а вокруг раскладывали банановые листья для тарелок. Если охотники приносили домой птиц, то сразу же подбирали их и бросали в желудок свиньи, как в кастрюлю. Если охотники были новичками и ничего не принесли, их снова отправляли на поиски; если же они были ветеранами, их заставляли выпить столько чашек, сколько оленей, быков или кабанов убил в тот день лучший охотник. Лист служил для хранения соуса пименто, калабаш - для питья, а бананы заменяли им хлеб. *Ангаге* ждали своих хозяев, и одним из наказаний за неуклюжую подачу было принуждение выпить из калабаша, полного соуса.

Английские "убийцы коров" и французские охотники довольствовались тем, что добывали как можно больше шкур в кратчайшие сроки, но испанские *матадоры* придали этому ремеслу атмосферу рыцарского приключения, соперничая с подвигами мавританских бойцов с быками из Гранады. Они не пользовались огнестрельным оружием, но носили копья с полулунным лезвием, использовали собак и, будучи, как правило, людьми состоятельными и плантаторами, имели пеших слуг, чтобы побуждать их к атаке. Когда они выслеживали быка в лесу, то заставляли гончих выгнать его в прерию, где матадоры могли пуститься за ним в погоню и, объезжая чудовище, заколоть его или проткнуть копьем. Дампьер подробно описывает испанский способ запрягания. Лошади были обучены отступать и наступать даже без сигнала. Снаряд для хоккея, имеющий форму полумесяца, размером шесть дюймов по горизонтали, напоминал по форме дерн садовника. Рукоятку длиной около четырнадцати футов держали над головой лошади, как копье: матадора всегда можно было узнать по тому, что его правое ухо отгибалось вниз под тяжестью древка. Место для удара находилось чуть выше ягодиц; при ударе лошадь мгновенно поворачивала влево, чтобы избежать удара раненого быка, который вскоре ломал почти оторванную ногу, но все еще хромал вперед, чтобы отомстить своему грозному врагу. Тогда хоксер, мягко подъехав, снова ударил его железом, но на этот раз в переднюю ногу, и тут же уложил его на землю, стонущего от ужаса и боли. Затем, разобравшись, испанец взял острый кинжал и вонзил его зверю за рога, перерезав спинной мозг. Эту операцию англичане называли "опрокидыванием". Охотник тут же садился на коня и оставлял своих скорняков снимать шкуру.

Статный испанец был в восторге от этой опасной погони со всеми ее хитростями, неожиданностями и побегами на волосок от гибели, когда жизнь зависела от поворота уздечки или удара шпоры. Как бы ни приходилось ему добывать пищу или подвергаться опасности со стороны врагов, он практиковал ее со всеми величественными церемониями мадридской арены. Огненное животное, истекающее кровью и пеной, ревущее от ярости и боли, часто топтало и загрызало собак, убивало лошадь и всадника. СЕхmelin упоминает быка на Кубе, который убил трех лошадей в один день, а счастливый всадник совершил торжественное паломничество к святилищу Богородицы Гваделупской, когда он нанес своей жертве *смертельный удар*.

Эти испанские охотники не были такими грубыми, как буканьеры, и держали лошадей для перевозки своих тюков. Они были разборчивы в еде, ели хлеб и маниоку вместе с говядиной, пили вино и бренди, а также фрукты и консервы. В одежде они гордились своим белым бельем. В каждом отдельном охотничьем уголке были свои обычаи. В Кампичи, где земля была болотистой, лесорубы часто стреляли в быков из каноэ, а иногда их преследовал раненый зверь, который пытался потопить лодку. Когда лесорубы убивали быка, они разрезали его на четвертины и, вынув все кости, проделывали в центре каждого куска отверстие, достаточно большое, чтобы просунуть голову, и шли с ним к своим палаткам на берегу. Если они уставали или их преследовали, они отрезали часть мяса и облегчали свой груз.

Испанцы, менее бедные, жадные и беспечные, чем английские и французские авантюристы, убивали только быков и старых коров, а молодых оставляли размножаться. Французы были печально известны своей беспечной расточительностью, используя быков лишь как метки для своих пуль, и были так же безразличны к будущему, как Автолик, который "спал, не думая о нем". Около 1650 года дикий скот на Ямайке был полностью уничтожен, и губернатор закупил свежие запасы на Кубе.

Когда быков стало не хватать, они стали еще более дикими и свирепыми. В некоторых местах ни один охотник не осмеливался стрелять в них в одиночку и никогда не осмеливался заходить на их пастбища без присмотра. Все животные становятся пугливыми, если их часто преследуют, и ни одна рыба не является такой неприступной, как та, что водится в часто посещаемом ручье. Дампьер рассказывает, что на Биф-Айленде старые быки, которые когда-то были ранены, увидев охотников или услышав их мушкеты, мгновенно выстраивались в квадрат, с коровами сзади и телятами в середине, поворачиваясь, как поворачиваются охотники, и выставляя свои рога, как гроздь штыков. Затем нужно было прочесать лес в поисках беглецов. Зверь, смертельно раненный, всегда бросался на охотника, но если пуля только задела его, он убегал. Корова считалась более опасной, чем бык, поскольку первая нападала с открытыми глазами, а второй - с закрытыми. Опасность часто была неминуемой. Один из товарищей Дампьера отважился выйти в саванну, примерно в миле от хижин, и, подойдя на расстояние выстрела к быку, нанес ему тяжелое ранение. Однако у быка хватило сил догнать и перегнать дровосека, прежде чем он успел зарядиться, растоптать его и пронзить в бедро. Затем, потеряв сознание от потери крови, он замертво рухнул на землю и тяжело упал рядом с истекающим кровью и стонущим охотником. Его товарищ, пришедший на следующее утро на поиски человека, нашел его слабым и почти умирающим и, взвалив его на спину, отнес в свою хижину, где тот вскоре выздоровел. Быстрота такого излечения свойственна дикарям или людям, посвятившим всю свою жизнь мускульным нагрузкам; ведь плоть островитян Южных морей, как говорят, смыкается с мечом, как индийская резина с ножом, который ее режет. Часто в пылу и азарта этих занятий охотник-одиночка, а еще чаще, от недостатка опыта и юношеской неосторожности, *ангаге*, терял дорогу в лесу или, упав в

лесной водоем, становился добычей затаившегося каймана, если его не настораживал предчувствуемый запах мускуса, указывающий на опасную близость. Природа полна таких предупреждений, а вибрирующий треск индийской змеи спас жизнь многим буканьерам.

Помимо непрекращающихся поставок говядины на берег и соленой черепахи в море, буканьеры ели мясо оленей и пекави. На материке всегда можно было подстрелить дикую индейку, а жирные обезьяны и пухлые попугаи служили источником пропитания для более голодных и менее эпикурейских людей. Богатые фрукты Вест-Индии, не требующие обработки для улучшения вкуса, росли вокруг их хижин, и их можно было собирать круглый год. Иссошенные охотники наслаждались смолистым манго и сочной гуавой не меньше, чем наши современные моряки. В такой стране каждый - вегетарианец; ведь когда ужин окончен, чтобы стать фруктоедом, не нужно аскетизма, как у отшельников. Подорожник и батат служили им вместо хлебных плодов Тихого океана или картофеля Вирджинии, а заварное яблоко заменяло выпечку; но главным лакомством, о котором упоминают все их летописцы, была большая груша авокадо, которую они считали афродизиак. Этому огромному фрукту лимонного цвета давали дозреть, затем вынимали мягкую мякоть и взбивали ее в тарелке с апельсиновым и лаймовым соком; но голодные и более нетерпеливые мужчины ели ее сразу, с небольшим количеством соли и жареным подорожником. Буканьер никогда не прикасался к незнакомому фрукту, пока не видел птиц, клевавших его на дереве. Ни одна птица не прикасалась к цветущим, но ядовитым яблокам манчинела, которые безнаказанно ели лишь крабы; поскольку это дерево росло у берега моря, даже рыбы становились ядовитыми, питаясь упавшими в воду плодами. Проверенные истории о манчинеле превосходят басни, связанные с апами из Батавии. Сама роса на его ветвях отравляла тех, на кого она падала. Эсквемелинг рассказывает: "Однажды, когда меня очень мучили комары или мошки, и я еще не был знаком с природой этого дерева, я срезал ветку, чтобы она служила мне веером, но на следующий день все мое лицо распухло и покрылось волдырями, как от ожога, до такой степени, что я ослеп на три дня".

Охотники, которых мучили комары и песчаные мухи, использовали ветки с листьями в качестве веера и мазали лицо свиным жиром, чтобы защититься от укусов. По ночам в своих хижинах они жгли табак, без дыма которого невозможно было уснуть. Комары были самых разных видов, жужжащие и молчаливые, мучители днем и ночью; но они рассеивались, когда поднимался сухопутный бриз или усиливался ветер. Обыкновенный комар не был замечен днем, но на закате наполнял лес своим зловещим жужжанием. В одном из случаев Сехмелин описывает, как он восемь часов пролежал в воде ручья, спасаясь от их укусов; он сидел на камне или на песке, а лицо, которое находилось над водой, прикрывал листьями, чтобы защитить его от жгучих укусов.

Ручки буканьеры делали из тростника, а бумагу - из листьев своеобразной пальмы, внешняя кутикула которой была тонкой, белой и мягкой; чернилами служил черный сок ягод можжевельника, написанные которым письма белели через девять дней. В своих домах они держали безобидных змей, чтобы те питались крысами и мышами, как мы - кошками, а копты - ихневмонами. Вместо фонаря они часто использовали горсть огненных мух: Эсквемелинг, сам буканьер, говорит, что с тремя такими мухами в своем домике в полночь он мог читать любую книгу, каким бы мелким ни был шрифт.

Буканьеры носили в своих табачных мешочках рог огромного паука, который, по описанию Эсквемелинга, был размером с яйцо, с ногами длиной с краба и четырем черными зубами, как у кролика, причем укус его был острым, но не ядовитым. Эти зубы или рога они использовали либо как зубочистки, либо как трубочисты; предполагалось, что они обладают свойством предохранять пользователя от зубной боли. По описанию, их длина составляет

около двух дюймов, они черные, как струя, гладкие, как стекло, острые, как шип, и немного загнуты на нижнем конце.

Свою любимую игрушку, игральные кости, они вырезали из белых, похожих на слоновую кость зубов морского коня. Великие наблюдатели за использованием вещей и хорошо обученные горькой школой опыта, они обращали каждое новое природное явление, с которым встречались, в какую-нибудь полезную цель, объединяя с острой проницательностью охотника проницательный инстинкт дикаря. Шипы для лошадей они делали из кожи, содранной со спины дикого быка или морской коровы. Плети делались из кусков шкуры длиной в два-три фута, полной толщины в нижней части, квадратной формы и сужающейся к острию. Их скручивали еще зелеными, а затем вешали в хижине сушиться; через несколько недель они усыхали и становились твердыми, как дерево, и прочными, как американская воловья шкура, абиссинский бич или прославленный русский тук. Из шкуры манити они вырезали ремни, которые использовали в своих каноэ вместо обычного толя.

Охотники на кабанов часто жили в хижинах по четыре-пять человек вместе и оставались на одном месте месяцами, а часто и годами, снабжая соседних плантаторов по контракту. Между *мателотами* царило полное равенство; если одному из них требовался порох или свинец, он брал его из магазина другого, сообщая ему о займе и возвращая его по мере возможности.

Если между кем-то из них возникал спор, их помощники старались уладить разногласия. Спор о пари в стрельбе или о самом незначительном пустяке мог привести к смертельной вражде между такими незаконными и мстительными изгнанниками, не привыкшими к контролю и готовыми прибегнуть к оружию. Если оба все же решались на месть, бесстрашным арбитром становился мушкет. Друзья дуэлянтов решали, на каком расстоянии друг от друга должны стоять бойцы, и заставляли их тянуть жребий, кто первым выстрелит. Если один из них падал замертво, свидетели немедленно устраивали своеобразное дознание, на котором решали, справедливо ли с ним расправились, осматривали тело, чтобы убедиться, что смертельный выстрел был произведен честно, а не трусливо или вероломно, и осматривали мушкет, чтобы убедиться, что он разряжен и исправен. Затем хирург вскрывал отверстие раны, и если решал, что пуля вошла сзади или с одной стороны, то выжившего объявляли убийцей; объявляли закон Линча, привязывали преступника к дереву и расстреливали из своих мушкетов. На Тортуге или вблизи города к этому грубому правосудию никогда не прибегали, и даже в более диких местах от него вскоре отказались, поскольку охотники становились более цивилизованными. Дуэли обычно происходили на морском пляже, если в них участвовали флибустьеры.

Поскольку эти люди постоянно занимались физическими упражнениями, были равнодушны к климату и питались в основном свежим мясом, они отличались крепким здоровьем. Однако они были подвержены летучим лихорадкам, которые проходили за день и не ограничивали их даже в палатках.

С испанскими лансерос, или "пятидесятыми", как их называли буканьеры, охотники находились в постоянной войне, и их бесстрашная пехота, как правило, успешно противостояла горячим атакам этих йоменов саванны. На Испаньоле их было четыре роты, по сотне копьеносцев в каждой; половина из них обычно находилась в дозоре, а остальные отдыхали, и от их количества они и получили свое прозвище. В их обязанности входило заставить врасплох разрозненных охотников, сжигать склады шкур, брать в плен *ангагес* и охранять испанских поселенцев от внезапного нападения. В другое время они занимались уничтожением стад дикого скота, который давал пищу буканьерам и привлекал новые

отряды на равнины, где они в изобилии водились. В больших предприятиях весь корпус кричал "сапог и седло", и они всегда брали с собой несколько пеших мулетов, либо для перевозки багажа, либо в качестве разведчиков в лесу, где убийцы коров строили свои хижины. Но, несмотря на негритянских фуражиров и индейских шпионов, более зоркие буканьеры, как правило, ускользали, а если встречались, то прорывались, как разъяренные волки, сквозь заросли своих противников. Привыкшие к бушу, привыкшие к голоду и усталости и более равнодушные к климату, чем даже испанцы, буканьеры редко попадали в плен. Меткие стрелки, с привкусом дикого зверя в крови, они предпочитали смерть бегству или плену.

Вероятно, даже для этой утомительной и опасной погони испанцы легко находили рекрутов. Постоянный спорт с диким скотом, обильная еда и дух приключений стали бы неотразимой приманкой для браво из Карфагены или матадоров из Кампеачи. Прихлебатели из винных лавок и любители выпить пульке в Мексике охотно участвуют в любом походе, который принесет им несколько пистолей, а также обеспечит хорошей едой и красивой одеждой.

В книге *СХmelin* приводится несколько примеров дерзких побегов охотников за буканьерами от кровавой погони пятидесятих годов. По их обычаю, как только до палаток доходила весть о том, что лансерос выехали, они отдавали приказ, чтобы первый человек, заметивший всадников, сообщал об этом остальным, чтобы напасть на врага из засады, если их будет слишком много, чтобы встретиться в открытом поле. С другой стороны, главная цель лансерос заключалась в том, чтобы дожидаться ночи с дождем и ветром, когда не будет слышен стук копыт, и расправиться со спящими, когда их огнестрельное оружие будет либо сырым, либо сваленным в недоступном месте. Часто они окружали охотников, когда те были тяжелы после дебоша, и когда даже часовые спали у дверей палатки.

Впечатление от этих встреч передает следующий анекдот. Французский буканьер, отправившийся однажды в саванну на охоту в сопровождении своего *ангажемент*, был внезапно окружен отрядом кричащих лансеро. Он сразу понял, что пятидесятые наконец-то заманили его в ловушку. Он был окружен, и бежать от их стремительного преследования, когда рядом нет ни одного дерева, было безнадежно. Но он не позволил надежде покинуть его, пока копья были в его сердце. Его *подручный* был не менее храбр, чем он сам, и оба решили стоять на месте и дорого продать свои жизни. Охотнику на бешеных волон и укротителю диких лошадей не нужно бояться ни человека, ни дьявола. Хозяин и человек встали спина к спине и, положив между собой общий запас пороха и пуль в шапках, приготовились к смерти. Испанцы, у которых были только копья, продолжали скакать вокруг них, боясь сузиться или рискнуть выстрелить, и взывая к ним с угрозами сдаться. Они предложили им четвертоваться и, наконец, пообещали разоружить их, но не трогать, сказав, что они лишь выполняют приказ своего генерала. Два француза насмешливо ответили, что никогда не сдадутся и не захотят сдаваться, и что первый же подошедший улан дорого заплатит за свой визит. Испанцы все еще вились вокруг, боясь наступать, никто из них не желал стать первой жертвой или играть роль козла отпущения для остальных. "*C'est le premier pas qui coute*", и первый шаг, который они сделали, был назад. Посоветовавшись на безопасном расстоянии, они наконец оставили буканьеров стоять угрожающе спина к спине и поскакали прочь, наполовину опасаясь, что татары, которых они почти настигли, могут перевернуть ситуацию и двинуться на них.

Стойкое упорство пехоты буканьеров, как правило, побеждало стремительный, но скоротечный натиск испанской кавалерии.

В другой раз дикий буканьер, охотившийся в одиночку, был застигнут врасплох похожей партией конных пикинеров. Видя, что между ним и ближайшим лесом есть некоторое расстояние и что его наверняка схватят, он придумал следующую *хитрость*. Подняв ружье к плечу, он двинулся вперед рысью, ликуя крича: "*За мной, за мной!*", как будто за ним следовал отряд разрозненных товарищей, отправившихся на поиски испанцев. Кавалеристы, сразу поняв, что попали в засаду, обратились в бегство, к радости находчивого охотника, который быстро скрылся, смеясь, в соседнем укрытии.

Испанцы вконец измотались в этой пограничной войне, невыгодной, потому что она велась с людьми, которые были слишком бедны, чтобы вознаградить грабителя, и опасной, потому что сражались со всеми недостатками оружия и положения. В саваннах испанцы были грозны, но в лесах они становились верной добычей для мушкетера. Не сумев вытеснить грабителей с острова, испанцы в конце концов по глупости решили сделать так, чтобы остров не стоил награбленного. Из Испании пришел приказ уничтожить дикий скот, который Колумб первоначально завез на остров, и особенно вокруг побережья. Если торговля с французскими судами и обмен шкур на бренди будут пресечены, охотники будут изгнаны из лесов голодом или погибнут один за другим в своих норах. Они мало задумывались о том, что эта затея удастся и каковы будут последствия такого успеха. Охотники превратились в морских крестоносцев, а море стало саванной, где они искали свою человеческую дичь. Вскоре каждая бухта наполнилась людьми, более смертоносными, чем датский викинг: потерпев крушение на обитаемом берегу, они высаживались как захватчики и становились охотниками, как и прежде; загнанные в свои лодки, они снова становились искателями приключений. Это название, как и название "солдат удачи", приводило их в восторг: в более честную и менее вежливую эпоху их называли бы пиратами. К 1686 году переход от буканьеров к флибустьерам был почти полностью завершен.

Жизнь, которую *вели ангажементы* буканьеров, была немногим лучше жизни тех белых рабов, которых блестящие обещания плантаторов выманивали из Франции. Однако существование первых было более сносным благодаря разнообразию приключений, лучшей пище и ежедневному отдыху. Если ему приходилось целыми днями под жарким солнцем таскать тюки со шкурами из хижины хозяина на берег, мы должны помнить, что американские моряки до сих пор с удовольствием занимаются тем же самым в Калифорнии за обычную зарплату моряка. Взаимная опасность неизбежно порождала, за исключением самых жестоких случаев, некое подобие товарищества между хозяином и слугой букана. Поднявшись на рассвете, *ангаге* весь день продирался сквозь кустарник, стона под своей ношей из отвратительных шкур, но хороший обед наступал перед закатом, а затем зажигались трубки, пили бренди, пели песни и рассказывали сказки, а охотники стреляли по меткам или заключали пари на мастерство своих *матлотов* или *ангаге*.

Из Шарлевуа мы узнали, что молодые блудники из хорошей семьи предпочитали холщовую палатку гобеленовым стенам и хватались за мушкет охотника рукой, которая могла бы держать генеральский жезл или маршальский посох.

Жизнь буканьера не была сплошным весельем и праздностью; ни роскошные пещеры, ни надежные крепости не служили им одновременно и сокровищницей, и дворцом, и крепостью. Они были странствующими разбойниками; их ненавидели и испанцы, и индейцы, и они ели, держа наготове заряженное ружье. Рядом с ними таился ягуар, из своего логова на них смотрела медянка. Если они спотыкались, их загрызал бык или разрывал кабан; если они убегали, то становились добычей каймана в бассейне; их сносило, когда они переходили вброд разбухшие реки; их поглощало это страшное предвестие Суда - землетрясение. Акула и морское чудовище проплывали мимо их каноэ, вороны-каррион, которые сегодня питались

оставленной ими тушей, завтра тоже часто питались убитым охотником. Самые дикие переходы между безопасностью и опасностью, изобилием и голодом, миром и войной, здоровьем и болезнью окружали их повседневную жизнь. Сегодня - в саванне, темной от диких стад, завтра - вынужденный пировать плотью убитого товарища; сегодня - в окружении веселящихся друзей, завтра - оставленный умирать в одиночестве.

Современная система обработки шкур, практикуемая в Калифорнии, кажется почти идентичной той, что использовали буканьеры. Следующая выдержка из книги Даны "Три года до мачты" даст верное представление о том, что составляло большую часть труда *ангажера*. Он описывает берег, заваленный шкурами вдали от прилива; каждая шкура сложена вдвое посередине и почти жесткая, как доска, и все эти связки несут на головах людей от места выделки до штабелей. "Когда шкуру снимают с быка, в ней прорезают отверстия по краям и раскладывают на колышках для просушки, чтобы предотвратить усадку. Затем шкуры подлежат вялению, для чего их выносят на берег во время отлива и скрепляют в небольшие кучи, где они лежат в течение сорока восьми часов, после чего их вынимают, закатывают в тачки и бросают в чаны, наполненные крепким рассолом, где они остаются еще сорок восемь часов. Морская вода только очищает и размягчает их, а рассол маринует. Затем их вынимают из чанов, они лежат на платформе двадцать четыре часа, после чего их выкладывают на колья, все еще влажные и мягкие; мужчины обходят их с ножами, отрезая все оставшиеся куски мяса или жира, уши и все части, которые могут помешать упаковке или хранению. За день человек может очистить около двадцати пяти, не отрываясь от работы. Чистить их нужно до полудня, иначе они становятся слишком сухими. Когда солнце продержится на них несколько часов, их протирают скребками, чтобы удалить жир, который выделяется на солнце; затем колья подтягивают, шкуры аккуратно складывают вдвое, волосами наружу, и оставляют сушиться. Примерно в середине дня их переворачивают на другую сторону, а на закате складывают в кучу и переворачивают. На следующий день их снова раскладывают и открывают, а ночью, если они полностью высохли, набрасывают на длинный горизонтальный шест, по пять штук за раз, и бьют хвостами, чтобы выбить пыль; таким образом, просоленные, выскобленные, очищенные, высушенные и отбитые, они укладываются на склады".

Жизнь буканьера проходила не в том, чтобы пить сангари или греться под цветами апельсина, не в том, чтобы курить рядом с горами цветов, где птицы-жужжалки порхали, как бабочки, а ящерицы мелькали в лучах солнца, проливая драгоценный и чарующий свет. Ни индеец в шахте, ни арабский ныряльщик за жемчугом, ни изможденные, бледные дети на английской фабрике, ни галерный раб, умирающий у весла, не вели такой жизни, как буканьер, *привязанный* к жестокому хозяину. Представьте себе нежного юношу из хорошей, но бедной семьи, вывезенного из нормандского провинциального городка громкими обещаниями агента из Сен-Доминго, хитрого, как сержант-вербовщик, пустого, как прожектор компании, жадного, правдоподобного и лживого. Он приезжает в Эль-Дорадо своей мечты и сразу же попадает в хижину какого-то грубого буканьера. Первая ночь проходит в веселье, и сон его золотой и полный видений. С рассветом чары разрушаются. Ему приходится нести груз шкур весом около двадцати шести фунтов три или четыре лиги через заросли колючей груши и заросли тростника. Бездорожье не может быть пройдено с большей скоростью, чем за два часа на четверть лиги. Солнце становится вертикальным, его лихорадит, а на душе тошно. Три года этого чистилища сменяются ударами и проклятиями. Хозяева слишком часто нагружали своих слуг ударами, если те осмеливались упасть в обморок от слабости, голода, жажды или усталости. Некоторые охотники не решались

отдыхать в воскресенье, побуждаемые скорее томлением, чем благочестием; но в эти дни *ангаже* должен был вставать, как обычно, на рассвете, чтобы выйти и убить кабана для дневного пира. Его расчленили и жарили целиком, насаживая на вертел, укрепленный на двух вилообразных кольях, чтобы пламя полностью окружало тушу.

Большинство буканьеров, даже если они отдыхали в воскресенье, требовали от своих подмастерьев, как обычно, нести шкуры вниз к месту отправки, опасаясь, что испанцы могут выбрать именно этот день, чтобы сжечь хижины и уничтожить шкуры. Однажды подмастерье пожаловался своему хозяину и напомнил ему, что работать в воскресенье нельзя: сам Бог сказал евреям: "Шесть дней трудись и делай все, что тебе надобно, ибо день седьмой - суббота Господу Богу твоemu". "А я вам говорю, - сказал хмурый буканьер, ударяя прикладом ружья по земле и выкрикивая страшные проклятия, - я вам говорю, что шесть дней вы должны убивать быков и снимать с них шкуры, а на седьмой день вы должны нести их на берег", - избивал он дерзкого спорщика, пока тот говорил. Для этих страдальцев не существовало иного средства, кроме терпения. Только время или смерть приносили облегчение. Три года скоро истекли. Разум ожесточается под воздействием страданий, как плоть под ударами бича. Природа, не умея залечить рану, учит нас, где найти неизменные бальзамы. Некоторые становились безрассудны к ударам или учились заискивать перед своими мастерами, проявляя все большую дерзость или упорство. Подмастерье, чья пуля ни разу не пролетела мимо, или тот, кто мог задавить дикого быка на равнине, приобретал славу большую, чем у его мастера. Они знали, что со временем сами станут буканьерами и смогут причинять те самые жестокости, от которых страдают сейчас. Бывали случаи, когда заслуги перед островом или подвиги необычайной храбрости возводили *ангаже*, прослужившего один год, в ранг охотника. Ученик, который мог принести больше шкур, чем даже его мастер, должен был быть слишком ценным приобретением, чтобы его можно было потерять из-за минутной вспышки гнева. В том, что ужасные случаи жестокости действительно имели место, сомневаться не приходится. В лесу не было судов справедливости, не было сильной руки или мудрой головы, к которым можно было бы апеллировать. Но от отчаяния всегда есть средства. Заряженное ружье было под рукой, нож - на поясе, а ядовитые ягоды росли у хижины. В сердце все еще была на свободе неукротенная страсть - была воля, чтобы схватить оружие, и рука, чтобы его применить. Провидение плодотворно в своих средствах борьбы со злом и сохраняет равновесие, которое не может долго нарушить ни один суверен. Ни один тиран не может заткнуть вулкан или сковать землетрясение. Всегда были горы или испанцы, у которых можно было укрыться, хотя голод и смерть обитали в логове диких зверей, и, если они бежали к испанцам, их часто убивали как простых беглых рабов, прежде чем они успевали объяснить на неизвестном языке, что они не шпионы. Но все же сама невозможность предотвратить такие побеги должна была умерить суровость хозяев. Флибустьеры, нуждаясь в команде, наверняка иногда уводили недовольных *ангажементов* как с плантаций, так и из аджупа. Следующая история иллюстрирует социальные отношения хозяина-буканьера и его слуги.

Однажды буканьер, видя, что его ученик, недавно прибывший из Франции, не может угнаться за ним, повернулся и ударил его по голове замком своего мушкета. Юноша упал, оглушенный, на землю, и охотник, решив, что он мертв, лишил его оружия, а тело оставил лежать там, где оно упало, и корчиться в крови, вытекающей из раны. Вернувшись в хижину, он, боясь открыть правду, рассказал своим товарищам, что парень, который всегда скрывался от работы, наконец-то *заблудился* (испанское слово, применяемое к беглым неграм). В его адрес прозвучало несколько проклятий, и больше о его исчезновении не вспоминали.

Вскоре после того, как хозяин скрылся из виду, парень пришел в себя, поднялся, бледный и слабый, и попытался вернуться к палаткам. Непривычный к лесу, он сбился с пути, сбился с верной дороги и в конце концов сдался, как обреченный на верную смерть. Несколько дней он блуждал по одному и тому же месту, но так и не смог ни восстановить путь, ни добраться до берега. Голод поначалу не давил на него, так как он ел мясо, которым нагрузил его хозяин, и ел его сырым, не зная индейского способа добывать огонь, а ножи у него были сняты с пояса. Не зная, какие фрукты можно есть, где можно найти животных, пригодных в пищу, и не умея убить их без оружия, он приготовился к страшной и томительной пытке голода. Но, похоже, он был находчив и настойчив, и надежда не покинула его. У него был и компаньон: одна из собак его хозяина, которая полюбила своего товарища по играм, осталась с его телом и лизала руку, которая так часто его кормила.

Поначалу он целыми днями тщетно искал дорогу. Очень часто он поднимался на холм, с которого открывался вид на огромное, синее, ровное море, простирающееся до самого горизонта, и это возвращало ему надежду. Он смотрел вверх, знал, что над ним Божье небо, и чувствовал, что еще может спастись. По ночам его пугали крики обезьян, мычание дикого скота в далекой саванне или неземной крик какой-то одинокой и неизвестной птицы. Суеверие наполняло его страхами, и он чувствовал себя покинутым человеком, но терзаемым злыми силами. Следы дикого скота завели его далеко в сторону. Задолго до этого его верный пес, движимый голодом, добыл еду для обоих. Иногда под раскидистыми ветвями речного дерева яко они встречали греющуюся свиноматку, окруженную бродячим выводком прожорливых малышей. Собака прижималась к свиноматке, а мальчик помогал ей в погоне за непутевым потомством. Когда они убивали добычу, то ложились и делили трапезу вместе. Мальчик научился любить сырое мясо, а собака приобрела аппетит задолго до этого. Вскоре опыт научил их, где быстрее и надежнее всего поймать добычу. Он поймал щенков дикой собаки и приучил их к погоне; он даже научил молодого кабана, которого поймал живым, присоединиться к ловле своего собственного вида. Прожив так почти год, он однажды неожиданно наткнулся на давно забытую тропу, которая вскоре привела его к берегу моря. Палатки его хозяина не было, и, судя по всему, она давно была разбита.

Привыкший к дикой жизни, парень смирился со своим положением, будучи уверенным, что рано или поздно ему предстоит встретиться с отрядом буканьеров. Его избавление не заставило себя долго ждать. Прожив в буше около двенадцати месяцев, он набрел на отряд скорняков, которым и поведал свою историю. Поначалу они отнеслись к нему с недоверием и встревожились, так как его хозяин сказал им, что он *выбросился на берег* и присоединился к индейцам. Вскоре его внешний вид убедил их в правдивости его рассказа и в том, что он не *марун* и не дезертир, поскольку одет он был в лохмотья рубашки и кальсоны своего *ангажера*, а на поясе у него висела полоска сырого мяса. Два ручных кабана и три собаки следовали за ним по пятам и не желали его покидать. Он сразу же присоединился к своим освободителям, которые освободили его от всех обязательств перед хозяином, дали ему оружие, порох и свинец, чтобы охотиться самостоятельно, и вскоре он стал одним из самых известных буканьеров на этом побережье. Долгое время он не мог есть жареное мясо, которое не только было ему противно, но и вызывало болезнь. Спустя долгое время, когда он разделал дикого кабана, он часто не мог удержаться от того, чтобы не съесть его плоть сырой.

Когда подмастерье прослужил три года, его хозяин должен был дать ему в награду мушкет, фунт пороха, шесть фунтов свинца, две рубашки, две пары кальсон и шапку. *Камердинеры*, как их называли французы, становились товарищами, а переставали быть простыми *ангажементами*. Они брали себе *мателотов* и становились, в свою очередь, буканьерами.

Когда они добывали достаточное количество шкур, то отправляли или отвозили их на Тортугу, а оттуда привозили молодого подмастерья, с которым обращались так же, как с ними самими.

Жизнь плантаторов была еще страшнее, чем у их более диких собратьев. Их заманивали из Франции под теми же самыми предложениями, которые когда-то наполняли наши улицы крестьянскими сыновьями из Савойи и крестьянскими дочерьми из Франкфорта, или которые сейчас заманивают детей из приятных пределов Комо, чтобы они томились в лондонском притоне. Нехватка негров заставляла людей прибегать к любым ухищрениям, чтобы получить помощь в выращивании сахарного тростника и табака. На Французских Антильских островах их продавали на три года, но часто перепродавали в промежутке. Среди англичан они были связаны на семь лет, и, будучи иногда проданными снова по их собственному желанию, до истечения этого срока, они иногда отбывали пятнадцать или двадцать лет, прежде чем могли получить свою свободу. На Ямайке, если человек не мог заплатить даже небольшой долг в таверне, его продавали на шесть или восемь месяцев. У плантаторов были агенты во Франции, Англии и других странах, которые отправляли этих подмастерьев. На них работали гораздо больше, чем на рабов, потому что их жизнь по истечении трех лет не имела для хозяев никакого значения. Они часто становились жертвами болезни под названием "кома", которая была следствием тяжелой работы и климата и заканчивалась идиотизмом. Пьер Лабат отмечает количество идиотов в Вест-Индии, многие из которых были опасны, хотя им позволяли свободно передвигаться. Многие из этих худших, чем рабы, людей были хорошего происхождения, нежного воспитания и слабого телосложения, неспособные выдержать даже изнурительный климат, а тем более тяжелый труд. Эсквемелинг, сам бывший *ангажементом*, дает самое жалкое описание их страданий. Недостаточное питание и отдых, по его словам, были самыми незначительными из их страданий. Их часто били, и они нередко падали замертво к ногам своих хозяев. Люди, с которыми так обращались, быстро умирали: у одних начиналась водянка, у других - скорбут. Один человек по имени Беттезея, купец из Сент-Кристофера, как говорят, убил более сотни подмастерьев ударами и розгами. "Эту бесчеловечность, - говорит Эсквемелинг, - я *часто видел* с великой скорбью". Следующий анекдот о человеческих страданиях приравнивается к жестокости виргинского рабовладельца, который бросил одного раба в чан с кипящей патокой, а другого запек в печи: - "Некий плантатор (из Сент-Леоне).

"Некий плантатор (из Сан-Доминго) проявил такую жестокость по отношению к одному из своих слуг, что тот сбежал. Проплутав несколько дней в лесу, он был наконец схвачен и приведен к злобному фараону. Не успел он его схватить, как велел привязать к дереву; здесь он нанес ему столько ударов плетью по обнаженной спине, что по телу его потекла целая струя крови; затем, чтобы сделать раны еще более ужасными, он помазал его лимонным соком, смешанным с солью и перцем. В таком жалком положении он оставил его привязанным к дереву на двадцать четыре часа, по истечении которых снова приступил к наказанию, бичуя его, как и прежде, так жестоко, что несчастное существо испустило дух с такими предсмертными словами: "Молю Всемогущего Бога, Творца неба и земли, чтобы Он позволил злему духу заставить тебя испытать столько же мучений перед твоей смертью, сколько ты заставил меня испытать перед моей".

"Странное явление, достойное удивления и восхищения: Прошло всего три или четыре дня после этого ужасного факта, когда Всемогущий Судья, услышавший вопли этого измученного несчастного, попустил, чтобы злодей вдруг овладел этим варварским и бесчеловечным убийцей, так что те жестокие руки, которые наказали до смерти невинного раба, стали мучителями его собственного тела, ибо он бил себя и рвал свою плоть

несчастливым образом, пока не потерял самый облик человека, не переставая выть и плакать без отдыха ни днем, ни ночью. Так он продолжал бредить до самой смерти".

Именно перенося подобные страдания, первые буханеры закалились в фанатичных монстров, таких как Монбарс и Лолоннуа.

В начале своей книги Эсквемелинг рассказывает нам свою собственную историю. Голландец по происхождению, он прибыл на Тортугу в 1680 году, когда французская Вест-Индская компания, не сумев превратить остров в депо, как планировала, распродала свои товары и плантации. Эсквемелинга, как кабального *ангажемент* компании, продали лейтенант-губернатору острова, который обошелся с ним очень сурово и отказался принять за его свободу менее трехсот кусков восьмерки. Заболев от досады и отчаяния, он был продан за семьдесят кусков восьми к хирургу, который оказался добр к нему и в конце концов дал ему свободу за сто кусков восьми, которые должны были быть выплачены после его первой поездки на флибустьере.

Вероятно, Esquemeling был продан почти одновременно с Esquemeling и куплен генерал-командантом. Не имея возможности заниматься своей профессией хирурга, он был занят на самой трудоемкой и болезненной работе: пересаживал табак или прореживал молодые растения, тер на терке маниоку или выжимал сок из банана. Изможденный и недокормленный, в компании рабов, к которым относились с ненавистью и подозрением, он едва получал деньги, которых хватало на еду и одежду; его хозяин отказывался, даже за вознаграждение в две кроны в день, разрешить ему заниматься врачебной практикой. Один год работы на плантациях поверг его в опасное нездоровье; в течение нескольких недель, укрывшись лишь во флигеле, он поддерживал жизнь благодаря доброте черного раба, который ежедневно приносил ему яйцо. Он был очень слаб, но сильная жажда, вызванная тропической лихорадкой, заставляла его часто подниматься и тащиться к соседнему резервуару, чтобы напиться, хотя напиться означало умереть. Когда он оправился от лихорадки, первым признаком выздоровления стал волчий голод, но для его утоления у него не было ни еды, ни денег, чтобы ее купить. В таком состоянии он пожирал даже незрелые апельсины, зеленые, твердые и горькие, и прибегал к другим крайностям, в которых ему стыдно признаться. Однажды, когда он спускался со скалы, где жил его хозяин, в город, он встретил своего друга, секретаря губернатора, который заставил его прийти и пообедать с ним, а на прощание подарил ему бутылку вина; его хозяин, который видел все происходящее в телескоп со своего места, когда вернулся, отобрал вино и бросил его в темницу, обвинив его в том, что он шпион и предатель. Эта тюрьма представляла собой выдолбленный в скале подвал, полный нечистот и очень темный. Он поклялся, что Esquemeling сгниет в ней, несмотря на всех правителей мира. Здесь его продержали три дня, заковав ноги в кандалы, кормили лишь небольшим количеством хлеба и воды, которые передавали ему через отверстие, даже не открывая дверь. Однажды, когда он лежал голый на камне в темноте, он почувствовал, как змея, холодная и скользкая, обвилась вокруг его тела, затягивая складки до боли, а затем уползла в свою нору. На четвертый день они открыли дверь и попытались выяснить, не рассказывал ли он губернатору что-нибудь о жестокостях своего хозяина; затем они поручили ему вырыть участок земли рядом с фортом. Оказавшись без охраны, он решил пойти и пожаловаться губернатору, предварительно посоветовавшись с добрым старым капуцином, который сжалился над его бледным и голодным видом. Губернатор тут же сжалился над несчастным беглецом, накормил и одел его, а когда тот поправился, поместил его к знаменитому местному хирургу, который заплатил его хозяину; губернатор не хотел брать его к себе на службу, опасаясь, что его обвинят домашние власти в том, что он отбирает рабов у плантаторов.

На рассвете *негров* созывали на работу пронзительным свистком (как сейчас негров - хриплой раковиной конча), и бригадир, разрешив всем желающим курить, вел их на работу. Работа заключалась в валке деревьев и сборе или срезании табака; погонщик стоял рядом, пока они копали или собирали, и бил тех, кто расслаблялся или отдыхал, как капитан поступает со своими рабами на галере. Больные или здоровые они были обязаны работать одинаково. Их часто привлекали к сбору махота, своего рода коры, используемой для связывания тюков. Если они умирали от усталости, их тихо хоронили, и на этом все заканчивалось. Рано утром один из группы должен был накормить свиней картофельными листьями и приготовить обед для своих товарищей. Они варили мясо, добавляя в воду горох и нарезанный картофель. Повар работал вместе с бандой, но возвращался чуть раньше, чтобы приготовить обед своим товарищам, пока они обдирали стебли табака. В праздничные дни и по воскресеньям они получали некоторые поблажки. В рассказе СЕхmelin приводится случай, когда больному рабу поручили вращать точильный камень, на котором его хозяин точил топор; будучи слишком слабым, чтобы сделать это хорошо, мясник повернулся и ударил его гвоздем между плеч. Раб упал, истекая обильной кровью, и умер в течение двух часов; однако этот хозяин был одним из тех плантаторов, которые считались очень снисходительными по сравнению с теми, кто жил на других островах. Один плантатор с острова Святого Христофора по имени Белль Тет, приехавший из Дьеппа, гордился тем, что убил 200 *ангаге*, которые не хотели работать, и все они, по его словам, умерли от лени. Когда они находились в последней стадии, он имел привычку натирать им рот желтком яйца, чтобы совестно было клясться, что он заставлял их принимать пищу до последнего. Когда однажды священник упрекнул его в жестокости, он с совершенным нахальством ответил, что когда-то был связанным *кандалом* и никогда не получал лучшего обращения; что он проделал весь путь на этот берег, чтобы получить деньги, и если он сможет их получить и увидеть, как его детей везут в карете, то ему все равно, унесет ли его дьявол.

Следующий анекдот показывает, какие странные модификации преступлений может иногда порождать этот вид рабства. В Гваделупе жил богатый житель, отец которого настолько обеднел, что был вынужден продать себя в качестве *ангажемента*, и по удивительному стечению обстоятельств продал себя купцу, который оказался агентом его сына. Бедняга, оказавшись слугой своего сына, решил, что ему хорошо живется, но вскоре обнаружил, что с ним обращаются так же жестоко, как и со всеми остальными. Сын, обнаружив, что отец стар и недоволен, а потому не в состоянии выполнять большую работу, и боясь побить его ради скандала, вскоре продал его другому плантатору, который обращался с ним лучше, давал ему больше еды и в конце концов вернул ему свободу. Из десяти тысяч шотландцев и ирландцев, которых Кромвель отправил в Вест-Индию, многие стали *ангажементами* и, в конце концов, буканьерами. Многие из старых пуританских солдат, участвовавших в тех же войнах, были зачислены в те же ряды.

Среди плантаторов действовал тот же принцип братства, что и среди рядовых буканьеров. Они называли друг друга *мателотами* и, прежде чем поселиться вместе, подписывали договор, по которому обязывались делить все общее. Каждый имел право распоряжаться деньгами и имуществом своего товарища, и соглашение, подписанное одним из них, обязывало и другого. Если один из них умирал, оставшийся в живых становился наследником всего имущества, причем даже перед наследниками, которые могли приехать из Европы, чтобы потребовать свою долю или попытаться предъявить претензии. Помолвка могла быть расторгнута по желанию любого из, и часто ее расторгали в момент вспыльчивости или мимолетной досады. На тех же условиях в братство иногда принимали и

третьего человека. Благодаря этому необычному обычаю дружеские отношения между горцами и их приемными братьями, канадскими трапперами и их товарищами или английскими моряками и их товарищами становились такими же прочными.

Сформировав таким образом *мателотаж*, или *компаньона по лоту*, оба плантатора отправлялись к губернатору острова и просили о предоставлении земли. Затем отправлялся офицер округа, чтобы отмерить требуемый участок определенного размера в определенном месте. Обычно выдавался участок шириной двести футов и длиной тридцать футов, расположенный как можно ближе к берегу моря, что было наиболее удобно для перевозки товаров, а также для получения соленой воды, которую использовали для приготовления табачного листа. Когда берег моря покрылся хижинами, плантаторы строили свои хижины выше и на четыре глубины, причем те, кто был ближе к берегу, должны были предоставлять проход тем, кто находился дальше всех. Их домики, или *ажупы*, возводились на очищенной от леса земле, причем заросли сначала сжигались вместе с нижними ветвями крупных деревьев. Стволы, слишком большие для удаления, срубали на глубину двух-трех футов от земли, оставляли сохнуть и гнить на несколько лет, а в конце концов также сжигали. Дикари, напротив, срубали все деревья, давали им высохнуть, пока они падали, а затем, поджигая, сразу же превращали их в пепел, без какой-либо расчистки, рубки или укладки. Когда примерно тридцать или сорок футов земли были расчищены, они начали сажать овощи и обрабатывать землю - горох, картофель, маниок, бананы и инжир были предметами их повседневной необходимости. Бананы они сажали возле рек, и ни один плантатор не жил там, где не было колодца или источника. Их *casa*, или главный дом, поддерживался столбами высотой пятнадцать-шестнадцать футов, крытый пальмовыми ветвями, камышом или сахарным тростником, и обнесенный тростником или палисадом. Внутри у них были *барбекю*, или формы, возвышающиеся на два-три фута от земли, на которых лежали матрасы, набитые банановыми листьями, а поверх них - москитная сетка из тонкого белого льна, которую они называли *павильоном*. Домик поменьше служил для приготовления пищи или для складирования вещей. Друзья и соседи всегда помогали строить эти хижины, а плантатор в ответ угощал их бренди. Законы общества обязывали поселенцев помогать друг другу, и в этой доброте им никогда не отказывали. Из этой же системы взаимопомощи возникли шотландские пенни-свадьбы и английский дружеский обычай вспахивать поля молодого фермера.

Теперь, когда *ажупа* была построена, нужно было вскопать землю для табака. Вольер с двумя тысячами растений требовал большого ухода, его нужно было содержать в чистоте и очищать от сорняков. Их нужно было подрезать, пересаживать, поливать, наконец, собирать и хранить. Жители Тортуги, острова буканьеров, обменивали свой табак у французских купцов на топоры, мотыги, ножи, мешковину, а главное - на вино и бренди.

Из картофеля, который плантаторы ели на завтрак, они извлекали маис - кислый, но приятный напиток. Корень маниоки они перетирали для лепешек, а из остатков делали ликер под названием *вейкон*. Из банана они также извлекали опьяняющий напиток.

С охотниками на кабанов они обменивали табачный лист на сушеное мясо, часто отдавая за один раз две-три сотни весов табака, и нередко посылали в саванну своего слугу, чтобы тот помогал охотнику и снабжал его порохом и дробью.

ГЛАВА III.

ФЛИБУСТЬЕРЫ, ИЛИ МОРСКИЕ СКИТАЛЬЦЫ.

Возникли в результате преследования испанцами французских охотников - Таможня - Оплата и пенсии - Индейцы mosquito, их привычки - Еда - Льюис Скотт, англичанин, первый корсар - Джон Дэвис: берет Сан-Франциско, в Кампичи - Разврат - Любовь к азартным играм - Религия - Класс, из которого они произошли - Равенство на море - Способ ведения боя - Одежда.

Сначала флибустьеры объединялись в группы от пятнадцати до двадцати человек. Каждый из них носил мушкет Виссенеер с шаром шестнадцать на фунт и пистолеты на поясе с пулями двадцать или двадцать четыре на фунт, а кроме того, они носили хорошую саблю или тесак. Собравшись в заранее оговоренном месте, обычно на ключе или небольшом острове у Кубы, они выбирали капитана и садились в каноэ, выдолбленное из ствола одного дерева на индейский манер. Это каноэ покупалось либо ассоциацией, либо капитаном. Если последний, то они договорились отдать ему первый корабль, который они возьмут. Как только все подписывали чартер-партию, или взаимное соглашение, они отправлялись в порт, из которого им предстояло отплыть. Первое испанское судно, которое они захватили, послужило для того, чтобы отплатить капитану и вознаградить себя. Они облачались в богатые одеяния кастильских грандов поверх своих кровных рубах и садились веселиться в позолоченном салоне галеона. Если они находили свой приз непригодным для плавания, то отводили его на какой-нибудь маленький песчаный островок и катались на нем, а команда помогала индейцам разделять черепаху и добывать бычью плоть. Испанский экипаж они держали для помощи в каботаже, так как сами никогда не работали, а сражались и охотились, пока несчастные пленники возились у костра, где варилась смола или тушилась черепаха. Флибустьеры делили добычу, как только каждый давал клятву, что ничего не утаил. Когда корабль был готов к выходу в море, они отпускали испанцев и оставляли себе только рабов. Если среди пленников не было негров или индейцев, они оставляли несколько испанцев, чтобы те ждали их. Если среди пленников были знатные люди, они держали их до тех пор, пока не удавалось получить выкуп. Каждый флибустьер приносил с собой определенный запас пороха и шаров для общих нужд. Прежде чем отправиться в экспедицию, было обычным делом разграбить испанский свиной двор, где часто собиралась тысяча свиней, окружить ночью домик хозяина и застрелить его, если он окажет сопротивление. Рыбаки, промышляющие черепахами, часто были вынуждены ловить их бесплатно, хотя почти на каждом корабле был свой индеец-mosquit, чтобы бить черепах и морских коров, а также ловить рыбу для всей команды судна. "Нет добычи - нет платы" - таков был девиз буканьеров. В договоре о фрахтовании указывалось жалованье капитана, хирурга и плотника, а на пропитание полагалось 200 кусков восьмерки. Мальчишки имели лишь половину доли, хотя в их обязанности входило либо им, либо хирургу, когда остальные поднимались на борт, оставаться позади, чтобы обстрелять прежнее судно, а затем уйти на приз.

Кодекс буканьеров, достойный Наполеона или Юстиниана, был равен уставам любой страны, поскольку отвечал потребностям тех, для кого он был составлен, и редко требовал пересмотра или расширения. Его никогда не обжаловали и редко признавали несправедливым или суровым.

Капитану полагалось пять или шесть долей, помощнику капитана - две, а остальным офицерам - поровну, вплоть до самого низкого матроса. Все акты особой храбрости или заслуги вознаграждались специальными дотациями. Человек, первым заметивший приз, получал сто крон. Матрос, сразивший вражеского капитана, и первый abordажник,

попавший на палубу противника, также были отмечены почестями. Хирург, всегда занимавший видное место в команде, чья жизнь так часто зависела от его мастерства, получал 200 крон на пополнение своего лекарственного сундука. Если они брали приз, он получал долю, как и остальные. Если у них не было денег, он получал в награду двух рабов.

Потеря одного глаза возмещалась 100 кронами, или одним рабом.

Потеря обоих глаз - 600 крон, или шесть рабов.

Потеря правой руки или правой ноги - 200 крон, или два раба.

Потеря обеих рук или ног - 600 крон, или шесть рабов.

Потеря пальца на руке или ноге - 100 крон или один раб.

Потеря ступни или ноги - 200 крон, или два раба.

Потеря обеих ног - 600 крон, или шесть рабов.

Ничто, кроме смерти, не считалось достойным компенсации более чем в 600 крон. За любую рану, из-за которой моряк был вынужден *носить канулус*, давали 200 крон, или двух рабов. Если человек даже не потерял член, но был лишен возможности им пользоваться, он все равно имел право на компенсацию в том же размере, как если бы потерял его полностью. Покалеченным разрешалось брать либо деньги, либо рабов.

Хартия-партнерство, составленная сэром Генри Морганом перед его знаменитой экспедицией, закончившейся разграблением и разрушением Панамы, показывает несколько модификаций предыдущего договора.

Тому, кто сбил вражеский флаг и установил флаг буканьеров, пятьдесят пиастров, помимо его доли.

Тому, кто возьмет в плен человека, принесшего весть, сто пиастров, помимо его доли.

За каждую гранату, брошенную в отверстие вражеского порта, - пять пиастров.

Тому, кто взял в плен офицера, рискуя жизнью, - соразмерное вознаграждение.

Тому, кто потерял две ноги, - 500 крон или пятнадцать рабов.

Потерявшему две руки - 800 пиастров, или восемнадцать рабов.

Лишившемуся одной ноги или одной руки - 500 пиастров, или шесть рабов.

Потерявшему один глаз - 100 пиастров, или один раб.

За оба глаза - 200 пиастров, или два раба.

За потерю пальца - 100 пиастров, или один раб. Флибустьер, искалечивший конечность, получал такое же жалованье, как и при ее потере. Рана, требующая перевязки, возмещалась 500 пиастрами, или пятью рабами. Все эти доли распределялись до общего раздела. Если судно было захвачено в море, его груз делился между всем флотом, но команда, высадившаяся на него первой, получала 100 крон, если его стоимость превышала 10 000 крон, а за каждые 10 000 крон груза 100 доставалось тем, кто поднялся на борт. Хирург получал 200 пиастров, помимо своей доли.

Индейцы москито были помощниками буканьеров; они нанимали их для ловли рыбы, а на их судах обычно находилось небольшое каноэ, предназначенное для их использования, в котором они могли ловить черепах или маниту. Эти индейцы не пользовались веслами, а держали пару широко лопастных весел, которые держали перпендикулярно, ухватившись за посох обеими руками и назад по воде с помощью силы и очень быстрых, коротких взмахов. В одной лодке обычно плыли двое мужчин: один сидел на корме, другой стоял на коленях головой. Они оба тихонько гребли, пока не приближались к месту, где лежала их добыча; затем они замирали, настороженно оглядываясь по сторонам, и тогда тот, кто стоял во главе, поднимался, держа в руке свой ударный посох. Это оружие было длиной около восьми футов, толщиной почти с человеческую руку, на большом конце которого было отверстие, в которое вставлялся гарпун; на другом конце был помещен кусок легкого дерева (bob) с отверстием, через которое проходил маленький конец посоха. На это дерево аккуратно наматывался лить длиной в десять или двенадцать сажень: конец одного лия крепился к дереву, а другого - к гарпуну, при этом человек держал около сажени лия свободно в руке. Когда он наносил удар, гарпун срывался с древка, и, когда раненая рыба уплывала, лить слетал с катушки. Несмотря на то что боб и лить часто уносило глубоко под воду, и они часто зацеплялись за ветви кораллов или затонувшие обломки, обычно они поднимались на поверхность воды. Индейцы изо всех сил старались вернуть боб, что им удавалось сделать примерно за четверть часа.

Когда морская корова уставала и начинала лежать неподвижно, они подтягивали лить, и чудовище, почувствовав гарпун во второй раз, часто с бешенством бросалось на каноэ. Тогда рулевому приходилось ловко поворачивать голову каноэ в ту сторону, куда указывал его товарищ, поскольку только он мог видеть и чувствовать, как плывет маниту. Как только рыба уставала, они подтягивали леску, которую досадное существо вытягивало еще дюжину раз со свирепой, но бессильной скоростью. Когда силы рыбы совсем иссякали, они подтаскивали ее к борту лодки и били по голове, или, вытащив на берег, приводили в чувство, пока не выходили за другой рыбой. Из-за огромных размеров морской коровы всегда приходилось сходить на берег, чтобы безопасно затащить ее в лодку; подтаскивая ее на отмель, они расстраивали свои каноэ, а затем вкатывали рыбу, снова выправляя ее весом. Иногда индейцы плыли домой на веслах, а вторую буксировали за собой. Дампьер говорит, что знал двух индейцев, которые каждый день в течение недели доставляли на борт своего корабля по два манита, причем самый маленький весил не меньше шестисот фунтов, и при этом был так мал, что на нем могли грести три англичанина.

Если рыбакам попадалась морская корова с детенышем, они обычно захватывали обоих - мать несла молодняк под боковыми плавниками, всегда заботясь о его безопасности, а не о своей собственной; кроме того, молодняк редко покидал мать и следовал за каноэ, несмотря на шум и удары. Малейший звук пугал маниту, но черепахи требовали меньше внимания. У этих рыб есть определенные острова вблизи Кубы, на которых они предпочитают откладывать яйца. В определенное время года они приплывали из Гондурасского залива такими огромными толпами, что корабли, потерявшие широту, очень часто шли ночью, ориентируясь на шум этих грохочущих косяков. Пробыв в Карибском море около месяца, они становились жирными, и начинался промысел. Соленая черепаха была самой здоровой пищей буканьеров и, как считалось, избавляла их от всех недугов разврата. Индейцы били черепаху коротким, острым, треугольным железным наконечником длиной не более дюйма, который вставлялся в рукоятку копья. Наконечник копья был свободным, и к нему крепилась

обычная леска. Линейки они делали из волокнистой коры дерева, которую также использовали для оснастки.

Манити, или морская корова, была излюбленной пищей этих странствующих моряков. Это было чудовище размером с лошадь и громоздкое, как морж, с глазами не больше горошины и головой, как у коровы. Мясо его было белым, сладким и полезным. Хвост молодой рыбы был лакомством, а молодой теленок, запеченный в духовке, - эпикурейским лакомством. Голова и хвост старых животных были жесткими, но брюхо часто съедалось.

Дампьер рассказывает о своих спутниках, пировавших свининой с горохом, говядиной с тестом, и эта морская грубость обычно сочеталась с тропической роскошью. В случае необходимости потерпевшие крушение моряки питались акулами, которых сначала варили, затем выжимали досуха и тушили с перцем и уксусом. Черепаховое масло они использовали вместо сливочного для своих пельменей. Лучшими черепахами считались те, которые питались на суше; те, что жили на водорослях, а не на траве, были желтыми и грубыми. Чтобы перевернуть крупную рыбу на спину, требовалось два человека. Флибустьеры также ели игуан, или больших южноамериканских ящериц. На многих островах водились огромные стаи голубей, иногда в таком изобилии, что моряк мог сбить пять-шесть дюжин за день.

История буканьеров - уникальный пример того, как зло порождает зло. Испанцы уничтожили дикий скот, и охотники превратились в вольных разбойников. Испания прекратила торговлю, чтобы предотвратить пиратство, и искатели приключений, изголодавшись из-за отсутствия золота, стали спускаться на материк. Зло постепенно росло, пока из червя, на которого они сначала наступили, не возникло на их пути несокрушимое и разрушительное чудовище в сотню голов. Сначала одиночные корабли, затем флоты были сметены этой саранчой глубин; сначала были сожжены острова, затем разграблены деревни и, наконец, завоеваны города. Сначала посетили северную, а затем и южную часть Тихого океана, пока все побережье от Панамы до мыса Горн не затрепетало от трепета их флага. Первый флибустьер, Льюис Скотт, напугал Кампучию несколькими каноэ. Гронье набросился на флот Лимы с целой эскадрой пиратских судов. Дух буканьеров возник из мести, а закончился грабежами и убийствами. Поначалу свирепые, но милосердные, они стали хищными, отвратительными и кровавыми. Раннее рыцарство оставило их, они превратились во врагов Бога и всего человечества, и последние отбросы из них скончались на виселице Ямайки, дети Каина, никем не пощажённые, их мужество презиралось, а преступления вызывали отвращение. В свой кульминационный момент, объединившись под властью одного великого разума, они могли бы создать большую империю в Южной Америке или завоевать ее в качестве данников Франции или Англии. Вечно жаждущие золота, они часто были рыцарскими, щедрыми, бесстрашными, милосердными и бескорыстными.

Большее зло вскоре излечивало меньшее. Испанцы, боявшиеся грабежа хуже смерти, в значительной степени прекратили торговлю. Более бедные купцы разорялись от потери одного судна с какао; более богатые ждали конвоя тарелочного флота или следовали за галеоном, надеясь спастись в случае захвата, как это делают цыплята, когда курица гогочет в когтях коршуна. На каждые четыре судна, которые когда-то плавали, теперь можно было увидеть не более одного. В условиях войны Франции с Голландией, Англии с Францией и Испании с Испанией бедному торговцу было не до безопасности. Однако те, кто мог рисковать потерями, все равно получали большие прибыли. Прекращение торговли было плохим средством против морского разбойника: нужно было грабить себя, чтобы не быть ограбленным, совершить самоубийство, опасаясь убийства. Это средство спасало жизнь, но делало ее ненавистной. Буканьеры, изголодавшиеся по добыче, угрюмо сидели в скалистых крепостях Тортуги, как голодные орлы, взирающие на опустошенную ими страну. Чтобы

совершать более значительные подвиги, они объединялись в отряды и совершали вылазки на побережье. Если раньше они стояли на пороге, то теперь с головой бросались в святилище и добывали свой хлеб, вернее, чужой хлеб, дерзкими бросками и неожиданными нападениями на города, покидая их только тогда, когда они были объаты пламенем или охвачены мором, который всегда следовал за ними по пятам.

Мы можем назвать нашу нацию первым пионером в этой новой области предпринимательства. Англичанин Льюис Скотт стал первым, разграбив город Сент-Франциско в Кампичии, и, заставив жителей заплатить выкуп, благополучно вернулся на Ямайку. Где туша, там и орлы соберутся, ведь не успели его паруса стать маленькими, как Мансвельд, другой буканьер, совершил несколько удачных вылазок на то же самое незадачливое побережье, неудачное в своей плодородности. Затем он снарядил флот и попытался вернуться через королевство Новая Гранада в Южное море, минуя город Карфагену. Эта затея провалилась из-за споров, возникших между французским и английским экипажами, которые постоянно ссорились из-за своей доли провизии; но, несмотря на это, он захватил остров Святой Екатерины и попытался основать государство буканьеров.

Джон Дэвис, голландец, превзошел обоих своих предшественников в смелости. Плавая по Ямайке, он стал бичом для всех испанских мореплавателей, рискнувших приблизиться к берегам Каракки или к его излюбленным местам - Картахене и Бока-дель-Торо, где он подстерегал суда, направлявшиеся в Никарагуа. Однажды он не попал в цель и, долго бороздив морские просторы и ничего не взяв - неудача, которая обычно толкала этих храбрецов на отчаянные меры, чтобы поправить свое падающее состояние, - решил с девяноста людьми посетить лагуну Никарагуа и разграбить город Гранада. Индеец с берегов лагуны пообещал провести его безопасно и тайно, и его команда в один голос заявила, что готова следовать за ним, куда бы он ни повел. Ночью он проплыл тридцать лиг вверх по реке, до входа в озеро, и спрятал свои корабли под ветвями деревьев, росших на берегу; затем, посадив восемьдесят человек в три каноэ, он поплыл к городу, оставив десять матросов охранять суда. Днем они прятались под деревьями, а ночью продвигались к ничего не подозревавшему городу, и на третью полночь достигли его, как он и ожидал, без удара и врасплох. На вызов дозорного они ответили, что являются рыбаками, возвращающимися домой, а двое из команды, прыгнув на берег, пронзили допрашиваемого мечом, чтобы пресечь дальнейшие вопросы, на которые можно было бы ответить не так просто. Следуя за своим проводником, они достигли небольшой крытой дороги, ведущей вправо от города, а другой индеец отбуксировал их каноэ к месту, куда, как они договорились, каждый должен был принести свою добычу.

Как только они прибыли в город, их разделили на небольшие группы и по одному повели к домам самых богатых жителей. Там они тихо стучались и, будучи приняты как друзья, хватали хозяев за горло и заставляли их под страхом смерти отдать все деньги и драгоценности, которые у них были. Затем они разбудили ризничих главных церквей, у которых отобрали ключи и унесли все алтарные плиты, которые можно было отбить или сделать переносными. С пиксов они сняли драгоценные камни, выкололи драгоценные глаза девственных идолов, а чаши для причастия превратили в удобные куски металла.

Этот тихий и спокойный грабеж продолжался два часа без борьбы, когда некоторые слуги, убежав от авантюристов, начали звонить в колокола, оповещая город, а несколько уже разграбленных горожан, ворвавшись на рынок, наполнили улицы шумом и ужасом. Дэвис, видя, что жители начинают приходить в себя от паники, которая только и обеспечила ему победу, начал отступать, так как враги собирались в вооруженные и угрожающие ряды. На

пологой площади, с добычей в центре, буканьеры пробивались к своим лодкам под бурные военные крики и возгласы насмешек и ликования. Несмотря на поспешность, они предусмотрительно взяли с собой несколько богатых испанцев, намереваясь обменять их на своих людей, которых они могли потерять при отступлении. Вернувшись на свои корабли, они заставили этих пленников прислать им в качестве выкупа 500 коров, на которые они восстановили свои корабли для возвращения на Ямайку. Едва успели они бросить якорь, как увидели 600 конных испанцев, спустившихся к берегу в надежде задержать их отступление. Прощальным приветствием этих непрошенных гостей стали несколько широких абордажей.

Эта экспедиция была осуществлена за восемь дней. Добыча состояла из чеканных денег и слитков на сумму около 40 000 крон. По подсчетам Эсквемелинга, это 4 000 кусков восьмерки, а в готовых деньгах, пластинах и драгоценностях - еще около 50 000 кусков восьмерки.

Так завершился этот авантюрный набег, в ходе которого город, расположенный в сорока лигах от берега и содержащий не менее 800 хорошо вооруженных защитников, был взят штурмом и ограблен восемьюдесятью решительными моряками. Дэвис благополучно добрался до Ямайки со своей добычей, которая вскоре была пущена в широкий оборот благодаря помощи игроков в кости, трактирщиков и куртизанок. Как только деньги были потрачены, Дэвис воспрянул духом. Он объединился с двумя или тремя другими капитанами, которые, суеверно полагаясь на свою удачу, выбрали его адмиралом небольшой флотилии из восьми или девяти вооруженных канонерских лодок. Менее удачливые наградили его безграничным доверием. Первым делом он отправился в город Сент-Кристофер на Кубе, чтобы дожидаться флота из Новой Испании, надеясь отбить у него какого-нибудь богатого громоздкого бродягу. Но флот сумел ускользнуть от его дозорных и пройти нетронутым. Тогда Дэвис выступил вперед и разграбил небольшой городок Сент-Огастин во Флориде, несмотря на его крепость и гарнизон в 100 человек. Он не понес больших потерь, но жители оказались очень бедными, а добыча - небольшой.

Ведя войну с Испанией, охотники были простыми частниками, плывущими против национального врага; но в своей выносливости, терпении и энергии они стояли особняком. В своем наступлении, когда они мчались, пели и танцевали сквозь огонь и пламя, они напоминали скорее старых барсекаров или первые отряды Мухаммеда. Но в одном они были очень примечательны: они делали больше, но руководствовались при этом более низкими мотивами. Почти лишённые религии, они сражались со всем безумием фанатизма против народа, который сам по себе был фанатичен, но уже ослаблен климатом, внезапным богатством и долгим опытом загрязняющей роскоши. Галеоны Маниллы были их конечной целью, когда они постепенно переходили от опустошенных берегов Южной Америки к Филиппинским островам и побережью Гвинеи. Они были орудием Провидения, и сами знали это, чтобы отомстить испанцам за обиды индейцев; вскоре им предстояло стать первыми мстителями за негров. Долгие годы грабежей сделали испанцев и креолов такими же скрытными, как индусы. При первом же сигнале испуганного рыбака испуганный горожанин бросал свои пистолы в колодцы или замуровывал их в стены своих крепостей. Грузовых мулов гнали в глубь страны; женщины бежали на ближайшую плантацию; старики запирались в церкви. Первой их мыслью всегда было бегство; второй - повернуться и нанести удар по всему, что они любили, ценили и почитали.

Разврат буканьеров был таким же непревзойденным, как и их храбрость. В книге OExmelin рассказывается об одном англичанине, который на одном пиру подарил своей любовнице 500 крон. Этот человек, который заработал 1500 крон, подвергая себя отчаянным опасностям, в течение трех месяцев был продан на три года плантатору, чтобы погасить долг

за таверну, который он не мог выплатить. Завоевателя Панамы можно было увидеть завтра под кнутом надсмотрщика среди банды рабов, срезающих сахарный тростник или собирающих табак.

Другой буканьер, француз по фамилии Вент-ан-Панн, так пристрастился к игре, что проиграл все, кроме рубашки. Каждый пистоль, который он мог заработать, он тратил на это увлекательное занятие, столь заманчивое для людей, жаждущих азарта, равнодушных к деньгам и ежедневно рискующих жизнью ради перспективы выигрыша. Однажды он потерял 500 крон - всю свою долю в недавно выигранных деньгах, а также 300 крон, которые он занял у одного товарища, который теперь не хотел ему больше одалживать. Решив попытать счастья еще раз, он нанялся слугой в тот самый игорный дом, где его разорили, и, зажигая трубки для игроков и принося им вино, заработал за два дня пятьдесят крон. Поставив их, он вскоре выиграл 12 000 крон. После этого он расплатился с долгами и, решив больше не проигрывать, отправился на борту английского судна, которое зашло на Барбадос. На Барбадосе он встретил богатого еврея, который предложил ему сыграть. Не в силах воздержаться, он сел и выиграл 1300 крон и 100 000 фунтов сахара, уже отправленного в Англию, а кроме того, большую мельницу и шестьдесят рабов. Еврей, умоляя его остаться и отомстить, побежал занять денег, вернулся и взялся за карты. Буканьер согласился, скорее из любви к игре, чем из великодушия; и еврей, поставив полторы тысячи джакобусов, отыграл сто крон и, наконец, весь прежний выигрыш своего противника, обокрав его до самой одежды. Обрадованный победитель позволил ему из чувства стыда оставить одежду и дал денег, которых хватило бы на то, чтобы вернуться на Тортугу, удрученным и нищим. Став снова буканьером, он получил 6 000 или 7 000 крон. Месье д'Ожерон, губернатор, обращаясь с ним как с непутевым ребенком, забрав его деньги, отправил его обратно во Францию с векселями на эту сумму. Вент-ан-Панн, излечившись от порока, занялся торговлей, но, всегда неудачливый, погиб во время своего первого плавания в Вест-Индию: его судно атаквали два остендских фрегата по двадцать четыре или тридцать пушек каждый, которые, однако, были отбиты командой погибшего, состоявшей всего из тридцати буканьеров.

Когда удовольствия Тортуги или Ямайки поглощали все заработанные тяжелым трудом выигрыши этих людей, они возвращались в море, тратя последние пистолы на порох и шары и оставляя тяжелые счета, которые еще не были сведены с каба. Затем они спешили к причалам или небольшим песчаным островам у Кубы, чтобы обтесать свои суда и посолить черепаху. Иногда они отправлялись в Гондурас, где у них были жены-индианки; в последнее время - на Галапагосские острова, в Бока-дель-Торо или на побережье Кастилии-дель-Оро.

Некоторые буканьеры, по словам Эскемелинга, тратили за ночь 3 000 пиастров, не оставляя себе даже рубашки на утро. "Мой хозяин, - добавляет он, - покупал целую трубу вина и, выставив ее на улицу, заставлял каждого прохожего пить с ним, угрожая в случае отказа ударить его пистолетом. В другое время он делал то же самое с бочками эля или пива; и очень часто обеими руками он разбрасывал эти напитки по улице и мочил одежду прохожих, не обращая внимания на то, портит он их одежду или нет, мужчины они или женщины". Порт-Ройал был излюбленным местом для подобных каруселей.

Даже в 1694 году Монтобан дает нам некоторое представление о диких развратных действиях, совершаемых буканьерами даже в Бурдо. "Мои вольные разбойники, - говорит он, - которые долгое время не видели Франции, оказавшись в большом городе, где царили удовольствие и изобилие, не преминули освежиться после усталости, которую они перенесли в столь долгом отсутствии в родной стране. Они потратили здесь целую кучу денег и оказались ужасно экстравагантными. Купцы и хозяева не гнушались давать им деньги в долг или одалживать столько, сколько им заблагорассудится, благодаря их

богатству и шуму, поднятому по всему городу о ценных призах, в которых они имели долю. Все ночи они проводили в таких развлечениях, какие им больше нравились, а дни - в беготне по городу в маскарade, заставляя себя в полдень нестись на стульях с зажженными факелами, от чего некоторые из них умерли, а четверо из моего экипажа совсем покинули меня".

Следует помнить, что это происходило в те времена, когда буканьерство скатилось к каперству - полпути к простому пиратству. Отличительной чертой настоящего буканьера было то, что он нападал только на испанцев.

Шарлевуа приводит несколько любопытных сведений о том, как буканьеры относились к религии. Он говорит, что "в их сердцах не осталось и следа религии, но все же иногда, время от времени, они предавались глубоким размышлениям. Они никогда не начинали боя, предварительно не обняв друг друга в знак примирения. В такие моменты они грубо ударяли себя по груди, словно желая вызвать в сердцах какое-то сострадание, но не могли. Избежав опасности, они с головой уходили в разврат, богохульство и разбой. Буканьеры, считая себя достойными людьми, относились к флибустьерам как к жалким ничтожествам, но на самом деле разница была невелика. Буканьеры были, пожалуй, менее порочны, но флибустьеры сохранили чуть больше внешних черт религии; *за исключением некоторой чести среди них и их воздержания от человеческой плоти, мало кто из дикарей был более порочен, а многие из них - гораздо менее*".

Этот отрывок показывает очень любопытную ревность между охотниками и корсарами, а также необыкновенное различие в религиозных чувствах. Пьер Лабат, однако, говорит о флибустьерах как о людях, посещающих исповедь сразу после морского боя с самой образцовой набожностью. Более важным, чем у Шарлевуа, было различие между протестантскими и католическими авантюристами, причем последние были столь же суеверны, как и первые - непочтительны. Равено де Люссан всегда с ужасом говорит о богохульстве и безбожии своих английских товарищей, один из которых был старым солдатом Кромвеля; а флот Гронье в конце концов отделился от английских кораблей из-за того, что экипажи последних рубили саблями распятия и стреляли из пистолетов по образам. Капитан флибустьеров по имени Даниель застрелил одного из своих людей в испанской церкви за непочтительное поведение на мессе; а Рингроуз приводит случай, когда английский командир выбросил за борт игральные кости, если застал своих людей за азартными играми в воскресенье.

Мы видим, как отряд Равенау де Люссана поет *Te Deum* после побед, а Сѐxmelin рассказывает, что на борту флибустьерских кораблей ежедневно читались молитвы.

Трудно сказать, из какого сословия происходили буканьеры или флибустьеры. Плантаторы часто становились охотниками, а охотники - моряками, и наоборот. Морган был сыном валлийского фермера, сбежавшего в море; Монтобан - сыном гасконского дворянина; д'Ожерон был капитаном французской морской пехоты; фон Хорн - простым матросом в остендской кузнице; Дампьер был сомерсетширским йоменом, а Эскемелинг - учеником голландского плантатора. Шарлевуа говорит: "Немногие могли выдержать долгие годы столь тяжелой и трудоемкой жизни, и большая часть продолжала ее лишь до тех пор, пока не смогла накопить достаточно средств, чтобы стать плантаторами. Многие, постоянно тратя деньги, так и не заработали достаточно, чтобы купить плантацию; другие так привыкли к этой жизни и так полюбили даже ее тяготы и болезненные риски, что, хотя часто становились наследниками хороших состояний, не желали оставлять ее, чтобы вернуться во Францию".

Жизнь месье д'Ожерона, губернатора Тортуги, является примером другого класса буканьеров и причин, которые привели к выбору такой профессии. В пятнадцать лет он был капитаном полка морской пехоты, а в 1656 году, присоединившись к компании, намеревавшейся колонизировать реку Матинго, сел на корабль, оснащенный на сумму 17 000 ливров. Разочаровавшись в этой затее, он попытался обосноваться на Мартинике, но, обманутый губернатором, который отказался от земельного надела, решил поселиться у буканьеров на Сен-Доминго. Высадившись на рахитичное судно, он выбросился на берег Испаньолы и потерял все свои товары и провизию. Дав свободу своим *помолвленным*, он присоединился к охотникам и прославился как храбростью, так и добродетелью. Его товары, присланные из Франции, были проданы с убытком, и он вернулся на родину нищим. Собрав оставшиеся деньги, он нанял *ангажемент* и нагрузил судно вином и бренди. Обнаружив, что рынок переполнен, он продал свой груз с убытком и был обманут своим агентом на Ямайке. Вернувшись во Францию, он снарядил третье судно и, наконец, обосновался в качестве плантатора на Hispaniola. В этот момент французская Вест-Индская компания положила на него глаз и в 1665 году назначила его губернатором своей колонии.

Равено де Люссан иллюстрирует мотивы, которые иногда заставляли молодежь из высших классов становиться буканьерами. Он начинает свою книгу с истинно французского тщеславия, говоря, что немногие дети Парижа, в котором находится столько чудес света (десять из восьми, как мы полагаем), ищут свою судьбу за границей. С детства он был охвачен страстью к путешествиям и, когда ему еще не исполнилось и семи лет, тайком уходил из отцовского дома и проказничал. Вскоре он добрался до Ла-Виллетта и пригородов и постепенно научился терять Париж из виду. Вместе с этим увлечением возникло желание военной жизни. Шум барабана на улице приводил его в восторг. Он подружился с одним офицером и, предложив ему свою шпагу, вступил в его роту, стал свидетелем осады Конде и закончил кампанию, все еще не уставая от новой формы жизни. Затем он стал кадетом в морском полку. Капитан лишил его всех денег, и отец за большие деньги купил ему увольнительную. Под командованием графа д'Авежо он поступил во французскую гвардию и сражался при осаде Сен-Гислена. По возвращении, устав от Парижа, он снова отправился в море, не имея в голове ничего, кроме путешествий; самые долгие и опасные казались его воображению, по его словам, самыми восхитительными. Путешествие по суше показалось ему долгим и трудным, и он снова выбрал море, считая, что женщине подобает оставаться дома, не зная мира. Ласковые родители тщетно пытались переубедить его в этом бродяжничестве, но, видя, что он становится все тверже и непреклоннее, отступились.

Не заботясь о том, куда отправиться, лишь бы попасть в море, он в 1697 году отплыл из Дьеппа в Сен-Доминго. Здесь он пробыл пять месяцев, *обручившись* с французским плантатором, "скорее турком, чем французом". "Но какие бы страдания, - говорит он, - я ни претерпел с ним, я свободно прощаю его, решив забыть его имя, которое я не буду упоминать в этом месте, потому что законы христианства требуют этого от меня, хотя в вопросах милосердия он не должен ожидать от меня многого, так как он, со своей стороны, был всячески небрежен в его проявлении по моей вине". Но в конце концов терпение его истощилось, и, устав от жестокостей, казавшихся бесконечными, де Люссан обратился к господину де Франкенэ, лейтенанту короля, который сам предоставил ему приют в своем доме на шесть месяцев. Теперь он был в долгах, и, считая, что "честно платить кредиторам", он присоединился к вольным разбойникам, чтобы удовлетворить их, не желая снова обращаться за деньгами к родителям. "Эти займы у испанцев, - говорит он, - имеют то преимущество, что их не нужно возвращать", а между двумя коронами шла война, так что он был законным капером. Выбирая предводителя, де Люссан остановился на де Граффе, как на храбром корсаре, который в то время находился в Сен-Доминго и жаждал отплыть. Снабдив

себя оружием за счет Франкеснея, он присоединился к де Граффу. "Через несколько часов мы были довольны друг другом и стали такими друзьями, какими обычно становятся те, кому предстоит подвергнуться одному и тому же риску судьбы и, видимо, умереть вместе". День 22 ноября, когда он отплыл из Пти-Гуава, показался ему самым счастливым в его жизни.

Дампьер упоминает о старом буканьере, который был убит при взятии Леона. "Это был, - говорит он, - крепкий седоголовый старик лет восьмидесяти четырех, служивший под началом Оливера Кромвеля во время ирландского восстания; после этого он оказался на Ямайке и с тех пор занимался каперством. Он не согласился на предложение наших людей остаться на берегу, но сказал, что отважится уйти так же далеко, как и лучшие из них; но когда его окружили испанцы, он отказался "взять четверть, но разрядил свое ружье среди них, держа пистолет заряженным; так что они застрелили его на расстоянии. Его звали Лебедь (*rara avis*). Он был очень веселым, сердечным стариком и всегда заявлял, что никогда не возьмет четверть".

Когда искатели приключений находились в море, они жили вместе, как дружное братство. Каждое утро в десять часов корабельный кок ставил на огонь котелок, чтобы сварить соленую говядину для команды, в пресной воде, если ее было много, а если не хватало - в рассоле; в это же время варилась мука, из которой делали густую кашу, смешивая ее с подливкой и жиром от мяса. Затем все это подавалось команде на больших блюдах, по семь человек на тарелку. Если капитан или повар накладывали себе большую долю, чем их товарищи, любой из республиканцев имел право поменаться с ними тарелками. Но, несмотря на это братское равенство, несмотря на то, что капитан был подсуден своей команде, во все моменты необходимости поддерживалась строжайшая дисциплина и жесткая субординация. Экипажи питались два раза в день. Перед едой всегда произносили молитву: французские католики пели кантики Захария, Магнifikат или Мизерере; англичане читали главу из Нового Завета или пели псалом.

Как только судно появлялось в поле зрения, флибустьеры пускались в погоню. Если на судне развевался испанский флаг, пушки выставлялись, палубы очищались, пики приводились в готовность, и каждый готовил свой мушкет и порох, хранителем которых был только он один (а не канонир); эти предметы обычно оплачивались из общих запасов, если их не предоставлял капитан.

Сначала они падали на колени в своих каютах (каждая группа вокруг своей пушки), чтобы молить Бога о победе и грабеже. Затем все ложились на палубу, за исключением немногих, оставшихся управлять кораблем и штурманом, и переходили борт, как только их мушкетеры заглушали огонь противника. В случае победы они высаживали пленных на берег, ухаживали за ранеными и оценивали добычу. Третья часть команды поднималась на борт приза, а капитан приза выбирался по жребию. Отговорки не допускались, а если болезнь не позволяла избранному занять эту должность, его место занимал *мателот*, или товарищ.

Прибыв на Тортугу, они отдали должное губернатору и, прежде чем разделить добычу, наградили капитана, хирургов и раненых. Затем все члены экипажа побросали в общую кучу все, что у них было дороже пяти су, и дали клятву на Новом Завете, подняв правые руки, что ничего не утаили. Любого, уличенного в лжесвидетельстве, бросали на дно, а его долю либо отдавали остальным, либо наследникам умерших, либо завещали какой-нибудь часовне. Драгоценности и товары продавали, а вырученные деньги делили между собой.

"Невозможно было, - говорит СЕхmelin, - поставить какие-либо препятствия на пути людей, которые, движимые только надеждой на выгоду, были способны на такие великие предприятия, не имея ничего, кроме жизни, которую можно потерять, и всего, что можно

выиграть. Правда, они не стали бы долго продолжать свои походы, если бы у них не было ни лодок, ни провизии. Корабли им никогда не были нужны, потому что они имели привычку выходить в море на небольших каноэ и захватывать самые большие и хорошо снабженные суда. Им никогда не нужны были гавани, потому что все бежали перед ними, и им нужно было только казаться победителями". Этот умный и энергичный писатель завершает свою книгу, выражая мнение, что твердое и организованное сопротивление Испании в самом начале могло бы остановить последующие беды; но это мнение он затем квалифицирует следующими словами, которые, исходящие от такого писателя, так хорошо знакомого с теми, о ком он пишет, говорят о многом в пользу доблести буканьеров: "Я считаю, что авантюристы - ужасные люди".

Шарлевуа описывает первых флибустьеров как отправившихся на каноэ с двадцатью пятью или тридцатью людьми, без лоцмана и провизии, чтобы захватить ловцов жемчуга и заставить врасплох небольшие крейсера. Если им это удавалось, они шли на Тортугу, покупали судно и отправлялись в путь в составе 150 человек, направляясь на Кубу за соленой черепахой, в Порт-Марго или Байаху за сушеной свининой или говядиной - делили все по принципу *compagnon à bon lot*. Перед отправлением в экспедицию они всегда читали публичную молитву и торжественно благодарили Бога за победу.

"Поначалу, - пишет один из иезуитов, - им было так тесно в лодках, что едва хватало места, чтобы лечь; а поскольку они не практиковали никакой экономии в еде, им постоянно не хватало пищи. Кроме того, днем и ночью они подвергались воздействию непогоды, и все же им так нравилась независимость, в которой они жили, что никто не роптал. Одни пели, когда другие хотели спать, и все по очереди были вынуждены безропотно переносить эти неудобства. Но можно представить себе, что люди, так мало чувствующие себя в своей тарелке, не жалели сил, чтобы получить больше удобств; что вид более крупного и удобного судна придавал им смелость, достаточную для его захвата; и что голод лишал их всякого чувства опасности, связанной с добычей пищи. Они без раздумий нападали на все, что встречали, и брали на бордаж как можно скорее. Один залп мог бы потопить их суда; но они умело маневрировали, их матросы были очень активны, и они не представили врагу ничего, кроме носа, полного стрелцов, которые, стреляя через иллюминаторы, наводили ужас на канониров. Попав на борт, ничто не могло помешать им стать хозяевами корабля, какой бы многочисленной ни была команда. Кровь испанцев стыла в жилах при виде тех, кого они называли демонами и считали таковыми, и они часто сдавались сразу, чтобы получить четверть. Если приз был богат, их жизни щадили; но если груз оказывался плохим, буканьеры в отместку часто бросали команду в море".

Их излюбленными побережьями были Каракка, Картахена, Никарагуа и Кампеачи, где находились многочисленные и хорошо посещаемые порты. Лучшими гаванями на Каракасе были Кумана, Канаготте, Коро и Маракайбо; на Картахене - Ла-Ранчерия, Святая Марта и Портобелло. Вокруг Кубы они наблюдали за судами, идущими из Новой Испании в Маракайбо. Если они шли, то были нагружены серебром, а если возвращались, то полны какао. Призы в Каракку были нагружены кружевами и мануфактурой Испании, а из Гаванны - кожей, кампешевым деревом, какао, табаком и испанскими монетами.

Одежда моряков-буканьеров должна была меняться в соответствии с изменениями эпохи. Сохранив красные рубахи и кожаные сандалии, которые были рабочей одеждой их братства, мы видим, как они облачаются во все великолепие, найденное в испанских каютах: то в плюмажную шляпу и шнурованный пояс для шпаги времен правления Карла Второго, то в пучки лент благоухающего двора Людовика Кваторза. Выходцы из всех стран и сословий, некоторые из них гордились грубой бородой, босыми ногами и подпоясанной рубашкой

самого грубого моряка, в то время как другие, как Граммон и де Графф, щеголяли в самых богатых костюмах своей эпохи. Они, должно быть, прошли путь от длинного плаща и свободной рясы времен правления Стюартов до сапог и голландского платья Вильгельма Оранского; от кружевного и струящегося Steenkirk до петушиной шапки с бахромой и глубоко надвинутой на глаза жилетки королевы Анны. В английском переводе "Эсквемелинга" Бартеlemi Португез, один из самых ранних мореходов, представлен с длинными, всклокоченными волосами, разделенными по центру и спадающими на плечи, и длинными и грубыми усами. Он одет в простой вышитый плащ с шейной лентой, а в руках держит короткую широкую саблю, не обнаженную, как это было принято у многих вождей буканьеров. Рош Бразилиано появляется в простой охотничьей рубашке, веревки, стягивающие ее на шее, завязаны в бант. У Лолоннуа такая же рубашка, виднеющаяся на шее и продетая в прорехи рукавов, а в руках у него обнаженный меч с панцирной гардой. На портрете сэра Генри Моргана мы видим гораздо больше жеманства в аристократической одежде. На нем богатый плащ эпохи Карла Второго, ажурный кашне, завязанный бахромой на длинных концах, и широкий пояс для шпаги, перетянутый золотым шнурком. Рубашка охотника, однако, все еще видна сквозь прорезанные рукава.

ГЛАВА IV. ПЕТР ВЕЛИКИЙ, ПЕРВЫЙ БУКАНЬЕР.

Разграбление Сеговии - Пьер-ле-Гранд - Пьер Франсуа - Бартеlemi Португальский - его побег - Роше, бразилец - фанатичная ненависть к испанцам - кораблекрушения и приключения.

Дата первой организованной экспедиции буканьеров точно не известна. Известно лишь, что около 1654 года большая партия буканьеров, французов и англичан, объединилась в экспедицию на континент. Они поднялись на каноэ по реке на Москитовом берегу, на небольшом расстоянии с южной стороны мыса Грасиас а Диос, и после месячного труда против сильного потока, полного смерчей, оставили свои лодки и отправились в город Нуэва-Сеговия, который они разграбили, а затем вернулись вниз по реке.

Трудно проследить точное начало деятельности флибустьеров, или, как их вскоре стали называть, буканьеров. По мнению большинства авторов, первым успешным авантюристом, известным на Тортуге, был Пьер-ле-Гран (Петр Великий). Он был уроженцем Дьеппа, а его величайшим предприятием стал захват вице-адмирала испанской *флотилии*, находившейся у мыса Тибурон на западной стороне острова Испаньола. Он совершил это на каноэ, имея всего двадцать восемь спутников. Отправившись в путь на карикосе, он застал своего грозного противника в канале Бахама, который испанцы до сих пор проходили в полной безопасности. Он уже долгое время находился в море, не получив ни одного стоящего приза, его провизия была почти исчерпана, а люди, которым грозила голодная смерть, почти дошли до отчаяния. Свесившись через борт, вялые и недовольные, буканьеры вдруг заметили большое судно испанского флота, отделившееся от остальных и быстро приближавшееся к ним. Они тут же к нему, чтобы выяснить его силу, и, хотя оказалось, что она значительно превосходит их, отчасти от отчаяния, отчасти из корысти они сразу же решили взять его или умереть в попытке. В случае неудачи можно было умереть быстрее, а кровь в их жилах могла пролиться в одно мгновение, как и медленно застыть от голода. Если они не победят, то умрут, но если не нападут и ускользнут от внимания, то тоже погибнут, причем самой

мучительной и затяжной смертью. Приблизившись настолько, что бегство стало невозможным, они дали своему капитану торжественную клятву стоять за него до последнего, не дрогнуть и не уклониться, отчасти надеясь, что враг недостаточно вооружен и что они еще смогут овладеть им. Дело было в вечерних сумерках, и наступающая темнота облегчила им высадку и скрыла недостаток численности. Пока они готовили оружие, они приказали своему хирургу проделать отверстие в бортах лодки, чтобы полная безнадежность их положения побудила их к более смелому самоотвержению, чтобы они были вынуждены атаковать более энергично и высаживаться быстрее. Но их мужество не нуждалось в подобном подстрекательстве. Не имея иного оружия, кроме шпаги в одной руке и пистолета в другой, они тут же взобрались на борта "Испанца" и пробрались в кают-компанию. Там они обнаружили капитана и его офицеров, играющих в карты. Приставив пистолет к их груди, они приказали им сдать корабль. Испанцы, удивленные тем, что внизу находятся буканьеры, не видя их на борту и не видя лодки, на которой они могли бы приплыть (ведь хирург уже затопил ее и вернулся к своим друзьям через иллюминатор), закричали в суеверном страхе: "Господи, благослови нас, это дьяволы!", думая, что люди упали с облаков или были отряхнуты от какой-нибудь падающей звезды. Тем временем родня Питера пробилась в оружейную комнату, захватила оружие, убила нескольких матросов, выхвативших шпаги, а остальных загнала под люки.

В то же утро несколько испанских матросов сообщили своему капитану, что к ним приближается пиратская лодка, но когда тот поднялся посмотреть и увидел такое маленькое судно, он посмеялся над их опасениями, что это всего лишь ракушка, и снова спустился вниз, презирая любое судно, пусть даже такое же большое и сильное, как их собственное. Во время второй тревоги, в конце дня, когда лейтенант спросил его, не приготовить ли ему пару пушек, он рассердился и ответил: "Нет, нет, поднимите кран и поднимите лодку на борт". Захватив этот богатый приз, Петр задержал столько испанских моряков, сколько ему было нужно, а остальных отправил на берег Испаньолы, которая была совсем рядом. На судне было полно провизии и огромных богатств, и Пьер сразу же отправился во Францию, так и не вернувшись, чтобы продолжить так хорошо начатую карьеру.

Весть об этом захвате привела Тортугу в смятение. Плантаторы и охотники Испаньолы горели желанием продолжить столь славное и прибыльное ремесло. Теперь было открыто, что состояние человека можно сколотить одной лишь смелостью и предприимчивостью. Не имея возможности купить или арендовать лодки на Тортуге, они отправились на своих каноэ искать их в других местах. Некоторые стали крейсировать у мыса де Альварес, унося с собой небольшие испанские суда, которые везли шкуры и табак в Гаванну. Вернувшись со своими призами на Тортугу, они снова отправлялись в Кампеачию или Новую Испанию, где захватывали более богатые суда с большим грузом. Менее чем за месяц они привели в гавань два тарелочных судна, направлявшихся из Кампеачи в Караккас, и еще два корабля огромных размеров. За два года на Тортуге было снаряжено не менее двадцати буканьерских судов, и испанцы, видя, что их потери растут, а транспорт становится ненадежным, послали два больших военных корабля для защиты побережья.

Следующим бичом испанцев в этих морях стал Пьер Франсуа, уроженец Дюнкерка, чей комбинаторный, дальновидный гений и бесстрашное сердце вскоре подняли его над уровнем простых лакеев океана. Его маленькая бригантина с командой из двадцати шести человек - морских и сухопутных охотников - обычно кружила у мыса де ла Вела, поджидая торговые суда на пути из Маракайбо в Кампеачи. Пьер уже долгое время находился на плаву и не взял ни одного приза - обычная прелюдия к большим предприятиям среди этих людей, которые бросали вызов всем опасностям и всем врагам. Провизия подходила к концу, судно

давало течь, капитан был угрюм и молчалив, а команда наполовину взбунтовалась. Вернуться на Тортугу с пустыми руками означало стать добычей каждого чиха, жертвой неумолимых кредиторов; для людей - нищетой, для Пьера - потерей славы и всякого будущего продвижения по службе. Но поскольку на этих судах царило полное равенство, экипажи редко поднимали открытый бунт; а поскольку каждый имел право голоса при выдвижении того или иного плана, в случае неудачи не на кого было пенять. Наконец, среди этого напряжения, более томительного, чем тропический штиль, кто-то более смелый или более дальновидный, чем остальные, поднялся и предложил посетить жемчужные промыслы в Ривьер-де-ла-Аш. История, всегда дремотная в критические моменты, не сообщает, был ли Франсуа автором этой идеи или нет. Мы можем быть уверены, что он был крепким сторонником, и что план был осуществлен среди диких возгласов и размахивания шляпами, пистолетами и мечами, достаточными, чтобы напугать акул, голодно плавающих вокруг лодки, и спугнуть сверкающих летучих рыб обратно в море. Эти ранчерины ловили рыбу у богатой жемчужной отмели, к которой жители Карфагена ежегодно отправляли двенадцать судов с военным конвоем, обычно испанскую армадилью с экипажем в 200 человек и двадцатью четырьмя пушками. На борту каждого судна находились два или три раба-негра, которые ныряли за жемчугом. Эти люди редко жили долго, их часто разрывало от усилий, связанных с задержкой дыхания на четверть часа под волнами. Время для ныряния - с октября по май, когда стихают северные ветры и море становится спокойным.

Большое судно называлось "*Капитана*", и на него каждую ночь свозили дневную выручку, чтобы предотвратить риск мошенничества или кражи. Не желая возвращаться неудачей, Пьер решил наброситься на эту охраняемую стаю и увести военный корабль на виду у всего флота - подвиг столь же опасный, как похищение ирландской наследницы, стоящей на пороге брака. Он обнаружил рыбацкие лодки, стоящие на якоре в устье реки де ла Аш, а военный корабль - на расстоянии не более полулиги. Утром он подошел к ним, и они, увидев его, парящего в отдалении, как коршун над скотным двором, бросились под пушки своего опекуна, как цыплята под крыло курицы. Держась на расстоянии, они предположили, что он боится приближаться, и вскоре их страхи улеглись. Однако капитан армадиллы, полагая, что жемчуг - цель буканьера, предусмотрительно отправил на борт каждой лодки по три вооруженных человека, оставив свое судно почти беззащитным. Час настал. Спустив паруса, Пьер поплыл вдоль берега, прикинувшись испанским судном из Маракайбо, и, оказавшись у жемчужной отмели, внезапно напал на вице-адмирала с восемью пушками и шестьюдесятью людьми и приказал ему сдаться. Испанцы, хотя и были удивлены, хорошо оборонялись, но в конце концов сдались после получасовой рукопашной схватки, прежде чем почти безлюдная армадилья смогла подойти и оказать помощь. Теперь Пьер потопил свою собственную лодку, которая держалась на плаву только благодаря непрерывной работе насосов. Многие удовлетворились бы таким призом, но Пьер не знал Капуи и "не думал ничего делать, пока нечего делать". Он сразу же решил с помощью хитрости захватить армадилью, и тогда весь флот будет принадлежать ему. Ночь была очень темной, а ветер сильным и благоприятным, он бросил якорь, заставив пленных помогать своей команде. Военный корабль, увидев одну из своих флотилий, последовал за ним, опасаясь, что моряки скрываются с жемчугом. Как только корабль приблизился, Пьер заставил всех испанцев под страхом мгновенной смерти крикнуть: "*Виктория, Виктория! Мы взяли ладронов!*", после чего корабль отчалил, пообещав прислать за пленниками утром. Смеясь в рукав, Пьер отдал приказ поднять все паруса и вышел в открытое море, приложив все силы, чтобы скрыться из виду к рассвету. Но кровь убитых испанцев, еще не остывшая на палубе, взывала к небесам, и его преследовали. Он не успел пройти и лиги, как ветер стих, и его корабль лежал на воде, как бревно, в пределах видимости его преследователей, которые держались на большом расстоянии, сгорая от нетерпения и стыда, и бесновались, как гончие на поводке, когда

кабан вырывается. Ближе к вечеру поднялся ветер, после долгих призывных свистов, молитв и проклятий. Пьер, не зная силы своего приза и того, какую парусину он может выдержать, поднял наугад все паруса и бросился бежать, преследуемый армадильей, яростной, белокрылой и стремительной. Как и многие другие бегуны, Пьер оступился в своем стремлении к скорости. Он перегрузил свое судно парусами. Ветер усилился, завыл, как мстительный дух, и грот-мачта упала с треском, как расколотый громом дуб. Но Пьер держался твердо; он бросил пленников в трюм, заколотил люки и, уповая на ночь, смело стоял на страже. Он отчаялся встретить силу за силой: у него было всего двадцать два здоровых человека, остальные были либо убиты, либо ранены. Все было напрасно: огромная хищная птица надвигалась на него, как ястреб на дрозда, настигая, настигая с каждым мгновением. Пьер мужественно защищался и в конце концов сдался на условиях. Испанский капитан согласился, чтобы буканьеры не работали три-четыре года, как простые негры, на переноске строительных камней, а были бы в безопасности на суше. Пока еще глубокая вражда между двумя расами не разгорелась. В призе, который они едва не унесли с собой, помимо провизии и товаров, было более 100 000 штук жемчуга на восемь кусков. Сначала капитан хотел было предать их всех мечу, но команда уговорила его сдержать слово. Тогда французов с проклятиями спустили в тот же мрачный трюм, откуда теперь были освобождены пленные испанцы; так "вихрь времени вершит свое возмездие". Когда потрясенные буканьеры предстали перед губернатором Картахены, среди населения поднялся крик, что разбойники должны быть повешены, чтобы искупить вину за альфареса, которого они убили и который, по их словам, стоил всей французской нации вместе взятой. Однако губернатор, хотя и не предал их смерти, безропотно нарушил условия соглашения и заставил пленников работать на укреплениях Сан-Франциско, на своем собственном острове. После примерно трех лет этого мучительного рабства, под насмешки и презрение самих негров, они были отправлены в Испанию, а оттуда, сбежав один за другим во Францию, вернулись в Испанию, жаждая, как никогда, отомстить за свои обиды от рук народа, чьи богатства предоставляли готовые средства для возмездия, а трусость делала их неспособными к частым актам возмездия.

Третьим героем на нашей сцене, не менее смелым и не менее запоминающимся, был Бартеlemi Португез, уроженец Португалии, как и следовало из его имени.

Возбужденный слухами о приключениях, суливших золото и славу, Бартеlemi (не святой и, конечно, более готовый к расправе с другими, чем к расправе с самим собой) нашел на Ямайке небольшое судно и за свой счет оборудовал его. Поскольку записаны только самые выдающиеся его предприятия, можно предположить, что, судя по наличию у него денег, он уже был известен как успешный флибустьер. Это судно он вооружил четырьмя трехфунтовыми пушками и набрал команду из тридцати человек. Покинув Кингстон при попутном ветре, он отправился в плавание к мысу де Коррьенте, который, как он знал, был главной дорогой, где он должен был встретить суда, идущие из Каракки или Картахены, направляясь в Кампичи, Новую Испанию или Гаванну. Не успел он обогнуть мыс - точку, которую испанские купцы, опасаясь буканьеров, обходят с такой же осторожностью, как мыс Сент-Винсент европейские капитаны, опасаясь салийских скитальцев, - как в поле зрения появилось большое судно, направлявшееся из Маракайбо и Картахены в Гаванну. Экипаж судна состоял из семидесяти человек, на борту было двадцать пушек, множество пассажиров и морских пехотинцев. Флибустьеры, решив, что испанцы, так хорошо вооруженные и укомплектованные, им не по зубам, провели один из своих республиканских советов вокруг мачты и отказались атаковать, если только не пожелает капитан. Он решил, что нельзя упускать ни одной возможности, ведь в любой части света ничего нельзя выиграть без риска. Они мгновенно бросились в погоню за судном, которое спокойно ожидало их

приближения, удивляясь нападению, как ласточка удивляется, если ее преследует мошка. Полураздетые скитальцы, получив один огненный залп, шумный, но безвредный, тут же бросились на борт, но были отбиты испанцами, многочисленными, надеющимися и храбрыми. Вернувшись на судно и отбросив тесаки и мушкеты, они в течение пяти часов без перерыва вели плотный огонь из стрелкового оружия. Каждый канонир и каждый рефрижератор были сняты, палубы покраснели, ответный огонь ослабевал по мере того, как слабела оборона, и гордая отвага врага охладевала; буканьеры снова бросились на борт и стали хозяевами корабля, потеряв всего десять человек и четырех раненых. Теперь у них оставалось всего пятнадцать человек, чтобы управлять судном, на котором находилось около сорока пленников. Это все, что осталось в живых, причем многие из них были искалечены выстрелами или порезаны мечом. Первым делом завоеватели выбрасывали мертвых за борт, офицеров и матросов, как только они падали, снимали с них драгоценности и обшаривали карманы в поисках дублонов. Живых испанцев, раненых и умирающих, они согнали в одну небольшую лодку и дали им свободу, боясь держать их в плену и не желая проливать их кровь. Затем они принялись за работу: сращивали такелаж и паруса, а напоследок рылись в добыче. Стоимость их приза составила 75 000 крон, кроме того, они нашли 120 000 фунтов какао, которые стоили около 5000 дополнительных. Отремонтировав разбитое судно, они отправились бы вокруг острова Ямайка, но встречный ветер и течение заставили их направиться к мысу Святого Антония, западной оконечности Кубы, где они высадились и набрали воды, в которой очень нуждались.

Едва они подняли парус, чтобы продолжить свой курс, вероятно, намереваясь вернуться в порт и продать добычу, прежде чем пускаться в путь, как неожиданно наткнулись на три больших судна, идущих из Новой Испании в Гаванну, которые бросились в погоню, уверенные в победе, как три борзые, бегущие за одним зайцем. Флибустьеры, тяжело нагруженные добычей и неспособные пробиться, почти мгновенно ретировались, став такой же легкой добычей, как сытый волк для охотника. Через несколько часов буканьеры оказались под люками, лишившись даже одежды, и считали мгновения до казни - пуританин читал гимны, католик бормотал *Miserere*, а грубый убийца коров клялся отомстить, если только ему удастся сбежать. Через два вечера после этого поднялся шторм и разлучил повода в вооруженных торговцев.

Судно, на котором находились незадачливые португальцы, первым прибыло в Сан-Франциско, Кампичи. Бартелеми, говоривший по-испански, хорошо относился к капитану, который и не подозревал, какой приз ему достался. Вест о захвате вскоре разнеслась по городу, капитан стал публичным человеком, зазвонили колокола, люди стекались посмотреть на львов в клетке, а главные купцы города собрались, чтобы поздравить его с успехом. Среди любопытных и робких посетителей был один, который узнал Бартелеми, несмотря на все его клятвы и отрицания, и потребовал его сдачи. Никакая ненависть не может сравниться с ненавистью уязвленной алчности и расстроенного честолюбия. "Это португалец Бартелеми, - говорил он всем, - самый злобный негодяй на свете, который причинил испанской торговле больше вреда, чем все остальные пираты вместе взятые". Он бегал повсюду и объявлял, что они наконец-то схватили человека, столь известного своими набегами, грабежами и убийствами на их побережье, от жестоких рук которого погибли многие их сородичи. Капитан, весьма недоверчивый - возможно, несколько благосклонный к Бартелеми, считая его братом-моряком, который стоит десятка сухопутных разбойников, и раздраженный высокомерным требованием купца, - отказался выдать португальца или отправить его на берег. На это разгневанный купец отправился к губернатору, который, выслушав его жалобу, послал требовать буканьеров от имени короля. Его тут же арестовали, несмотря на уговоры капитана, и поместили на борт другого судна, сильно закованного в

железо, опасаясь, что он сбежит, как это уже было в прошлом. Была сооружена виселица, и на следующий день было решено сразу же вести его из каюты к месту казни, без лицемерной и бесполезной церемонии даже предрешенного суда. Некоторое время Португес оставался в неведении относительно своей участи, пока один испанский моряк (похоже, он умел завоевывать друзей) не сообщил ему, что виселица уже собрана, а веревка готова. В этой задержке заключалась его безопасность; в ту же ночь он решил бежать или погибнуть более быстрой или менее позорной смертью. Несомненно, с той странной примесью религии, которая сохранилась в сознании большинства буканьеров, он молился Богу или святым, чтобы они помогли ему.

Вскоре он освободился от кандалов. Обнаружив в своей каюте два больших глиняных кувшина, в которых из Испании в Индию привозили вино, он закрыл отверстия и подвесил их к себе на веревках, так как, вероятно, не умел плавать, а расстояние до берега было слишком велико. Почувствовав, что ему не удастся ускользнуть от бдительности бессонного часового, который бродил у его двери, он проткнул его тайно купленным ножом и бесшумно спустился с цепи в воду, выйдя на сушу без всплеска, который пловец мог бы сделать в спокойной воде. Выбравшись на сушу, он спрятался в лесу, готовый перенести любую опасность и в душе готовый скорее умереть от голода, чем принять публичную и позорную смерть. Он был слишком хитер, чтобы сразу же отправиться в путь по разведанному маршруту, но спрятался среди деревьев, наполовину покрытых водой, чтобы исключить возможность того, что его выследят бордовые ищайки - обычная уловка моховиков, для которых шум бегущей воды заглушал шум их движений и дыхания и уничтожал все следы их пути. Брюс и Уоллес уже давно спаслись с помощью хитрости, которая теперь спасла грабителя и убийцу. Должно быть, это были тревожные ночи, сменявшиеся криками негров, глубоким собачьим воем, клятвами испанцев, выстрелами из огнестрельного оружия, звоном сигнального колокола, блеском сигнальных огней и вспышками факелов. Все эти три дня он жил на ямсе и других кореньях, растущих вокруг него. С дерева, на котором он иногда укрывался, он с удовольствием наблюдал, как его преследователи тщетно рыщут по лесу, и в конце концов отказался от погони.

Полагая, что теперь опасность в какой-то степени уменьшилась, львиное сердце моряка решило направиться к Гольфо-Тристе, расположенному в сорока лигах, где он надеялся найти корабль буканьеров. Он прибыл туда через четырнадцать дней невероятной выносливости. Он стартовал вечером с морского берега, в пределах видимости от освещенного города, где на фоне неба все еще грозно возвышалась черная виселица. Его вынужденный марш был полон страшных опасностей и угроз. У него не было с собой никакой провизии, и только маленький калабаш с водой висел у него под рукой. Голод и жажда шли рядом с ним, дикий зверь оскалился на его пути, голоса испанцев, казалось, преследовали его. Его пропитанием была сырая рыба из раковин, которую он находил среди камней на берегу, свежая или гнилая, ему некогда было раздумывать. Приходилось переходить вброд ручьи, темные от кайманов, и пробираться через леса, где завывали ягуары. Всякий раз, когда он подходил к необычайно темному, глубокому и опасному ручью, где не было видно брода (ведь он не умел плавать), он бросал в воду большие камни, чтобы отпугнуть крокодилов, притаившихся на мелководье. В одном месте он прошел пять или шесть лиг, раскачиваясь, как ленивец, от ветки к ветке в бездорожном лесу мангровых зарослей, ни разу не ступив на землю. Часто его дневное продвижение было едва заметным. В одной реке, более глубокой, чем обычно, он нашел старую доску, которая прибилась к берегу, когда моряка смыло, и из нее он достал несколько больших ржавых гвоздей. Вытащив эти гвозди, он с большим трудом заточил их на камне и с их помощью срубил несколько веток деревьев, которые соединил с осиной и податливыми сучьями и потихоньку соорудил плот.

Голод, жажда, зной и страх преследовали его повсюду, а голос моря, всегда находившегося по правую руку от него, доносился до него, как голодный вой смерти. За эти четырнадцать ночей он, должно быть, буквально вкусил смерть и предвкушал ужасы ада.

"Фортуна благоволит храбрецам". В заливе он нашел судно буканьеров и спасся. Команда оказалась его старыми товарищами, недавно прибывшими с Ямайки и из Англии. Он рассказал им о своих бедах и несчастьях. Все жадно слушали о приключениях, которые завтра могут стать их собственными. Он думал только о мести и сказал им, что, если они захотят, он подарит им корабль, который будет стоять целой флотилии их каноэ. Он желал их помощи. Он попросил только одну лодку и тридцать человек. С ними он обещал вернуться в Кампичи и захватить судно, которое похитило его четырнадцать дней назад. Вскоре они удовлетворили его просьбу, лодка была немедленно снаряжена, и он поплыл вдоль побережья, выдавая себя за контрабандиста, везущего контрабандный товар. Через восемь дней он прибыл в Кампичи и без всякого страха и шума поднялся на борт судна в полночь. Дозорный бросил им вызов. Бартелеми, хорошо говоривший по-испански, негромко ответил: "Мы - часть команды, возвращающейся с товарами с суши, за которые не уплачена пошлина". Часовой, надеясь на долю или хотя бы на деньги, не стал повторять вопрос. Не дав ему времени разгадать уловку, они ударили его ножом и, бросившись вперед, одолели вахту. Перерезав трос, они застали спящих в каютах и, бросив якорь, вскоре вынудили испанцев решительной атакой сдаться и, отплыв из порта, вернулись к своим ликующим товарищам, не преследуемые ни одним судном. Велика была радость искателей приключений, ставших обладателями столь отважного корабля. Португалец снова стал богатым и могущественным, хотя совсем недавно был осужденным узником на том самом судне, на палубе которого он теперь стоял властелином всех. С этим грузом богатых товаров Бартелеми намеревался осуществить задуманное, ибо, хотя все испанские тарелки были высажены в Кампеачи, добыча была еще велика. Но пусть ни один охотник не кричит, пока не выйдет из леса, и ни один моряк не смеется, пока не войдет в порт. Пока он совершал плавание на Ямайку и уже считал свою прибыль несомненной, у острова Пинос, на юге Кубы, разыгрался страшный шторм, который швырнул его приз на скалы Жардин, где он и разлетелся на куски. Португес и его спутники спаслись на каноэ до Ямайки и вскоре отправились навстречу новым приключениям. Что стало с ним в конце концов, мы не знаем, но нам говорят, что "он никогда не был удачлив". Качался ли он в конце концов на виселице Кампичи, стал ли жертвой дарьенского людоеда, был ли пронзен греческой пулей или же его пожрало море, давно ожидающее свою жертву, мы никогда не узнаем. Он отплывает из Кингстона с развевающимися цветами и уходит в неведомые глубины.

О конце этого дикаря так ничего и не было известно. Он жил на Ямайке, когда Эсквемелинг уехал в Англию. Возможно, его кости до сих пор белеют в каком-нибудь индийском заливе, а море стонет вокруг безымянной пыли, навеки обреченной на гибель, но оплакивающей само опустошение, которое она вызывает.

Этот Рош Бразилиано (или Рок, Бразилец, как называли его английские искатели приключений) родился в Гронингене, в Восточной Фризеландии; его собственное имя было забыто, и он стал называться Бразильцем, потому что его родители были голландскими поселенцами в Бразилии. В раннем возрасте Роше обучили индейскому и португальскому языкам, а когда последняя нация вновь захватила Бразилию, он вместе с родителями перебрался на Французские Антильские острова, где выучил французский. Не понравившись этой нации, он перебрался на Ямайку. Здесь он научился говорить по-английски и, поселившись среди нашей более сговорчивой расы, привязался к стране

своего усыновления. Но он слишком долго пробыл в пустыне, чтобы почувствовать вкус даже к Гошену. Он уже приобрел любовь арабов к странствиям, а бедность в совокупности привела его на корабль искателей приключений. В этот образ жизни были ввергнуты все неугомонные таланты и любовь к предприимчивости.

Совершив всего три плавания, Рош стал командиром брига, команда которого взбунтовалась от своего капитана, и предложил ему командовать. Через несколько дней этому почти неискушенному человеку посчастливилось захватить большое судно, идущее из Новой Испании, с огромным количеством тарелок на борту. По прибытии на Ямайку Рок сразу же стал признанным лидером всех викингов испанского флота - их первым моряком, героем и образцом для подражания. Вскоре он стал настолько грозным, что испанские матери использовали его имя в качестве напутствия своим детям.

По описанию Рока, у него было крепкое и энергичное тело. Он был обычного роста, но крепкий и мускулистый. Его лицо было широким и коротким, скулы выдавались вперед, а брови были кустистыми и необычного размера. Он умело владел всеми видами индейского и католического (испанского) оружия, был хорошим охотником, рыбаком и метким стрелком - столь же искусным пилотом, сколь и храбрым воином. Он обычно носил на руке обнаженную саблю и не гнушался зарубить любого из своей команды, кто был бездельником, мятежником или трусом. Его боялись даже на Ямайке, особенно когда он был пьян, пишет его откровенный биограф. В такие моменты он часто носился по улицам, избивая и ранив всех, кого встречал, особенно если они осмеливались ему противостоять или сопротивляться. В трезвом состоянии его уважали и боялись, но он слишком часто предавался разврату.

В Роке мы видим первые признаки нового этапа жизни буканьеров - *фанатичной ненависти к испанцам*. Моряк, который сначала был простым капером на море и охотником на берегу, теперь стал законным разбойником с примесью крестоносца: рыцарское чувство вендетты стало дополнением к простой любви к добыче. Жажда золота оказалась непреодолимой: что же будет теперь, когда она усилится жаждой крови?

По отношению к испанцам Рок всегда был очень варварским и жестоким - из лютой ненависти к этому народу. Он редко давал им пощаду и обращался с ними с неутолимой свирепостью. Он извлекал из своих изобретений новые способы пыток, мстя им довольно косвенным способом за обиды, нанесенные его родителям португальцами. Говорят, что он даже зажарил живьем некоторых пленников на деревянных вертелах, как кабанов, за то, что они отказались открыть свинные дворы, где он мог снабжать свои корабли провизией. Испанцы считали его настоящим отступником, изгнанником своей собственной нации, и только так они могли объяснить его ненужные и бесполезные жестокости.

Однажды, когда он плыл к побережью Кампеачи, страшная буря, говорит летописец, "застала его врасплох так сильно", что его корабль потерпел крушение, а сам он и его команда спаслись только с мушкетами, порохом и несколькими пулями, которые, однако, были гораздо полезнее, чем золото на таком побережье. Они сошли на берег недалеко от Гольфо Тристе, места побега Бартеlemi. Рок был не из тех людей, которых может погубить случайность, не более значимая для настоящих авантюристов, чем опрокидывание кареты обычным путешественником. Сев на берег в каноэ, он решил быстро проплыть вдоль побережья и направиться к заливу, известному месту обитания членов их. Рок заверил своих людей в том, что у них доброе сердце, и он выведет их невредимыми из любой опасности, и, вселив в них надежду, обещание было уже наполовину выполнено. Выбравшись на главную дорогу, они продолжили свой поход по враждебной стране с видом людей, покоривших всю Индию. Они уже достигли пустынной тропы, устали, проголодались и хотели пить, когда

несколько индейцев подняли тревогу, и вскоре испанцы обрушились на них в количестве ста хорошо вооруженных и укомплектованных всадников, в то время как буканьеров было всего тридцать человек.

Как только Рок увидел врага, бразилец закричал: "Мужайтесь, *братья*, мы сейчас голодны, но, Карамба, вы скоро поужинаете, если последуете за мной", а затем, осознав надвигающуюся опасность, ободрил своих людей, сказав им, что они лучшие солдаты, чем испанцы, и что им лучше умереть, сражаясь под их оружием, как подобает мужественным людям, чем сдаться и вырвать свою жизнь под жесточайшими муками. Видя мужество своего командира, потерпевшие крушение люди решили атаковать, вместо того чтобы смиренно ждать приближения врага, и, столкнувшись с испанцами, сразу же так ловко разрядили свои ружья, что почти каждым выстрелом убивали всадника. После часа жаркого боя испанцы бежали. Искатели приключений потеряли только двух человек, еще двое были ранены. Разделавшись с мертвыми, они забрали у них все ценное, а раненых прикончили прикладами своих мушкетов. Затем они подкрепились вином и бренди, которые нашли в рюкзаках или у луки седла, и объявили, что готовы напасть еще раз, и, покончив с едой, сели на стреноженных лошадей и продолжили свой поход.

Победители прошли не более двух дней пути, прежде чем увидели хорошо оснащенное испанское судно, лежавшее у берега под ними. Оно прибыло для охраны лодок, на которых высадились люди, рубившие кампешевый лес. Рок увидел, что на птичьем дворе ничего не знают о коршуне, который парит неподалеку. Он мгновенно спрятал свою группу и с шестью товарищами отправился в заросли у берега, чтобы наблюдать. Здесь они провели ночь. На рассвете испанцы, вытащив на берег свое каноэ, были приняты бакканерами вежливо, но неожиданно. Рок мгновенно созвал своих людей, высадился на берег и захватил судно. В маленьком корабле было мало вещей, но, что было не менее полезно, двести центнеров соли, которой он засолил несколько убитых лошадей. Оставшихся лошадей он отдал в плен испанцам, сказав им со смехом, что эти звери стоят больше, чем судно, и что, оказавшись на их спинах на суше, ни один негодяй не должен бояться утонуть.

Получив один приз, буканьер первым делом стремился как можно скорее заполучить другой. У Рока оставалось еще двадцать шесть человек и хорошее судно, на котором можно было бы передвигаться. Вскоре он захватил корабль, направлявшийся в Маракайбо из Новой Испании, нагруженный товарами и деньгами, предназначенными для покупки груза какао-орехов. С этим грузом они отправились на Ямайку, оставив судно гореть в гавани, пока все их деньги не закончились. Потратив все, Бразилиано снова вышел в море, нетерпеливо ожидая бедности и решив довериться фортуне, ведь он был ее любимым ребенком. Он отплыл к месту встречи в Кампеачи и через пятнадцать дней стал на каноэ кружить вокруг порта, бродя по нему, как ястреб в поисках добычи.

Вскоре он был схвачен и вместе со своими людьми доставлен к испанскому губернатору, который бросил их в темницу, намереваясь повесить каждого из них. Но фортуна лишь на мгновение скрыла свои улыбки и не оставила его. Рок, столь же хитрый, сколь и бесстрашный, еще не исчерпал своих хитростей. Он был на свободе, вокруг него собрались собаки, но они еще не успели схватить его за горло. Он подружился с рабом, который приносил ему еду, и пообещал дать ему денег, чтобы выкупить свободу, если тот поможет его плану. Он не хотел компрометировать раба: ему нужно было только, чтобы тот передал письмо правителю. Раб рассказал губернатору, что его высадили на берег залива какие-то буканьеры и приказали доставить письмо. Письмо представляло собой гневную угрозу, предположительно написанную капитаном французского судна, находящегося в море. В нем губернатору советовали "быть осторожным в обращении с теми людьми, которых он держит

под стражей, поскольку, если он причинит им какой-либо вред, они поклялись ему, что никогда не отдадут ни одного человека из испанской нации, который попадет к ним в руки". Губернатор, подняв глаза и покрутив усами от такой угрозы, был напуган, и ему захотелось как можно скорее избавиться от столь опасных пленников, ведь Кампеачи уже однажды был захвачен авантюристами, и он опасался, какое несчастье могут натворить компаньоны, посещающие испанские города. Теперь он стал относиться к пленникам с большей добротой, при первой же возможности посылал за ними и, потребовав простой клятвы, что они откажутся от пиратства, отправлял их на борт галеона, направлявшегося в Испанию. Рок, со свойственным ему разнообразием, вскоре настолько полюбился, что испанский капитан предложил взять его в матросы, и он принял предложение. Во время этого единственного плавания в Испанию он заработал не менее 500 крон, продавая офицерам рыбу, которую он вылавливал на индейский манер стрелами и гарпунами с грот-цепи. Его товарищи, которых он никогда не забывал, относились к нему с почтением.

По прибытии в Испанию Рок, несмотря на свою клятву, которая была дана под страхом смерти, а потому не подлежала отмене ни одним священником, не терял времени, чтобы вернуться на Ямайку, куда он прибыл без судна, которое мог бы назвать своим, но в других отношениях в лучших обстоятельствах, чем когда он уезжал. Он сразу же присоединился к двум французским авантюристам.

Главный из них, по имени Трибутор, был старым буканьером с большим опытом. Они решили высадиться на полуострове Юкатан, надеясь захватить город Мерида. Рок, который уже бывал там в плену и, несомненно, предложил этот план, служил проводником, но некоторые индейцы вышли на их след и встревожили испанцев, которые укрепили место и приготовились к нападению. По прибытии буканьеров они обнаружили, что город хорошо гарнизонирован и защищен, и, пока они еще раздумывали, наступать или отступать, вопрос был неожиданно решен для них телом вражеских всадников, которые обрушились на их тыл, разрубили половину из них на куски, а остальных взяли в плен. Хитрый Рок, которого никогда не застать врасплох, сумел бежать, но старый Трибутор и его люди были захвачены в плен. СЕхmelin выражает свое удивление по поводу побега Рока, потому что он всегда считал подлой трусостью позволить другому человеку нанести удар раньше себя. "До сих пор он сдавался последним, даже когда его одолевали враги, и ему приходилось слышать, как он говорил, что предпочитает смерть бесчестью". *Nemo mortalium*, &c.

ГЛАВА V. ЛОЛОННУА ЖЕСТОКИЙ.

Лолоннуа - его хитрость - его жестокость - его партнер, Мишель ле Баск - берет Маракайбо - мучает жителей - разграбляет город - берет Гибралтар - нападает на Мериду - голод и мор - делит добычу - берет Сан-Педро - сжигает Верагуа - терпит крушение в Гондурасе - подвергается нападению индейцев - убит и съеден дикарями.

Испанских кораблей стало меньше, купцы отказывались от столь неопределенной и опасной торговли. Следствием этого стало то, что буканьеры, обнаружив, что их морские походы становятся все менее прибыльными, начали осваивать материк и нападать на города и даже поселки.

Первым буканьером, который отличился этом более широком поле деятельности, был Франциск Лолоннуа. Он родился среди песков Олонны, в Пуату, и получил свое *имя* от этого

дикого и подходящего места рождения. Он покинул Францию в раннем детстве и отправился в Рошель в качестве *ангажемента* на Карибские острова, где отбывал обычное трехлетнее рабство. Многое узнав за это время об охотниках с острова Испаньола, он отплыл на этот остров, как только закончилось его ученичество, и снова стал свободным искателем приключений. Сначала он стал камердинером у одного из охотников, а в конце концов и сам стал буканьером, пройдя через все обычные испытания молодого вест-индского колониста. Проведя некоторое время в саваннах, он стал беспокойным и устал от берега, и ему захотелось записаться в вольные разбойники под красным флагом. Отправившись на Тортугу, где располагалась штаб-квартира флибустьеров, он записался в ряды морских разбойников, с которыми совершил множество путешествий в качестве простого моряка или компаньона. Говорят, что с первого дня, как он ступил на доску, он показал себя предназначенным для достижения высокого положения, превзойдя всех "Братьев" в ловкости, проворстве и смелости.

В этих плавучих республиках талант вскоре вырвался на поверхность. Лолоннуа был избран хозяином судна, на котором взял много призов, но в конце концов потерял все из-за бури, которая разбила его корабль, утопила людей, потопила груз и выбросила его, истекающего кровью и голого, на дикий берег. Однако его мужество и поведение вызвали восхищение губернатора Тортуги, месье де ла Плас, чей остров он обогатил частой продажей призов, и он снова отправил его на новом корабле, чтобы вновь встретить всю ярость моря, ураган и испанца. Поначалу фортуна была благосклонна к нему, и он приобрел огромное богатство. Его имя стало настолько страшным для индейцев и испанцев, что они предпочитали умереть или утонуть, чем сдаться тому, кто никогда не знал слова "милосердие". Он так и не научился приковывать судьбу к мачте, и вскоре во второй раз потерпел крушение у Кампичи. Все люди спаслись, но, добравшись до суши, были преследуемы и убиты испанцами. Лолоннуа, сам тяжело раненный, спас свою жизнь с помощью хитрости. Смешав прибрежный песок с кровью, вытекавшей из ран, он вымазал лицо и тело и ловко спрятался под кучей трупов, оставаясь там до тех пор, пока испанцы не унесли в Кампеачи одного или двух его менее тяжелораненых товарищей. Как только они ушли, он с мрачной улыбкой поднялся из своего укрытия среди убитых и отправился в лес. Там он омыл в реке свои затянувшиеся раны и перевязал их, как мог. Как только они зажили (плоть этих людей быстро заживала), он надел платье убитого испанца и смело направился в соседний город. В предместье он вступил в разговор со встреченными им рабами, которых подкупил предложением свободы, если они будут слушаться его и следовать его указаниям.

Они прислушались к его предложению и, украв каноэ своего хозяина, привели его на берег моря, где скрывался Лолоннуа. Но до этого переодетый буканьер бесстрашно бродил по вражескому городу, наблюдая ликование по поводу своей мнимой смерти; его товарищей, содержащихся в темнице в качестве узников, спрашивали, что стало с их капитаном, на что они неизменно отвечали, что он мертв, и тогда испанцы зажигали костры на открытых площадях, благодаря Бога за избавление от столь жестокого пирата.

Пламя этих костров было красным для залива, когда Лолоннуа и рабы оттолкнулись от своего каноэ и поспешили скрыться. Они благополучно добрались до Тортуги, и Лолоннуа сдержал свое обещание и отпустил рабов на свободу, хотя, будь он достаточно подлым и никчемным, он мог бы обновить свое судно на вырученные от их продажи деньги. Теперь он думал только о том, как отомстить испанцам за жестокость, с которой они расправились с оставшимися в живых после кораблекрушения. Целые дни он проводил в раздумьях, как захватить судно и вернуть себе былую репутацию ловкого и удачливого человека. Придумав какой-то необычный план, Эсквемелинг, который всегда пишет с аффектированным ужасом о людях,

среди которых он жил, говорит, что с помощью "хитрости и тонкости" он вскоре получил третий корабль с командой из двадцати одного человека и хирурга. Будучи хорошо обеспечен оружием и предметами первой необходимости - как их обеспечивал человек без гроша в кармане, угадать невозможно - он решил посетить Де-Лос-Кайос, деревню на южной стороне Кубы, где, как он знал, суда из Гаванны заходили в порт Бока-де-Эстера, где они покупали табак, сахар и шкуры, обычно в маленьких лодках, поскольку море было очень мелким. В этом месте также добывали мясо, чтобы снабжать им испанские флоты.

Здесь Лолоннуа очень рассчитывал на добычу, но несколько рыбацких лодок, заметив его, встревожили город. Одно из этих каноэ они захватили и, посадив в него команду из одиннадцати человек, отправились к побережью Байес-дю-Норд. Буканьеры держались на некотором расстоянии друг от друга, надеясь быстрее окружить свою добычу, ведь каждый из их экипажей был достаточно силен, чтобы захватить любое торговое судно, на борту которого было не более пятнадцати или шестнадцати безоружных людей. Несколько месяцев они били по Кубе, но ничего не поймали, хотя это был самый разгар торгового сезона. После долгой задержки, вызванной удивлением и досадой, они узнали о причине своей неудачи от команды захваченного ими рыболовного судна, которая сообщила им, что жители Кайоса не рискнут выйти в море, поскольку знают, что они там находятся. Оставаться им было бы опасно, добавили они, поскольку главные купцы порта немедленно отправили "сухопутное судно" к губернатору Гаванны, сообщив ему, что Лолоннуа прибыл на двух каноэ, чтобы уничтожить их, и умоляя его послать и уничтожить "ладронов". Губернатора сначала с трудом удалось убедить выслушать прошение, поскольку он только что получил письма от Кампичи, в которых тот радовался смерти пирата; но, разбуженный постоянными просьбами разгневанных просителей, он наконец послал корабль на помощь.

На этом корабле было десять пушек, а команда состояла из девяноста молодых, энергичных и хорошо вооруженных мужчин, которым он дал на прощание прямой наказ не возвращаться к нему, не уничтожив предварительно этих пиратов. Он послал с ними палача-негра, приказав ему убить на месте всех, кого они захватят, кроме капитана Лолоннуа, которого живым с триумфом доставят на Гаванну. Корабль едва успел прибыть в Кайос, как пираты, узнав о его приближении, пришли искать его у причалов в реке Эстера. Увидев его вдаль, Лолоннуа воскликнул: "Мужайтесь, мои товарищи! Мужайтесь, мои лучшие братья! Скоро мы будем на коне". Схватив нескольких рыбаков, возившихся с сетями, он заставил их ночью показать ему вход в порт.

Гребя очень тихо, в тени деревьев, окаймлявших берега реки и скрывавших их приближение, они подошли к борту судна чуть позже двух часов ночи - незадолго до рассвета. Вахта на корабле окликнула их и спросила, откуда они прибыли и не видели ли пиратов? Они заставили одного из рыбаков, который вел их, ответить по-испански, что не видели ни пиратов, ни чего-либо другого; это заставило испанцев поверить, что Лолоннуа скрылся при их приближении. Буканьеры тут же начали обстрел с обеих сторон из своих каноэ. Испанцы, хорошо державшие оборону, открыли ответный огонь, но без особого эффекта, так как враги легли плашмя в лодках, а деревья служили им габионами. Испанцы храбро сражались, несмотря на внезапность и мощь атаки, и использовали свои большие пушки. Бой продолжался с рассвета до полудня, команда судна давала бесполезные залпы из мушкетов, которые редко ранили нападавших, но пули которых, напротив, ежеминутно убивали или ранили кого-нибудь из гаванской молодежи. Когда стрельба стала стихать, Лолоннуа вытащил свои каноэ в поток и высадился на судно, которое почти сразу же сдалось.

Оставшиеся в живых были выбиты под люками, а раненые на палубе получили по заслугам. Когда все было сделано, Лолоннуа приказал своим людям поднимать пленников одного за

другим из трюма, отрубая им головы по мере их приближения собственной рукой и пробуя их кровь на вкус. Палач-негр, видя, что его постигла участь предшественников, бросился в ноги вождю буканьеров и воскликнул по-испански: "Если ты не убьешь меня, я скажу тебе правду". Лолоннуа, полагая, что тот хочет поведать какую-то тайну, велел ему говорить дальше. Но тот отказался разжимать губы, пока ему не пообещали жизнь; когда обещание было дано, дрожащий несчастный воскликнул: "Сеньор капитан, месье, губернатор Гаванны, не сомневаясь, что этот хорошо вооруженный фрегат захватит самое сильное из ваших судов, послал меня на борт, чтобы я служил палачом и вешал всех пленных, которых брали его люди, для устрашения вашего народа, чтобы они не смели никогда приближаться к испанскому кораблю". Эскемелинг, который всегда преувеличивает жестокость своих закадычных друзей, говорит, что Лолоннуа, заставив негра признаться в том, в чем считал нужным, приказал убить его вместе с остальными; но СЕхmelin дает более вероятную версию. При упоминании негром о том, что он палач, он пришел в ярость и, если бы не его слова: "Я даю тебе четверть и даже свободу, потому что я обещал ее тебе", непременно предал бы его смерти. Затем он перебил всех остальных членов экипажа, кроме одного человека, которого пощадил, чтобы отправить его с письмом к губернатору Гаванны. В письме говорилось следующее: "В ответ на вашу доброту я поступил с вашими людьми так, как они хотели поступить со мной и моими спутниками. Впредь я никогда не дам передышки ни одному испанцу и очень надеюсь, что вы сами подвергнитесь тому же наказанию, что и те, кого вы послали против меня. Для вас лучше перерезать себе горло, чем попасть в мою власть".

Губернатор, разгневанный гибелью своего корабля и команды и возмущенный наглой дерзостью письма, поклялся в присутствии многих, что не даст четвертовать ни одного пирата, попавшего в его руки. Взбешенный тем, что два каноэ с двадцатью двумя полуголыми мужчинами могут насмехаться над могуществом Испании в его лице, он тут же разослал по соседним индейским фортам весточку, чтобы повесили всех пленных французов и англичан, вместо того чтобы, как обычно, отправить их в Испанию. Жители Гаванны, узнав об этой неосторожной выходке, отправили к губернатору депутацию, чтобы сообщить ему, что за одного англичанина или француза, захваченного испанцами, буканьеры ежедневно забирают сотню их людей, что жители Гаванны вынуждены добывать себе пропитание торговлей, что жизнь для них гораздо дороже денег, которые только и нужны буканьерам; и, наконец, что все их рыбаки ежедневно подвергаются опасности, так как у буканьеров есть частые возможности для расправы. После этого разгневанного губернатора наконец убедили умерить свой пыл и смягчить суровость клятвы.

Лолоннуа, получив в свое распоряжение хороший корабль, решил плавать из порта в порт, чтобы добыть провизию и людей. У Маракайбо он застал корабль, груженный тарелками, который направлялся за какао-орехами, и с этим призом вернулся Тортугу, к своему удовольствию и всеобщей радости этой странной колонии беглых рабов, распущенных солдат, охотников, каперов, пиратов, пуритан и папистов. Недолго пробыв в порту, он задумал экспедицию в Маракайбо и вместе с другим искателем приключений снарядил отряд из пятисот человек. На Тортуге он нашел пленников для проводников и распустил авантюристов, достаточно решительных, чтобы стать его спутниками. Его партнером был Майкл ле Баск, буканьер, который вышел в отставку очень богатым и теперь был майором острова. Он совершил немало подвигов в Европе и пользовался репутацией хорошего солдата. Лолоннуа должен был править на море, а Ле Баск - на суше.

Ле Баск знал все проходы Маракайбо, а недавно взял в качестве приза двух индейцев, которые хорошо знали порт и предлагали себя в качестве лоцманов и проводников. Ле Баск согласился присоединиться к Лолоннуа, пораженный смелостью и осмысленностью его

планов, а Лолоннуа был несказанно рад союзу с таким опытным человеком. Всем безработным буканьерам тут же было объявлено, что они планируют большую экспедицию с большими шансами на добычу. Все, кто желал присоединиться к ним, должны были прийти к определенному дню на встречу либо на Тортугу, либо в Байялу, на северной стороне Испаньолы; в последнем месте он восстановил свой флот, взял в свою компанию несколько французских охотников-добровольцев, привел в порядок свои суда и добыл говядину и свинину в погоне.

Его флот состоял из восьми небольших судов, из которых его собственное, самое большое, имело всего двадцать пушек; экипажи составляли около четырехсот человек. Отплыв из Байялы в последний день июля и обогнув Понта-дель-Эспада, восточный мыс Испаньолы, Лолоннуа нагнал два испанских судна, идущих из Порто-Рико в Новую Испанию, и одно из них Лолоннуа настоял на том, чтобы захватить собственными руками, отправив свой флот в Савону. Испанцы, хотя у них была возможность в течение целых двух часов, отказались бежать и, будучи хорошо вооруженными, приготовились к отчаянному сопротивлению; бой продолжался три часа. На корабле было шестнадцать пушек, а на борту находилось пятьдесят человек. На нем нашли груз какао весом 120 000 фунтов, 40 000 штук восьмерок и еще 10 000 драгоценностей. Лолоннуа немедленно отправил этот приз обратно на Тортугу для разгрузки с приказом вернуться на randevu в Савону. На пути к этому месту его авангарду тоже повезло: он встретил испанское судно, которое везло из Куманы военные запасы и деньги для гарнизонов Испаньолы. На этом судне, которое они захватили без сопротивления, хотя и было вооружено восемью пушками, они нашли 7000 фунтов пороха, большое количество мушкетов и другого оружия, а также 12000 штук восьмерок.

Эти успехи воодушевляли авантюристов, а суеверным людям показались обещаниями удачи и успеха. Щедрость губернатора Тортуги также способствовала повышению их настроения. Месье д'Ожерон, французский губернатор, был очень рад скорому прибытию столь богатого приза стоимостью, по самым скромным подсчетам, 180 000 ливров, и открыл все свои склады для использования призовой командой. Приказав быстро разгрузить корабль, он отправил его обратно в Лолоннуа, набив провизией и предметами первой необходимости. Многие люди, прибывшие из Франции вместе с губернатором, теперь присоединились к столь удачно начавшейся экспедиции, желая нажить состояние так же быстро, как и старые колонисты. Потратив немного денег, плантатор мог получить шанс поучаствовать в разграблении далекого города, не выходя из-под тени своего тамариндового дерева, а одобрение губернатора придавало экспедиции атмосферу законного правительственного патронажа. Д'Ожерон даже отправил на борт двух своих племянников, молодых галантов, недавно прибывших из Франции, один из которых впоследствии стал править островом вместо своего дяди. С флотом, набранным из людей, погибших от лихорадки или испанцев, полный надежд и бодрости духа, Лолоннуа отплыл в Маракайбо. Свое судно он отдал своему товарищу Антони дю Пюи, а сам отправился на борт "*Какаойера*", как назывался самый большой приз.

Перед отплытием он осмотрел свою маленькую непобедимую армаду. Его собственный новый фрегат имел шестнадцать пушек и 120 человек. Его вице-адмирал Мозес Воклен имел десять пушек и девяносто человек; а его *мателот* Ле Баск отплыл на судне, названном "*Пудриер*", потому что на нем хранился весь порох, боеприпасы и деньги на жалованье матросам. На борту было двадцать пушек и девяносто человек. Пьер ле Пикар управлял бригаantinoй с сорока людьми. Мозес снарядил еще одну такого же размера, а два других судна поменьше управлялись командой из тридцати человек. Каждый матрос был вооружен хорошим мушкетом, пистолетами и крепкой саблей. На этом смотре Лолоннуа впервые

раскрыл весь свой план, который заключался в том, чтобы посетить Маракайбо, провинцию Новая Венесуэла, и разграбить все города, прилегающие к озеру. Затем он привел своих проводников, один из которых был лоцманом над барьером в Маракайбо и ручался, что нападение будет легко осуществимо. Крики и шум возвестили о всеобщем удовлетворении этим предложением. Все согласились следовать за ним и дали клятву, что будут беспрекословно подчиняться ему под страхом лишения добычи. Затем был составлен обычный *chasse-partie*, или договор с буканьерами, в котором указывалась точная доля, которую каждый должен получить из добычи, начиная с капитана и заканчивая мальчишками на кораблях, не забывая о раненых и проводниках.

Венесуэла, или "маленькая Венеция", получила свое название из-за того, что она очень низкая и сохраняется от частых затоплений только искусственным путем. На расстоянии шести-семи лиг от залива Маракайбо, или Венесуэльского залива, находятся два небольших острова - остров Сторожевой башни и остров Голубей. Между этими двумя островами пролегает канал пресной воды - шириной с восьмифунтовую пулю, около шестидесяти лиг в длину и тридцати в ширину, - который впадает в море. На острове Вигилиас возвышался холм со сторожевой башней, а на острове Паломбас - форт, препятствующий входу судов, которые вынуждены были подходить очень близко: канал был сужен двумя песчаными валами, оставлявшими всего четырнадцать футов воды. Песчаные разломы были очень многочисленны; в некоторых из них, в частности в одном, называемом Эль-Таблазо, вода не превышала шести футов.

"К западу отсюда, - говорит Эсквемелинг, - поскольку мы должны описывать прошлое, а не настоящее города, - находится город Маракайбо, очень приятный на вид, его дома построены вдоль берега и имеют восхитительные перспективы по всему периметру. В городе проживает три-четыре тысячи человек, включая рабов, что делает его достаточно крупным городом. По оценкам, здесь проживает около 800 человек, способных носить оружие, все испанцы. Здесь есть одна приходская церковь, хорошо построенная и украшенная, четыре монастыря и один госпиталь. Город управляется заместителем губернатора, которого замещает губернатор Каракаса. Торговля здесь ведется в основном шкурами и табаком. Жители имеют большое количество скота и множество плантаций, которые простираются на тридцать лиг по стране, особенно в сторону большого города Гибралтар, где собирается огромное количество орехов какао и всех других садовых фруктов, которые служат для пропитания жителей Маракайбо, чьи территории намного суше, чем территории Гибралтара. Жители Маракайбо отправляют сюда большое количество плоти, получая взамен апельсины, лимоны и другие фрукты, ибо жители Гибралтара нуждаются в плоти, не имея возможности кормить коров и овец".

Внутреннее озеро в пределах большого бара, которое так трудно пересечь, питали около семидесяти ручьев, несколько из которых были судоходными. Два мыса по обе стороны залива были названы соответственно мысом Святого Романа и мысом Какибакоа. Восточная сторона, хотя и часто затопляемая, была нездоровой, но очень плодородной, чем-то напоминая Маремму, где, согласно итальянской пословице, человек богатеет за шесть месяцев и умирает за семь.

В самом заливе, в десяти или двенадцати лигах от озера, находятся два острова - Онежский и Лас-Монгес. На восточной стороне, недалеко от устья, находилась рыбацкая деревня Барбакоа, где индейцы жили на деревьях, спасаясь от наводнений; ведь после сильных дождей земли часто разливались на широкие участки в две-три лиги. В нескольких милях от него находился город Гибралтар, где выращивали лучшее в Индиях какао, а также знаменитый "табак священников". За этими двадцатью лигами юрисдикции возвышались

горы, вечно покрытые снегом, удивительно контрастировавшие с болотистыми полями и богатой тропической растительностью хорошо орошаемого района внизу. По другую сторону этих гор лежал родной город Мерида, между которыми только летом мулы перевозили товары в Гибралтар; какао и табак из Мерида обменивались на перуанскую муку и фрукты из Гибралтара. Рядом с этим городом находились богатые плантации и лесные массивы, изобилующие высокими кедрами, из которых индейцы вырезали прочные *пирагуа*, или каноэ, способные нести тридцать тонн и оснащенные одним большим парусом.

Территория Гибралтара была плоской и естественно плодородной, орошаемой реками и ручьями, а также искусственно орошаемой небольшими каналами, необходимыми в частые засухи. Здесь в изобилии росло все, что желательно для еды и приятно для взгляда, воздух был наполнен птицами, прекрасными, как странствующие цветы, а реки кишели разноцветными рыбами. Но в этот индийский рай вошла смерть, и эти болота стали логовом самых смертоносных лихорадок, опустошающих человечество. В сезон дождей купцы покидали Гибралтар, как богачи Рим, и уезжали в Мериду или Маракайбо, чтобы спастись от моровой язвы, которая гуляла не только в темноте, но даже в яркий полдень. В шести лигах от этого города с полутора тысячами жителей протекала река, судоходная для судов в пятьдесят тонн весом.

Сам Маракайбо имел просторный и безопасный порт и был хорошо приспособлен для строительства судов благодаря обилию древесины в окрестностях. На маленьком острове Боррика кормили огромное количество коз, которых разводили главным образом ради их шкур. На юго-восточной границе озера, в удивительном контрасте со всей этой суетой торговли, жизни и богатства, жили индейцы браво, дикая раса, которая никогда не была покорена испанцами. Они, как и рыбаки, жили в хижинах, построенных на ветвях мангровых деревьев у самой кромки воды, в безопасности от наводнений и от столь же назойливых, хотя и менее смертельных, визитов москитов. За ними к западу простиралась сухая и засушливая страна, где не росло ничего, кроме кактусов и чахлах, горьких кустарников, настолько колючих, что путник почти не мог пройти, - пустынная и бесплодная. Здесь испанцы пасли немногочисленные стада, а единственными домами были хижины вооруженных пастухов, которые ухаживали за одинокими стадами. Этот скот убивали главным образом ради жира и шкур, а мясо оставляли для стай торговых птиц - своего рода стервятников, четыре или пять из которых за день-два обгладывали быка до костей.

Лолоннуа, прибыв на один из островов залива, высадился и взял провизию, не желая прибыть к бару до рассвета в надежде застать форт врасплох; и, встав на якорь, вне поля зрения сторожевой башни, вечером поднял якорь у острова Онега и плыл всю ночь, но был замечен дозорными, которые немедленно подали сигналы в форт, который выстрелил из пушки и возвестил о приближении врага.

Причалив к берегу, Лолоннуа не теряя времени, высадился на берег, чтобы атаковать форт, охранявший ту самую дверь, через которую он должен был пройти. Батарея состояла из простых габионов или корзин, обложенных дерном и скрывавших четырнадцать пушек и 250 человек, с фланговыми земляными укреплениями, возведенными для защиты артиллеристов. Лолоннуа и Ле Баск высадились в лиге от форта и двинулись вперед во главе своих людей. Губернатор, увидев их высадку, приготовил засаду, надеясь напасть на них одновременно с фланга и тыла. Буканьеры, обнаружив это, опередили испанцев и разгромили их настолько, что ни один человек не вернулся в форт, который был немедленно атакован "с обычным отчаянием этого рода людей", - говорит Эсквемелинг. Бой продолжался в течение трех часов. Буканьеры, целясь с охотничьей точностью, убили столько испанцев и так сильно сократили их численность, что оставшиеся в живых не смогли

помешать диким фехтовальщикам ворваться в амбразуры, перебить половину оставшихся в живых и взять остальных в плен. Несколько оставшихся в живых, по словам одного из авторов, в смятении бежали в Маракайбо, крича: "Пираты скоро будут здесь с 2000 человек".

Остаток дня Лолоннуа потратил на разрушение захваченного форта, предварительно подав сигнал кораблям, чтобы они входили, так как опасность миновала. Его люди сравняли с землей валы, заколотили пушки, похоронили погибших, а раненых отправили на борт флота. На следующий день, очень рано утром, корабли бросили якорь и направились тесной фалангой, как стая саранчи, к обреченному городу Маракайбо, до которого теперь оставалось всего шесть лиг. Несмотря на все свое нетерпение, они продвигались медленно, так как ветер был очень слабый; и только на следующее утро они увидели город, приятно стоящий на прохладном берегу, с его галереями затененных балконов, башнями и шпилями - цель, к которой они стремились.

Подозревая засады после опасности в баре, Лолоннуа посадил своих людей в каноэ и вытащил на берег под защитой залпов из своих больших пушек, которые он приказал направить на лес, выстроившийся вдоль берега. Половина людей ушла в каноэ, а половина осталась на борту; но эти яростные выстрелы были отброшены, так как испанцы уже давно скрылись. К их огромному удивлению, сам город оказался безлюдным. Жители, помня ужасы прежнего нашествия буканьеров, когда Маракайбо был "разграблен до основания", бежали в Гибралтар на своих лодках и каноэ, прихватив с собой все драгоценности и деньги, которые могли унести.

Встревоженным друзьям, которые их принимали, они сказали, что форт Бар был взят, и ничего не удалось спасти, ни один солдат не спасся. В Гибралтаре они считали себя в безопасности, полагая, что буканьеры разграбят несчастный и беззащитный город, а затем отступят через бар.

Голодные матросы, жившие скудно в течение четырех недель, нашли в опустевших домах муку, хлеб, свинину, птицу, и бренди, и этим они хорошо подкрепились. Склады были полны товаров, а подвалы - испанского вина. Более благоразумные опустили до грабежа, более беспечные - до веселья. К первым, вероятно, относились люди постарше, а ко вторым - помоложе. Каждый злоупотреблял тем пороком, от которого воздерживался, и безропотно предавался своему более любимому развлечению. Но вскоре человек, уставший от вина, начинал грабить, а человек, нагруженный восьмьюдесятью кусками, начинал пить. Как только грабеж прекращался, начиналось расточительство, и благоразумие и глупость одинаково заканчивали день - нищими и пьяными. Командиры сразу же захватили лучшие дома, потакая своей природной любви к порядку и справедливости, поставив часовых у больших магазинов и складов.

Великий монастырь Кордельеров служил им караульным помещением, издавна являясь обителью воров, но никогда не проявляясь так явно, как сейчас; издавна служивший святилищем мамоны, но теперь впервые заполненный его заклятыми поклонниками. Если бы город не был безлюдным, в эту ночь можно было бы услышать стоны жертвы жестокости; а так он отзывался лишь песнями и криками разврата. Буканьер добрался до своей Капуи, но там не было джудитов, готовых зарубить этих Олофернов в их пьяном сне. Возможно, ночной сюрприз и не удался бы. Эти люди все еще были бдительными охотниками и бдительными моряками; затонувшие скалы и затаившиеся испанцы, волнорезы и дикие быки, рифы и дикие пантеры научили их никогда не спать без охраны и без присмотра.

На следующий день открылся новый источник грабежа. Лолоннуа - поскольку командование Ле Баска даже на суше, похоже, было второстепенным - отправил группу из 160 человек на

разведку в соседний лес, где, как предполагалось, скрывались некоторые жители. Они вернулись в ту же ночь, разрядив свои пушки и волоча за собой жалкий плачущий обоз из двадцати пленников, мужчин, женщин и детей; кроме того, мешок с 20 000 кусков восьми и множество мулов, нагруженных домашней утварью и товарами.

Некоторых из пленников сразу же подвергли пыткам, чтобы заставить их признаться, где они спрятали свои богатства, но ни боль, ни страх не смогли вырвать у них тайну. Лолоннуа, который ценил, что не убил, хотя и хладнокровно, десять или двенадцать испанцев, выхватил свою секиру и разрубил одного из них на куски перед всеми своими товарищами; а когда бледные, измученные люди все еще корчились и стонали рядом с ним, заявил: "Если вы не признаетесь и не скажете, где у вас остальные ваши товары, я сделаю то же самое со всеми вашими товарищами". Несмотря на все эти ужасные жестокости и бесчеловечные угрозы, только один из них оказался достаточно подлым, чтобы предложить провести буканьеров к месту, где были спрятаны остальные беглецы. Когда они прибыли туда, то обнаружили, что их приход был объявлен, богатства перевезены в другое место, а испанцы скрылись. Теперь изгнанники ежедневно меняли свои укрытия, и в условиях всеобщей опасности и недоверия отец не мог положиться даже на собственного сына.

После пятнадцати дней "подведения итогов" в Маракайбо Лолоннуа двинулся к Гибралтару, намереваясь затем разграбить Мериду, поскольку в этих местах он рассчитывал найти богатства, вывезенные из Города Озера. Несколько пленников предложили ему послужить проводниками, но предупредили, что место окажется сильным и укрепленным. "Неважно, - воскликнул буканьер, - тем лучше знак, что его стоит взять".

Гибралтар был уже подготовлен. Жители, ожидая Лолоннуа, обратились за помощью к губернатору Мерида, старому крепкому солдату, служившему во Фландрии. Он прислал ответ, что им не нужно беспокоиться, так как он надеется через некоторое время истребить пиратов. Вскоре после этой обнадеживающей бравады он вошел в город во главе 400 хорошо вооруженных людей, а вскоре к нему присоединилось еще столько же вооруженных горожан, которых он сразу же зачислил в отряд. На стороне города, обращенной к морю, он быстро воздвиг батарею из двадцати орудий, хорошо защищенных корзинами с землей, а с флангов - меньшую траверзу из восьми орудий. Наконец, он забаррикадировал узкий проход в город, через который, как он знал, должны были пройти пираты, и открыл другой путь, ведущий в болотистый лес, который был совершенно непроходим.

Через три дня после отплытия из Маракайбо Лолоннуа подошел к Гибралтару и, увидев вывешенный королевский штандарт, понял, что впереди - разбойники, и созвал генеральный совет, одно из тех республиканских собраний, которые отличали армии буканьеров и напоминали нам о менее единодушных консультациях, описанных Ксенофонтом. Он признался, что предприятие было очень трудным, поскольку у испанцев было столько времени, чтобы привести себя в состояние обороны, и теперь они собрали большие силы и много боеприпасов; "но будьте мужественны, - сказал он, - мы должны либо защищаться, как хорошие солдаты, либо потерять наши жизни со всеми богатствами, которые мы получили. Поступайте так, как поступлю я, ваш капитан. В иные времена мы сражались с меньшим числом людей, чем сейчас, и все же побеждали большее число врагов, чем может быть в этом городе; *чем их больше, тем больше богатств мы получим*". Все его люди в один голос закричали, что пойдут за ним и повинуются ему. "Хорошо, - ответил он, - но знайте: первого, кто проявит хоть малейший страх или опасение, я прикончу собственными руками".

Буканьеры бросили якорь у берега, примерно в трех четвертях лиги от города, и на следующий день до восхода солнца высадились на берег в количестве 380 решительных человек, каждый из которых был вооружен тесаком, скобой пистолетов и тридцатью зарядами пороха и пуль. На берегу все они пожали друг другу руки, многие в последний раз, и начали свой поход; Лолоннуа воскликнул: "Идите за мной, *братья*, и будьте мужественны". Их проводник, не зная о том, что сделал губернатор Мерида, добросовестно повел их по загражденному пути, где, к своему удивлению, обнаружил, что в одном месте тропинки завалены большими деревьями, недавно срубленными, а в другом - завалены так, что мягкая грязь достигает высоты выше бедер.

Лолоннуа, видя, что проход безнадежен, попытался пройти по узкому пути, который был тщательно расчищен как ловушка для них. Здесь могли пройти только шесть человек, а выстрелы из города непрерывно пахали по тропе. В то же время испанцы в небольшой террасной батарее из шести орудий били в свои барабаны и вывешивали шелковые флаги. Искатели приключений, измученные огнем, который не мог вернуться, и оскальзывающиеся на болотистой тропе, становились все более раздраженными и нетерпеливыми. "Мужайтесь, братья мои, - вскричал их предводитель, - мы должны победить этих парней или умереть; следуйте за мной, и если я упаду, не сдавайтесь". С этими словами он побежал на полном ходу, опустив голову, как бешеный бык, против испанцев, а за ним последовали все его люди, такие же смелые, но менее терпеливые, чем он сам. Срубив сучья, они проложили грубую тропу, твердую и надежную, через глубокую грязь. Когда они оказались на расстоянии пистолетного выстрела от окопов, то снова стали опускаться на колени, а вражеские гранатометы густо и жарко падали на их застывшие ряды. Многие падали, но их последними словами всегда были: "Смелее, не дрогните, *мои братья*, и вы еще победите". Все это время они почти не видели и не слышали, настолько ослепли и оглохли от грома и огня.

В разгар этого смятения испанцы внезапно прорвались сквозь мрак, как раз когда они вышли из леса и ступили на твердую землю, и отбросили их назад яростным натиском, многие из них были убиты и ранены. Затем они снова попытались пробиться через другой проход, но безуспешно, и, обнаружив, что испанцы не хотят выходить, а габионы слишком тяжелы, чтобы их можно было разорвать вручную, Лолоннуа прибег к старой уловке, столь успешной при Гастингсе, когда само нетерпение храбрецов оказывается роковым для врага.

По заранее условленному сигналу буканьеры начали отступать, и тогда защитники батареи, воскликнув: "Они летят, они летят; за ними, за ними", - в беспорядке бросились в погоню, крича и стреляя, как недисциплинированный сброд. Оказавшись на расстоянии ружейного выстрела от батарей, преследуемые превратились в преследователей и, набросившись на врага с мечом в руках, зарубили около 200 человек. Пробивая себе путь через тех, кто остался в живых, буканьеры вскоре стали хозяевами всех укреплений. Из 600 защитников в живых осталось не более 100 человек, и этим, как говорит Фальстаф, пришлось хромать до конца города и вымаливать жизнь. Старый храбрый губернатор лежал мертвый среди своих лучших людей.

Оставшиеся в живых, кто мог ползти или бежать, попрятались в лесу, и бежать им мешали те самые препятствия, которые они сами же и воздвигли. Люди на батарее сдались и получили четверть. Ни Лолоннуа, ни Ле Баск не получили ни царапины, но сорок их товарищей погибли, а восемьдесят были тяжело ранены. Большая часть из них умерла от лихорадки и

последующего моря. Было найдено 500 мертвых испанцев, но многие еще спрятались, чтобы спокойно умереть в одиночестве.

Буканьеры, ставшие теперь хозяевами Гибралтара, сорвали испанские флаги с башен и шпилей и водрузили свой собственный красный или черный флаг. Взяв в плен всех встречных, они заперли их под охраной в главной церкви, где возвели батарею из больших пушек на случай, если испанцы в порыве отчаяния попытаются собраться. Затем они собрали мертвые тела испанцев и, сложив их, покрытые шрамами и ранами, в два больших каноэ, отбуксировали их на четверть лиги в море и бросили на дно. Затем они собрали из каждого дома, богатого или бедного, все тарелки, товары и домашние вещи, которые не были слишком горячими или слишком тяжелыми, чтобы унести их с собой, так же хищно, как бордер, который с тоской останавливается напротив стога сена, желая, чтобы у него было только четыре ноги, чтобы он мог "удрать вместе с остальными". Испанцы, как обычно, зарыли свои сокровища, и в окрестные леса были посланы вооруженные отряды для поиска зарытых денег, а также для приведения охотников и плантаторов в качестве пленников для пыток. Их вешали за бороду или прижигали ружейными спичками, а несчастных страдальцев заставляли признаться в тайниках.

Лолоннуа вскоре превратил плодородную страну в дымящуюся черную пустыню и, все еще жаждущий денег и крови, задумал экспедицию через снежные горы в Мериду, но с неохотой отказался от нее, когда увидел, что его люди не желают рисковать добытым ради простой неопределенности получить больше, хотя Мерида находилась всего в сорока лигах. Теперь у них было 150 пленных, 500 рабов, множество женщин и детей, многие из которых ежедневно умирали от голода - так не хватало провизии в городе, в котором маленькая армия стояла лагерем всего восемнадцать дней.

Проведя в городе шесть недель, Лолоннуа решил вернуться, так как грабить уже было нечего. Болезнь и голод были худшими врагами, чем испанец или индеец, и не заботились ни о стали, ни о свинце. Из-за множества трупов, оставленных в лесу на растерзание диким зверям и птицам, появилась эпидемия. Те, что лежали ближе всего к стенам, были присыпаны землей, остальные оставлены, чтобы осквернять воздух и убивать живых - началась гнилостная лихорадка; испанцы убили больше врагов после их смерти, чем за всю свою жизнь. Раны французов, уже затянувшиеся, начали открываться вновь, больные умирали каждый день, а самые сильные чахли и болели; все жаждали вернуться, даже грабеж становился им неприятен без здоровья, и, снова оказавшись в море, они надеялись, что скоро поправятся.

Люди, которые наслаждались изобилием двух захваченных городов, не могли без нетерпения вернуться к ограничениям времени скудости. Гибралтар, всегда зависевший от Маракайбо в плане мяса и не имевший достаточного количества муки, был, по сути, похож на скупца, умирающего от нехватки буханки, в то время как его склады были полны золота. Небольшое количество мяса и муки было быстро съедено буканьерами, которые оставили своих пленников добывать себе пропитание. Скот они вскоре присвоили себе, отдавая мясо мулов и ослов тем испанцам, чей голод был достаточно силен, чтобы победить отвращение. Нескольким женщинам разрешили питаться лучше, а со многими, ставшими любовницами своих похитителей, хорошо обращались их любовники. Некоторые из них были простыми рабынями, другие - добровольными наложницами, но большая часть была вынуждена из-за бедности и страха бросить своих отцов и мужей.

Отправив четырех пленников в лес, Лолоннуа потребовал выкуп в размере 80 000 кусков восьмерки в течение двух дней, пригрозив беглецам сжечь город дотла, если его желание не

будет выполнено. Испанцы, уже наполовину сломленные, разошлись во мнениях относительно выкупа; более смелые и скупые отказывались платить пиастры, старые, робкие и великодушные предпочитали бедность такой потере. Одни говорили, что выкуп послужит взяткой, чтобы заманить третьего искателя приключений, а другие заявляли, что это единственное средство спасти Мериду. Пока они спорили, прошло два дня, и спорам был положен конец, когда над крышами домов взметнулось пламя. Город уже горел в двух или трех местах, когда жители, пообещав принести выкуп, уговорили буканьеров помочь погасить пламя, но не сразу, пока не были сожжены главные дома и разрушен главный монастырь.

Лолоннуа поджег четыре угла города и за шесть часов превратил все в пепел. Стены из пальмового дерева и кедра горят быстро, а морской бриз раздувал пламя, в то время как буканьеры учились искусству разрушения. Затем Лолоннуа собрал своих людей под барабанный бой и погрузил добычу на корабль. Перед отплытием он снова отправил двух пленников в лес, чтобы сообщить жителям, что все пленники, попавшие в его руки, будут немедленно преданы смерти, если за них не будет заплачен выкуп. Всех пленников, не заплативших выкуп, он забрал с собой, даже рабов, которые оценивались в такую сумму, и, поместив на борт все движимые богатства и большую сумму денег в качестве выкупа за недвижимое имущество, флот буканьеров вернулся в Маракайбо. Город, теперь уже частично заново заселенный, снова погрузился в беспорядок, который не намного уменьшился, когда три или четыре пленника пришли к губернатору с требованием от Лолоннуа немедленно заплатить 30 000 кусков восьмерки на его палубе или ожидать второго разграбления и участи Гибралтара. Пока эти условия уступались, и испанские купцы препирались с матросами, как фермер из низины мог бы препираться с горным *катраном*, партия хорошо настроенных флибустьеров, не желая терять времени, гребла к берегу и сняла с большой церкви картины, изображения, резьбу, часы и колокола, вплоть до самого креста на шпиле, благочестиво желая возвести часовню на Тортуге, где очень нуждались в духовном обучении. Наконец испанцы согласились заплатить за их выкуп и свободу 20 000 пиастров, 10 000 штук восьмерки и 500 коров при условии, что флот не причинит им никакого вреда, и сразу же отплыли, а вместе с ними и благословение Маракайбо.

Мы можем представить себе, с каким трепетом и подавляемой радостью жители Маракайбо смотрели, как флот медленно отплывает от их гавани, все взгляды на борту устремлены к горизонту и золотому будущему, и никто ни на минуту не оглядывается назад, сожалея об оставленных позади несчастьях и черных руинах. Сколько сирот, должно быть, проклинали их, когда они отплывали, и сколько вдов! Через три дня после отплытия, к ужасу всего города, в гавань снова вошло судно с красным флагом на мачте, но, как вскоре выяснилось, только для того, чтобы потребовать лоцмана для переправы флота через бар.

По пути на Испаньолу Лолоннуа зашел на остров Вакка, намереваясь остаться там и разделить добычу. Этот остров был населен французскими буканьерами, которые продавали мясо убитых ими животных судам, нуждавшимся в провизии. Но из-за возникшего здесь спора флот снова отправился в путь, чтобы распустить команду у Гуавеса на Испаньоле.

Они прибыли через два месяца и, разгрузив весь "каргазон богатств", приступили к разделу своих призов и нажитого имущества. Лолоннуа и другие капитаны начали с торжественной публичной клятвы, что они не утаили и не удержали ни одной части трофеев, а все без остатка бросили в общественный фонд. Церемония принесения этой клятвы, должно быть, представляла собой впечатляющее зрелище: Дикие группы полураздетых матросов, раненых мужчин и пленных женщин, негров и индейцев, испанских солдат и рыбаков-мулатов, а в центре - тюки шелка, груды сверкающих монет и богатых вещей, разбросанное оружие и

дорогие драгоценности, а за ними, возможно с тоской, опираясь на мушкеты, несколько охотников из саванны, на их ногах сандалии из бычьей кожи, а на поясах висят длинные ножи. После того как капитаны принесли клятву, простые *мателоты*, вплоть до кают-компаний, поклялись, что отдали всю свою добычу, чтобы ее поровну разделили те, кто в равной степени рисковал жизнью ради ее получения.

После точного подсчета выяснилось, что общая стоимость драгоценностей и денег составила 260 000 крон, не считая церковной утвари на 100 000 крон и груза табака. При окончательном дележе каждый получил деньги, шелк и белье на сумму около 100 штук из восьми. Хирургу и раненым, как обычно, заплатили в первую очередь. Затем рабов продали с аукциона, а деньги, вырученные за них, разделили между различными экипажами. Неотшлифованные пластины взвешивались и продавались по курсу десять восьмерок за фунт; драгоценности продавались по фальшивым и причудливым ценам и, как правило, были недооценены из-за невежества арбитров. Буканьеры всегда предпочитали монеты драгоценностям, а драгоценности, как портативные, - тяжелым товарам, которые они часто выбрасывали за борт или бездумно уничтожали. Затем все искатели приключений приносили клятву во второй раз и приступали к распределению долей тех, кто пал, передавая их *мателотам*, или помощникам, для передачи их наследникам или ближайшим родственникам. Мы не знаем, становился ли в особых случаях *мателот* наследником своего *камарада*.

Получив дивиденды, они вернулись на Тортугу под всеобщее ликование всех, над кем хоть немного властвовала любовь или корысть. "В течение трех недель, пока хватало их денег, - рассказывает СЕхmelin, вероятно, очевидец этой сцены, - не было ничего, кроме танцев, пиров и признаний в неизменной дружбе". *Кабаре* и игорные дома вскоре отомстили за жестокость Маракайбо. Гордые похитители этого незадачливого города уже через несколько недель были голодными нищими, грелись на набережной Тортуги, напрягая глаза, чтобы увидеть какое-нибудь судно, которое могло бы взять их на борт и избавить от этой реакции убогости. Над ними, как над безумными транжирами, потешались те самые люди, которые подталкивали их к безрассудству. Любовь куртизанок становилась все холоднее по мере того, как уменьшалось количество восьмерок, и мужчины получали отказ в благотворительности от тех самых несчастных, которых недавно обогатила их глупая щедрость. Несомненно, часы жарили, а банковские векселя ели в качестве бутербродов, как во время войны в Портсмуте или Дувре. Благоразумными были те, кто заставлял деньги крутиться на день дольше, чем их товарищи, а самыми дикими - те, кто обнаружил, что две игральные кости и два скрипача проматывают обременительные деньги чуть быстрее, чем одна игральная коробка и один скрипач.

Некоторые из буканьеров, искусно играя в карты, пополняли свои запасы и сразу же возвращались во Францию, решив стать купцами и торговать с растраченными ими Индиями. Необычайно высокие цены, которые эти люди платили за вино и особенно бренди, делали эту торговлю источником большой прибыли. Незадолго до возвращения флота на Тортугу прибыли два французских судна, груженные спиртными напитками, которые сначала продавались по весьма умеренным ценам, но в конце концов из-за большого спроса и ограниченных возможностей поставок достигли непомерных цен: галлон продавался за четыре штуки восьмьсот.

Трактирщики и *веселые девушки* получали большую часть столь дорого заработанных денег и тратили их так же, как и те, у кого они их выиграли. Карты и кости помогали тем, кто не успел нанести удар испанцу, теперь спокойно разорять похитителей. История Сампсона и Далилы разыгрывалась ежедневно. Даже губернатор поспешил извлечь выгоду из экспедиции. Он

купил у буканьеров груз какао и сразу же отправил его во Францию на судне Лолоннуа, отдав едва ли двадцатую часть его стоимости и получив прибыль в 120 000 фунтов стерлингов. Авантюристы не обиделись на него за эту сделку, ведь он рисковал всем ради Тортуги и понес немалые потери. "Месье д'Ожерон, - с некоторой *наивностью* говорит СЕхmelin, - стремился к "почтенным людям", обязывал их без промедления и не позволял им ни за что овладеть собой".

Ни талант, ни звание, ни храбрость Лолоннуа не позволяли ему быть дальше от дверей таверны, чем самый захудалый из его команды. Бедный негр, служивший матросам прикладом, не мог поддаться низменному разврату. Лишь голос пушки пробуждал его к великим деяниям. На суше он был Калибаном, на море - Барбароссой. Несмотря на огромную добычу, за несколько недель он стал беднее своей команды. Тортуга стала для него островом Цирцеи, превратившей его в зверя. Как только его нога ступила на доску, он снова стал хитрым и мудрым Улиссом: первым в смелости и страданиях, готовым терпеть или нападать, превосходящим своих товарищей в терпении и нетерпении. Расходы его были велики, и когда призовые перестали поступать, он вскоре вынужден был жить на свой капитал, который быстро растрачивался на пиршества в открытом доме и развлечения, устраиваемые для губернатора. Кроме того, до своего возвращения он был так обременен долгами, что даже призовые деньги не могли их покрыть. Оставалось одно средство освобождения - очередная экспедиция. Пусть испанская мать крепче прижмет к груди свое дитя, ведь она не знает, как скоро ей придется расстаться с ним навсегда. Неужели нет кометы, которая могла бы предупредить неподготовленный и обреченный народ?

Лолоннуа приобрел на Тортуге большую известность. Его знали как храбреца и, что является редким сочетанием, как благоразумного человека. Под его руководством люди, забывшие его прежние несчастья, считали себя обеспеченными золотом, а без славы золото не добыть. Теперь он не нуждался в уговорах, чтобы побудить людей заполнить его корабли; трудность заключалась в отборе добровольцев. Те, кто раньше оставался в стороне, теперь решились на авантюру; тех же, кто когда-то следовал за ним, уже побуждала записаться в армию простая бедность. Лишения на суше были невыносимы для людей, которые только что наслаждались богатством, а лишения на море можно было терпеть силу привычки. Плантадоры бросали свои мотыги и уходили из хижин в хижину.

Города Никарагуа теперь должны были разделить судьбу городов Венесуэлы. Экспедиция насчитывала около 700 человек и шесть кораблей. Сам Лолоннуа отплыл на большой "флейте", которую он привез из Маракайбо с 300 людьми; остальные искатели приключений сели на пять небольших судов. Погрузившись и сделав ревизию в Байяле на Испаньоле, он взял курс на Матаману, порт на южной стороне Кубы. Здесь он рассказал своим спутникам о плане экспедиции и представил индейца из Никарагуа, который предложил себя в качестве проводника. Он заверил их в богатстве страны и выразил уверенность, что им удастся застать это место врасплох, прежде чем его жители спрячут свои деньги. Его предложение было встречено обычными бурными аплодисментами.

В Матамане Лолоннуа силой собрал все каноэ рыбаков-черепах, к их огорчению и ужасу: у этих бедняков не было других средств к существованию, кроме рыбалки. Эти лодки понадобились ему, чтобы пройти по каналу Никарагуа, который был слишком мелок для судов с большим грузом. При попытке обогнуть мыс Грасиас а Диос флот был задержан тем, что испанские моряки называют "яростным штилем" - печальным и томительным заключением для людей, для которых каждое промедление означало успех их предприятия.

Несмотря на все усилия, их отнесло течением в Гондурасский залив. Ветер и прилив были против них, и меньшие суда - лучшие мореходы и более управляемые, чем судно Лолоннуа, - пробивались быстрее, чем он мог сделать; но они были вынуждены ждать его и оставаться в ожидании его приказов, будучи совершенно бессильными без него и его 300 человек.

Почти месяц они пытались восстановить свой путь, но все было напрасно: за два часа они потеряли то, что приобрели за два дня, и, когда их провизия закончилась, они сошли на берег, чтобы восстановить силы.

Остановившись на первой попавшейся земле, они направили свои каноэ вверх по реке Ксагуа - их проводники привели их в деревни "длинноухих индейцев", расы, примыкающей к Испании, чьи торговцы обменивали у них ножи и зеркала на какао. Буканьеры сожгли их хижины, унесли просо, свиней и домашнюю птицу, нагрузив каноэ всем, что смогли увезти своим нетерпеливым товарищам, которые решили остаться здесь, пока не пройдет неблагоприятная погода, и жечь и грабить по всем границам залива. Провизии индейцев оказалось мало для столь многочисленного отряда, но она была поровну распределена между кораблями, которые, как саранча, искали пищу и ежедневно перебирались на новые пастбища.

Для обсуждения их позиции был созван военный совет. Некоторые выступали за прекращение экспедиции, поскольку провизии не хватало. Самые старые и опытные предложили пограбить вокруг залива, пока не пройдет плохой сезон, и этот план был принят. Ограбив несколько деревень, они пришли в Пуэрто-Кавальо, место, где часто бросали якорь испанские корабли, и где находились два склада, полные кохини, индиго, шкур и т. д. из Гуатималы. В то время в порту стояло испанское судно с двадцатью четырьмя пушками и шестнадцатью патарерами. Однако почти весь его груз был разгружен и перевезен во внутренние районы страны для обмена с индейцами. Этот корабль был немедленно захвачен, и Лолоннуа, высадившись без сопротивления, сжег склады и все дома, а также взял много пленных. Испанцев он подвергал пыткам, чтобы заставить их признаться. Если кто-то отказывался отвечать, он вырывал им языки или разрубал их на куски своей вешалкой, "желая, - говорит Эсквемелинг, - сделать это с каждым испанцем в мире". Многие, напуганные дыбой, обещали признаться, хотя на самом деле им нечего было рассказывать. Этих людей всегда жестоко убивали в отместку. Одного мулата связали по рукам и ногам и живым бросили в море, чтобы запугать остальных и побудить двух оставшихся в живых показать французскому вождю ближайшую дорогу к соседнему городу Сан-Педро.

Для этой экспедиции Лолоннуа отобрал 300 человек, оставив своего лейтенанта, Мозеса Воклена, управлять в его отсутствие, и отправив несколько человек из своей небольшой флотилии, чтобы помочь ему, отвлекая внимание на побережье. Перед отплытием он сказал своим спутникам, что никогда не откажется идти во главе их, но убьет своей рукой "первого, кто повернет хвост". До Сан-Педро было всего десять лиг. Он не прошел и трех, как попал в засаду.

Излюбленной схемой нападения испанцев был вероломный сюрприз - просто попытка массового убийства, редко удававшаяся и всегда возбуждавшая врага к еще большим жестокостям. Сейчас они закрепились за габионами на узкой дороге, непроходимой с обеих сторон из-за деревьев и сильных зарослей. Лолоннуа, мгновенно расправившись с

проводниками, неважно, невиновными или виновными, с отчаянной храбростью бросился на врага и обратил его в бегство после долгой схватки, закончившейся полным разгромом. Они убили несколько буханьеров и оставили на земле множество своих людей мертвыми. Раненых испанцев, которых сначала расспрашивали о расстоянии до Сан-Педро и о том, как туда лучше добраться, тут же обезглавливали. Пленные сообщили ему, что несколько беглых рабов, сбежавших из Порто-Кавальо, рассказали им о намерении напасть на Сан-Педро. Решив помешать этому, они спланировали засаду и еще два более мощных земляных укрепления, которые ожидали его дальше. Чтобы предотвратить попустительство или возможное предательство, Лолоннуа привел к нему испанцев одного за другим и потребовал от каждого по очереди, нет ли у них возможности пробраться по другой, менее охраняемой дороге. Когда каждый из них отрицал, что есть, он пришел в ярость и почти обезумел от мысли о такой неизбежной опасности и приказал убить всех, кроме двоих; затем, в неуправляемой страсти, он распорол своей секирой грудь одному из этих оставшихся в живых, который был привязан к дереву. Эсквемелинг утверждает, что он даже вырвал его сердце и грыз его "как хищный волк", клянясь и крича, что будет служить им всем одинаково, если они не укажут ему другой путь. Жалкий выживший, готовый спасти свою жизнь любым риском, его память или выдумка, обостренные надвигающейся опасностью, направили его на другой путь, но настолько плохой, что Лолоннуа предпочел вернуться на старый, несмотря на все опасности, настолько трудным, медленным и кропотливым был поход. Теперь он, кажется, почти обезумел от ярости, тревоги и досады. "Mon Dieu, - прорычал он, - les Espagnols me le payeront", и проклинал задержку, которая отдаляла его от врага.

Несомненно, в этих людях зародилась фанатичная и почти суеверная ненависть к врагу, подогреваемая взаимными жестокостями, ведь прощение не было главной добродетелью победившего испанца. Для буханьера испанец казался жестоким, трусливым, вероломным и униженным; для испанца буханьер - чудовищем, едва ли похожим на человека, - кровавым, сладострастным, неверным и хищным.

Вечером того же дня вождь попал во вторую засаду, которую, по словам Эсквемелинга, "он атаковал с такой ужасной яростью", что менее чем через час разгромил испанцев и перебил большую их часть, а остальные бежали к третьей засаде, которая была устроена примерно в двух лигах от города. Испанцы думали, повторяя атаки, уничтожить врага по частям, и ради этой цели, которой они не достигли, разбили свои силы на мелкие и бесполезные отряды.

Лолоннуа и его люди, утомленные боем и походом, полумертвые от голода и жажды, легли в лесу в эту ночь и проспали до утра, причем *мателоты* несли дозор и охраняли своих спящих товарищей. На рассвете они продолжили свой путь, с уверенностью, которую придавал им ясный свет, и с телом, бодрым от отдыха. Третья засада оказалась сильнее и выгоднее двух предыдущих. Они атаковали ее огненными шарами и вытеснили врага, убивая без пощады и не давая ему покоя. "Без четверти, без четверти", - кричал их свирепый предводитель, все еще жаждущий человеческой крови, когда они уже не могли опустить руки, скорее от усталости, чем от жалости. "Чем больше мы убьем здесь, тем меньше встретим в городе", - таков был его боевой клич. Лишь немногие из врагов спаслись в Сан-Педро, большая часть была либо убита, либо ранена.

Прежде чем решиться на последнюю атаку, буханьеры отдохнули, чтобы осмотреть свое оружие и подготовить боеприпасы. Тщетно они пытались обнаружить второй подход. Был только один, и тот был хорошо забаррикадирован и засажен по всему периметру колючим кустарником, через который не мог пройти ни самый обутый путник, ни тем более босоногий,

одетый только в рубаху и кальсоны. Эти колючки, по словам Иксмелина, были опаснее тех вороньих лап, которыми в Европе досаждают кавалерии.

Лолоннуа, видя, что другого пути не остается и что промедление вызовет страх у его людей и надежду у врага, решил штурмовать укрепления, несмотря на ярость и отчаяние хорошо вооруженных и превосходящих сил, укрытых от выстрелов и контролирующих его приближение. "Испанцы, - говорит Эскемелинг, - расположившиеся за упомянутыми оборонительными сооружениями, увидев, что пираты приближаются, начали обстреливать их из своих больших пушек; но те, видя, что они готовы стрелять, пригнулись, и тогда выстрел обрушился на обороняющихся с огненными шарами и обнаженными мечами, убив многих из города". Отброшенные на некоторое время назад, они возобновили атаку с меньшим числом людей; они берегли свою дробь, так как у них теперь не хватало пороха; никогда не стреляли с большого расстояния; и редко стреляли, но с большой осторожностью, когда голова врага появлялась над валом; и иногда давали общий залп, в котором почти каждая пуля убивала врага. Несколько раз буканьеры подходили к самым устьям орудий и, бросая в них огненные шары, прыгали за ними с мечом в руках через амбразуры, но их снова отгоняли назад.

Этот упорный бой, столь яростный с обеих сторон, продолжался около четырех часов, и уже наступала ночь, когда Лолоннуа, приказав сделать последнюю яростную атаку, обратил ослабевших испанцев в бегство, причем многие из них были убиты сразу же, как только повернулись спиной. Тогда горожане вывесили белый флаг и, придя к согласию, согласились сдать город при условии получения двухчасовой передышки. За это время Лолоннуа обнаружил, что потерял около тридцати человек, еще десять были ранены. За эти два часа горожане успели нагрузиться богатствами и подготовиться к бегству, а буканьеры добродетельно воздерживались от преследований до истечения положенного времени, а затем преследовали беглецов и грабили их до последнего *мараведи*. Но ни их самоотверженность, ни их бдительность не были вознаграждены, так как судьба не дала им ничего, кроме нескольких кожаных мешков, полных индиго, а все остальное, даже за это короткое время, было закопано или уничтожено - разочарование, о котором, как мы думаем, не может сожалеть ни один разумный человек. Лолоннуа приказал не только конфисковать все товары, но и взять в плен каждого беглеца.

Вождь буканьеров, пробыв несколько дней в Сан-Педро и "совершив самые ужасные оскорбления", хотел послать за новым подкреплением и напасть на город Гуатимала, расположенный на большом расстоянии и обороняемый 400 человек. Поскольку его люди, как обычно, отказались подчиниться, казалось бы, необдуманному проекту, Лолоннуа довольствовался тем, что разграбил Сан-Педро, намереваясь напомнить благодарным жителям о своем визите, спалив их город. Большой добычи он не получил, поскольку жители были бедняками и торговали лишь красителями. Если бы он решил унести их запасы индиго, то мог бы выручить более 40 000 крон; но буканьеры не заботились ни о чем, кроме монет и слитков, и были слишком невежественны, слишком ленивы и слишком импровизированы, чтобы прекратить свои распутства, нагрузив свои суда скоропортящимся грузом неопределенной ценности.

Пробыв в Сан-Педро восемнадцать дней и ничего не добившись, так как вест-индский испанец уже научился прятаться не хуже индуса, Лолоннуа созвал своих пленников и потребовал от них выкуп как условие избавления от города. Они упорно, с наглостью отчаяния, отвечали, что он забрал у них все, что у них было, и что им больше нечего дать; что без золота они не могут отчеканить монету, и что, раз уж они ушли, он может делать с городом все, что ему заблагорассудится.

Тогда Лолоннуа сровнял город с землей и, отправившись на берег моря, чтобы присоединиться к своим товарищам, обнаружил, что они беззаботно и с пользой проводили время, захватывая рыбацкие лодки Гуатималы. Несколько индейцев, недавно захваченных в плен, сообщили ему, что в большой реке Гуатимала лежит судно *"Часка"* водоизмещением 800 тонн, везущее товары из Испании в Гондурас. Решив зайти на острова по другую сторону залива, они оставили два каноэ в устье реки, чтобы дать знать, когда судно выйдет на берег.

Время, потраченное на наблюдение из укрытия, они посвятили ловле черепах, разделившись на партии, каждая из которых имела свой пост, чтобы предотвратить споры. Сети они делали из коры дерева макоа; натуральную смолу или битум для своих лодок они находили в кучах на берегу. Образование этой смолы, или "воска", как называет ее Эсквемелинг, моряки приписывали диким пчелам; дуплистые деревья, в которых они строили, срывало штормами и сносило в море. Остальное время, которое, кажется, никогда не было утомительным, если только последующий мятеж не указывает на это, поскольку эти люди обладали упорством гонимых в погоне за кровью, они проводили в плаваниях среди тех индейцев побережья Юкатана, которые ищут янтарь на берегу. Эти племена были добровольными крепостными Испании, служившими ей без сопротивления на протяжении целого столетия. Испанцы, как они считали, обратили весь народ в христианство, посылая к ним священника раз в неделю, но, когда те внезапно вернулись к идолопоклонству, начали преследовать их, разгневанные собственной неудачей.

По рассказам буканьеров, эти индейские вожди поклонялись каждому своему духу, которому они приносили огненные жертвы, сжигая фимиам из сладко пахнущей эвкалипта. У них был необычный обычай приносить новорожденных детей в свои храмы и оставлять их на ночь в яме, наполненной древесной стружкой, как правило, на открытом месте, неухоженном, куда могли проникнуть дикие звери. Оставив здесь ребенка, они утром находили на пепелище отпечатки лап какого-нибудь дикого зверя. Этому животному, кем бы оно ни было - ягуаром, змеей или кайманом, - они посвящали ребенка, чьим богом-покровителем он становился. Этому животному ребенок молился о мести своим врагам и приносил ему жертвы.

Их браки сопровождалась очень красивой и простой церемонией. Молодой человек, убедив отца своей невесты в том, что он годится для управления плантацией, получал в подарок лук и стрелы. Затем он посещает девушку и надевает ей на голову венок из зеленых листьев и душистых цветов, снимая корону, которую обычно носят девственницы. Затем созывается собрание ее родственников, пьется маисовый сок, а на следующий день после свадьбы гирлянда невесты с плачем и причитаниями разрывается на куски.

На этих островах буканьеры нашли каноэ индейцев Арегуэс, которые, должно быть, прошли 600 лиг. Они занимались ловлей черепах и янтаря около трех месяцев, когда пришло радостное известие, что вражеское судно отважилось выйти. Все руки были заняты подготовкой кораблей. Однако в конце концов было решено дожидаться его возвращения, когда, как они ожидали, на нем окажутся не только товары, но и деньги. Поэтому они отправили свои каноэ наблюдать за ее передвижениями, и, узнав о засаде, испанцы вернулись в порт. Лолоннуа, утомленный промедлением, как борзая досадует на повторяющееся удвоение зайца, решил поступить так же, как Магомет, когда гора не шла к нему; поскольку испанцы не шли к нему, он сам отправился к испанцам. Судно, проинформированное об их приближении шпионами, индейцами или рыбаками, было подготовлено к его приему. Палубы были очищены, абордажные сетки подняты, а пушки дважды выстрелили. На испанце было пятьдесят шесть пушек, а команда была хорошо

снабжена ручными гранатами, факелами, фитилями и зажигательными шарами, особенно на квартердеке и носу; около 130 человек стояли в каютах вооруженные и под угрозой. Но Лолоннуа все это было безразлично, и богатый груз сиял в его глазах сквозь прозрачные борта корабля. На своем маленьком суденышке с двадцатью двумя пушками, с единственным союзником - летающей лодкой, он смело атаковал врага, но поначалу был отбит.

Для буканьера легкая заминка была почти предвестником победы; дождавшись, пока около шестидесяти испанских матросов падут от огня его смертоносного мушкетона, когда их мужество ослабеет, а дым от пороха темным туманом окутает фальшборты, скрывая его движения, он высадился на берег с четырьмя каноэ, хорошо укомплектованными. Несмотря на храбрую оборону, буканьеры сражались с такой яростью, что вынудили испанцев сдаться.

Затем Лолоннуа отправил свои лодки вверх по реке, чтобы захватить небольшой патаче, который, как они знали, лежал неподалеку, груженный пластинами, индиго и кохинеей. Но жители, встревоженные захватом более крупного судна, уплывающего у них из-под носа, спасли паташе, предотвратив его отплытие.

Призовая добыча оказалась гораздо меньше, чем ожидалось: судно уже было почти полностью разгружено. Его груз состоял из железа и бумаги, и на нем еще оставалось 20 000 рулонов бумаги и 100 тонн железных прутьев, которые служили балластом. Несколько тюков с товарами представляли собой лишь постельное белье, саржи и ткани, нитки и несколько кувшинов вина. В обратном грузе должно было быть не менее миллиона в монетах. Эти разнородные предметы были бесполезны для людей, которым нужны были только монеты или драгоценности, свинец или порох. Разделив бумагу, они использовали ее для салфеток и других бесполезных мелочей, а несколько кувшинов миндального и оливкового масла были потрачены впустую таким же безрассудным образом.

Достигнув своей цели и не получив особой отдачи за свое трехмесячное терпение, Лолоннуа созвал общий совет флота и объявил о своем намерении отправиться в Гуатималу. После этого заявления в собрании возникли разногласия, и вокруг оратора послышался хриплый ропот приближающейся бури. Многие из авантюристов, новичков в этом деле, уже не могли скрыть своей усталости и разочарования. Они отплыли с Тортуги с чувством, с каким деревенский парень приезжает в Лондон. Они верили, что восьмерки растут на деревьях, как груши, и не замечали драконов, охраняющих гесперийские деревья. Видя, как их предшественники возвращаются домой с добычей из Маракайбо, многие из них не замечали, каким трудом и опасностями она была завоевана, и не видели радости и расточительности, с которыми она была добыта; они видели только богатые жемчужины и забывали о бурных морях, в которых они были собраны. Они устали от трудностей и взбунтовались из-за нехватки еды. Простому искателю золота было не под силу вынести то, что выпадало на долю тех, кто хотел заслужить признание. Старшие смеялись над их жалобами, издевались над ними и клялись, что лучше умрут и будут голодать здесь, чем вернуться домой с пустыми кошельками, чтобы стать предметом презрения и посмешищем всей Испаньолы. Большинство опытных людей, предвидя, что плавание в Никарагуа не увенчается успехом и "мало что даст", отделились от Лолоннуа и тайно отплыли на быстроходном паруснике, который Мозес Воклен захватил в порту Кавальо и которым теперь командовал, не без основания хвастаясь, что это самое быстрое парусное судно, которое видели в Вест-Индии за последние пятьдесят лет. Вместе с Мозесом Вокленом отправился Пьер ле Пикар, который, видя, как другие покидают Лолоннуа, решил поступить так же.

Направляясь на родину, беглецы обогнули весь континент, пока не пришли в Коста-Рику, где высадили хорошую партию, дошли до Верагуаса и сожгли город, разграбив испанцев, которые оказали упорное сопротивление, уведя несколько пленных и получив скудную добычу - около семи или восьми фунтов золота, которое их рабы вымыли из грязи рек. Встревоженные множеством испанцев, которые начали собираться вокруг них, мародеры отказались от намерения напасть на город Ната на южном побережье, хотя там жило много богатых купцов, чьи рабы работали на золотопромышленных заводах Верагуаса. Вернувшись на Тортугу, эти недисциплинированные люди, не терпящие нищеты, объединились под флагом знатного авантюриста, шевалье 1600 дю Плесси, который только что прибыл в Индию, бедный и гордый, и готовился крейсировать против испанцев в этих морях. Воклен, будучи опытным лоцманом, хорошо знавшим черепашьи острова, все ключи и рифы, омываемые прибоем от Калифорнии до мыса Горн, пришелся по душе титулованному каперу, который пообещал ему первый захваченный приз, если тот будет плавать в его компании. Но при выполнении этого либерального обещания возникли серьезные трудности: вскоре шевалье был прострелен в голову во время схватки с испанским кораблем из тридцати шести пушек, и вместо него капитаном был избран Мозес. В первом же плавании отважному дезертиру посчастливилось захватить судно с какао из Гаванны с грузом стоимостью в 150 000 ливров.

Все это время Лолоннуа и его люди оставались в Гондурасском заливе в одиночестве и безлюдье. Теперь он находился в бедственном положении, у него не хватало провизии, а судно было слишком "большим, чтобы выйти из него во время разлива этих морей". У его 300 человек не было никакой еды, кроме той, которую они ежедневно умудрялись убивать на берегу, живя в основном плотью попугаев и обезьян. Днем они обычно рыбачили или охотились, а ночью, пользуясь попутным ветром, мучительно плыли вперед, пока не обогнули мыс Грасиос а Диос, и постепенно в поле зрения не появились Жемчужные острова. Стойкий и неумолимый Лолоннуа, несмотря на всю томительность этого изнуряющего безделья, все еще вынашивал идею совершить набег на Никарагуа, намереваясь оставить свое громоздкое судно позади и грести вверх по реке Сент-Джон на каноэ, пока не достигнет озера. Но та же причина, что заставила его судно отстать от своих товарищей, теперь вытолкнула его на берег на мелководье у мыса Грасиас, где оно набрало слишком много воды, чтобы его можно было вытащить. Напрасно он разгружал свои пушки и железо и использовал все средства, которые могли предложить опыт и изобретательность, чтобы облегчить корабль и снова вывести его на глубокую воду. Всегда твердый и решительный, Лолоннуа сразу же решил разбить судно на куски на песчаной отмели, а из досок и гвоздей построить лодку.

Его люди, с совершенным *хладнокровием*, не испытывая ни нетерпения от потери, ни страха перед опасностью, выбравшись на сушу, принялись строить индейские *ажулы*, или хижины. Лолоннуа, привыкший к подобным неудачам, скрыл свою досаду, если вообще ее чувствовал. Не обращая внимания на себя, он призвал своих людей не терять мужества, ведь он знал, как спастись и, более того, как сделать свое состояние, прежде чем они вернутся на Тортугу. Готовясь к любой чрезвычайной ситуации и даже к самой долгой задержке, часть команды сразу же занялась посадкой гороха и других овощей, остальные - рыбалкой и охотой, все, кроме тех немногих, кто трудился на судне, на котором предстояло посетить Никарагуа. Несмотря на дезертирство, неудачи, кораблекрушения и голод, Лолоннуа придерживался плана экспедиции, от которого считал трусливым и позорным отказаться. Люди, уверенные в проницательности и смелости своего предводителя, как дети, отдали себя под его руководство.

Индейцы островов Перлас, к которым они пристали, были свирепой и неукротимой расой, сильные и ловкие, быстрые, как лошади, выносливые ныряльщики, храбрые, но жестокие, воинственные и людоеды. Их деревянные дубины были зазубрены зубами крокодилов; у них не было ни луков, ни стрел, но они пользовались копьями длиной в полторы сажени. Они не строили хижин и жили фруктами, выращенными на плантациях, вырубленных в лесу. Рыбаки и пловцы, они были настолько ловки, что могли поднять на веревке со скалы якорь весом в 600 фунтов, и Эсквемелинг сам видел, как несколько из них совершили этот подвиг. Моряки тщетно пытались умиловить этих диких вольных людей, чтобы те послужили им проводниками или охотниками. Наконец, обнаружив большое количество людей вместе и преследуя беглецов, они настигли пятерых мужчин и четырех женщин в пещере и постарались умиловить их. Пленников, упорно молчавших, как будто от страха, несмотря на еду, которую им давали, отпустили, подарив ножи и бусы. Они ушли, пообещав вернуться, "но вскоре забыли своих *благодетелей*", - с отвращением говорит Эсквемелинг. Моряки полагали, что ночью все индейцы уплыли на соседний остров, так как больше они не видели ни лодки, ни индейцев.

За некоторое время до этого ужас французов был вызван открытием, что эти индейцы - каннибалы. Два буканьера, француз и испанец, забрели в лес в поисках дичи. Преследуемые отрядом дикарей, последний после отчаянной борьбы был схвачен, и больше о нем ничего не было слышно; первый, более быстроногий из них, сбежал. Через несколько дней после этого вооруженный отряд из дюжины флибустьеров, возглавляемый этим выжившим, отправился в ту же часть леса, чтобы посмотреть, не найдут ли они следов индейского лагеря. Недалеко от того места, где испанец попал в засаду, они обнаружили пепел еще теплого костра, а среди углей - несколько человеческих костей, хорошо обглоданных, и руку белого человека с двумя пальцами, наполовину поджаренными, но так и не съеденными.

В течение шести месяцев, пока не было завершено строительство баркаса, буканьеры жили на испанской пшенице, бананах, фруктах и зелени, которые они посеяли при высадке. Хлеб они пекли в портативных печах, спасенных с затонувшего корабля.

Теперь Лолоннуа вновь собрался осуществить свой заброшенный проект. С частью своей команды он решил отправиться вверх по реке Никарагуа, захватить несколько каноэ и вернуться, чтобы забрать тех, кого новая лодка не выдержит. Люди бросили жребий, кому плыть с ним. Он взял с собой примерно половину потерпевшей кораблекрушение команды, часть в баркасе, а часть в яlike, который удалось спасти, когда более крупное судно выбросило на берег. Через несколько дней они прибыли в Десагуадеру, недалеко от Никарагуа, но, атакованные на берегу превосходящим числом испанцев и индейцев, они были загнаны обратно в свои лодки, потеряв много людей, и с трудом спаслись, избитые и подавленные.

Лолоннуа, теперь уже вполне успокоенный судьбой, все же решил не возвращаться на Тортугу оборванным и без гроша в кармане и не присоединяться к своим товарищам, пока не раздобудет достаточное количество каноэ для посадки своих компаньонов. Чтобы лучше добыть провизию, он разделил своих людей на две группы. Одна группа отправилась к мысу Грасиас а Диос, где их хорошо приняли; другая поплыла в Бока-дель-Торо, на побережье Картахены, где искатели приключений часто отправлялись за черепахами и прочим провиантом, намереваясь сесть на первое попавшееся дружественное судно.

Никарагуа все еще было суждено остаться неврежденной. "Всемогущий Бог, - пишет Эскемелинг с некоторой горечью и, вероятно, с большим лицемерием, - когда наступило время Его божественного правосудия, назначил индейцев Дарьена быть его орудиями и

палачами". Высадившись в месте, называемом Ла-Пуант-а-Дьег, чтобы набрать пресной воды, Лолоннуа и его люди, уставшие от "волн, ветра и весел", вытащили свои каноэ на сушу и устроили укрепления, зная, что теперь они находятся по соседству с индейцами браво, самой дикой расой, известной на материке - жестокой, как акулы, и такой же многочисленной и жадной до крови, как стервятники. Он сам и еще несколько человек, переплыв реку, у Дарьенского залива высадились на берег, чтобы разграбить город и раздобыть провизию. Здесь современный Улисс нашел конец своим бедам и своей жизни, так как, попав в плен к индейцам, он был убит, разрублен на куски и съеден. Многие из его спутников также были сожжены заживо, и лишь немногие спаслись на Тортуге, чтобы подробным описанием их ужасов на несколько дней умерить любовь к приключениям в умах неугомонных и стремительных искателей приключений.

Эсквемелинг или его английский переводчик, который обычно считает необходимым завершать свои главы ханжеской моралью, сморканием и поднятием глаз, говорит: "Сюда пришел Лолоннуа (его привела злая совесть, взывавшая к наказанию), думая совершить свои жестокости; Но индейцы через несколько дней после его прибытия взяли его в плен, бросив его тело по частям в огонь, а пепел - в воздух (*добродетельное негодование*), чтобы не осталось ни следа, ни памяти о таком позорном, бесчеловечном существе.... Так закончилась история, жизнь и жалкая смерть этого адского негодяя, Лолоннуа, который, полный ужасных, отвратительных и чудовищных деяний и должник стольких невинных кровей, умер от жестоких и мясницких рук, какими были его собственные в течение всей его жизни". В конце своего проклятия гнев Эсквемелинга, к сожалению, берет верх над его грамматикой.

Люди, оставшиеся на острове де лас Перлас, после долгого ожидания своих товарищей, которые, спасаясь от Сциллы, наткнулись на Харибду, были сняты английским авантюристом, который, собрав 500 человек, решил на экспедицию на материк. Поднявшись по реке Мустик у мыса Грасиас, он отправился дальше, рассчитывая найти какой-нибудь вход в озеро Никарагуа, вокруг которого все еще вились люди Лолоннуа. Экспедиция началась с надеждой, ведь потерпевшие кораблекрушение люди радовались тому, что закончились десять месяцев страданий, тревог и лишений.

Результат оказался хуже, чем простое разочарование. За пятнадцать дней они не достигли ни одного испанского города, а только несколько бедных индейских деревень, которые они нашли покинутыми туземцами, которые, узнав об их приближении, бежали, унося с собой все продукты своих плантаций. В ярости они сожгли их и безрассудно двинулись дальше. Они не взяли с собой никакой провизии, рассчитывая, что везде найдут ее в достатке; и, чтобы ухудшить свое положение, взяли с собой все свои 500 человек, кроме пяти или шести, оставленных для охраны каждого судна. "Эти их надежды, - говорит Эсквемелинг, как всегда, с белками глаз, который с большим презрением смотрит на все неудачные попытки воровства, - оказались совершенно напрасными, *как не имеющие под собой оснований*". Через несколько дней надежда на грабеж, которая сначала окрыляла их, сменилась унынием. Скучность быстро сменилась нуждой, и они дошли до такой крайней нужды и голода, что собирали в пищу растения, растущие на берегу реки. Через две недели их мужество и бодрость полностью угасли, сердца опустились, а тела истощились от голода.

Покинув реку, они отправились в лес в поисках индейских деревень, где можно было бы раздобыть пищу. Проблуждав по лесу несколько дней в бесплодных поисках, они вернулись к реке, ставшей теперь их единственным проводником, и двинулись в обратный путь к тому месту побережья, где лежали их корабли. В этом трудоемком путешествии они дошли до крайней степени истощения - съели свою обувь, кожаные пояса, ножны для ножей и мечей.

Наконец они стали настолько прожорливы, что решили убить и съесть первого попавшегося индейца, но не смогли найти ни одного ни для еды, ни в качестве проводника. Некоторые заболели и, теряя сознание на обочине, погибали. Многие были убиты и съедены индейцами, а другие умерли от голода. Наконец они достигли берега и, найдя некоторое утешение и облегчение своим нынешним страданиям, сразу же отплыли, чтобы встретить новые. Пробыв некоторое время на суше, они снова высадились на берег, но из-за ссоры, возникшей между французскими и английскими буканьерами, которые редко долго дружили, они разделились на небольшие партии и отправились в новые экспедиции.

ГЛАВА VI. АЛЕКСАНДР БРАШ-ДЕ-ФЕР И ИСТРЕБИТЕЛЬ МОНТАРС.

Браш-де-Фер сравнивается с Александром Македонским - его приключения и стратагемы - Монтарс - анекдоты из его детства - выход в море - его первый бой - знакомство и присоединение к буканьерам - победа над испанскими пятидесятилетними - убийство его дяди - его месть - негритянское судно - Адам и Анна ле Ру грабят Сантьяго.

Теперь мы переходим к классу буканьеров, живших в неизвестно какой период, хотя они, вероятно, были современниками Иксмелина. Их приключения, хотя и в более узком масштабе, возможно, более интересны, чем те, что происходили впоследствии, и ценны как иллюстрации нравов.

В своей обычной проницательной и живой манере СЕхmelin рассказывает о необычных подвигах Александра Браш-де-Фера, французского авантюриста, с которым он был знаком и который, в отличие от своих современников, никогда не участвовал в больших экспедициях, предпочитая быстроту одного стремительного крейсера, не разделяя с ним риска и не отнимая у него добычу. Его жизнь, кажется, была полна романтических и странных происшествий. Его характер представлял собой странное сочетание храбрости и рыцарства, любви к насилию, и фантастического тщеславия. СЕхmelin наивно утверждает, что этот современный Александр был таким же великим человеком среди авантюристов Тортуги, как древний Александр был среди завоевателей Востока. Он также не видит особой разницы между этими двумя достойными людьми, за исключением того, что македонец был авантюристом более крупного масштаба.

Наш Александр был энергичен телом и красив лицом - так, по крайней мере, утверждает СЕхmelin, который, хирург по профессии, однажды вылечил его от тяжелой раны, которую он получил - лечение, которое, если бы Александр был щедрым (а он не был, по крайней мере, в этом случае), могло бы принести доктору целое состояние.

Браш-де-Фер проявил столько же рассудительности в задумке своих предприятий, сколько и смелости в их осуществлении. Его голова и рука работали слаженно, и ему редко приходилось выходить из опасностей, в которые его заводила собственная неосторожность. Судно, которым он командовал, он называл "*Финикс*", потому что оно имело столь уникальное и своеобразное строение, что о нем говорили, что среди судов оно было тем же, чем финикс, по легенде, был среди птиц.

Александр всегда ходил один, предпочитая собирать флот. Возможно, его гордость или благоразумие привили ему любовь к одиночным плаваниям, ведь *финикс* был хищной птицей. Набранная команда и одно быстроходное судно имели много преимуществ перед мятежной флотилией, а подчиненные капитаны часто были мятежными, если не вероломными. Если одиночество повышало риск, то оно же повышало и вероятность успеха.

Единственный писатель, который упоминает Александра, СЕхmelin, рассказывает только об одном его приключении, , которое он записал, как он говорит, из уст самого героя. Об остальных его подвигах он умалчивает, то ли боясь показаться нудным, то ли опасаясь, что его сочтут простым романтиком.

По случаю, о котором он рассказывает, Александру предстояла важная экспедиция, о которой, однако, поскольку она не увенчалась успехом, рассказчик, с мудрой скромностью, не считает нужным упоминать. Прележав некоторое время в томительном затишье, он молился о перемене погоды, и в ответ на его мольбы разразилась сильная буря, которая вздыбила море в горы - ветер и огонь, казалось, боролись в воздухе за обладание беспомощным кораблем и его бледной командой. Яростный гром заглушал рев моря, и мачты вскоре оказались у борта. Молния, пронзив палубу раскаленными стрелами, подожгла пороховой погреб и взорвала часть судна, в которой он хранился. Половина команды была поднята в воздух и погибла, не долетев до кипящего моря, которое с нетерпением ждало их падения. Оставшаяся часть команды, обнаружив, что судно идет ко дну, пустилась вплавь и вскоре выбралась на сушу: Александр - сильный и мужественный, храбрый, но желающий жить и всегда готовый найти средства для ее сохранения - был далеко не последним, показав пример благоразумия, хладнокровия и решительности. Отряхнув рассол с конечностей и оглядевшись, потерпевшие крушение обнаружили, что их выбросило на сушу, столь же страшную для буканьера, как царство Полифема для мудрого Улисса. Они стояли на острове у Бока-дель-Драго (Пасть Дракона), населенном племенем индейцев, свирепых и жестоких каннибалов. Оставшись на берегу, они некоторое время старались восстановить все, что могли, из обгоревших обломков затонувшего корабля. Среди прочего они спасли то, что было ценнее еды, так как давало возможность сохранить их жизни в настоящем и будущем, - несколько мушкетов своих охотников, достаточных для вооружения всех их, а также некоторое количество пороха и свинца для пуль. Без одного из этих трех предметов два других были бесполезны. Теперь они набрались храбрости от возможности бегства и решили обезопасить себя от индейцев, разведать место, опасаясь неожиданности, и после этого терпеливо стоять лагерем, пока не прибудет какое-нибудь дружественное судно.

Однажды, когда некоторые из группы курили, пели и разговаривали, уже наполовину забыв о прошлых опасностях, желая избежать настоящих и встретить новые в будущем, дозорные на смотровом холме подали сигнал о приближении судна. Все бросились туда, и зоркие глаза различили большой корабль, темнеющий на сером горизонте. Вскоре оно выстрелило из пушки в сторону берега и в том направлении, где они стояли. Приготовившись к худшему, Александр и его люди спрятались в лесной ложине и устроили военный совет. Некоторые считали, что им следует дожидаться прибытия чужака, а затем спокойно попросить капитана взять их на борт. Более нетерпеливые и незаконные, менее спокойные в такой ситуации, считали, что подобный план приведет к тому, что, если судно окажется испанским, как это, вероятно, и произошло, их всех возьмут в плен и сразу же без допроса повесят на верфи как французов и пиратов. Бра-де-Фер выступил последним, подавив своим голосом и жестом все возражения. Он был за войну до смерти и за побег при любом риске. Лучше испанская веревка, чем индейский огонь, лучше пистолетный выстрел, чем голодная смерть. Быстрый в решениях и твердый в исполнении, он сразу же решил не просто стоять в обороне, но при

любом риске взять на себя агрессию. Искатели приключений уступили, словно ангел заговорил, ведь Александр обладал более чем обычным превосходством лидера над ними. Его ум и тело были более атлетичными и железными. Он мог отваживаться и страдать больше. Его активность и пассивность, его моральное и физическое мужество превосходили их. Они любили его за то, что он разделял их опасности и не унижал их предположением о своем реальном превосходстве. Он носил корону, но не всегда ослеплял их глаза ее угнетающим блеском. Они уважали его, потому что он мог контролировать как свои собственные страсти, так и страсти людей, которых он вел к победе и никогда к поражению. Успех его побед удваивался благоразумием, с которым за ними следовали, а мастерство, с которым он проводил отступление, делало сами поражения успешными.

Судно, оказавшееся испанским торговым кораблем с военным снаряжением, приближалось, то и дело останавливаясь, привлеченное фруктами и цветами, благоухание которых разносилось над ровным морем, и манящее этим ароматом, верным доказательством существования хорошей воды недалеко от берега. Лодки были спущены, и хорошо вооруженный отряд с большой осторожностью высадился на берег. Капитан шел во главе их, за ним следовали его лучшие солдаты, опасаясь засады индейцев этого побережья, известных своей воинственностью и вероломством, но не подозревая о буканьерах, которые держались в лесу, готовые наброситься на добычу, как коршун на голубятню.

Уже хорошо знакомые с тропинками и дорожками, люди Александра тихо пробирались сквозь деревья, которые росли густо и темно, и, дефилируя тайными проходами, окружили главный подход, через который уже вошли испанцы, в полном порядке и начеку, но с уже улегшимися опасениями. Авантюристы, будучи очень малочисленными и плохо вооруженными, затаились, ожидая случая, чтобы дать им хоть какое-то сиюминутное преимущество. Когда враг был окружен в дефиле, приняв, возможно, зажженные спички за мух-жигалок среди ветвей, французы внезапно открыли убийственный огонь по солдатам, которые оказались охвачены поясом пламени, исходящим неизвестно откуда. Паломник, увидевший вулкан, разверзшийся у его ног, не мог бы быть более изумлен. Испанцы, не видя врагов, в которых можно было бы целиться, не стреляли, думая, что индейцы поджигают лес. Отсутствие стрел и звуки мушкетов убедили их в том, что их ждут более смертоносные враги, и что засаду готовят не индейцы, а европейцы. С большой поспешностью, вместо того чтобы бежать сломя голову, они бросились лица; капитан дал команду не стрелять, пока враги не появятся в поле зрения, поскольку еще не знал ни их численности, ни их народа.

Авантюристы заглянули в бойницы, которые они прорубили в густом подлеске для прохода своего огнестрельного оружия, чтобы посмотреть, какой эффект произвел их залп - дым уже рассеялся и позволял видеть более отчетливо. К своему изумлению, они никого не увидели: враг исчез, словно разлетелся на куски от огня. Они начали думать, что те отступили, хотя не слышали ни звука об их отступлении; они с трудом могли поверить, что все они мертвы.

Нетерпение Александра вскоре решило вопрос; полный решимости победить, он не мог смириться с задержкой и тайной. Вскоре его решение было принято. Он покинул засаду и вышел из леса на открытое место. Загадка была быстро разгадана, так как на него тут же напали испанцы, которые, увидев его в укрытии, с криком вскочили на ноги, такие же быстрые, как враги Кадма. Александр, отступив на мгновение, чтобы пружина была надежнее, прыгнул на враждебного капитана и нанес ему саблей удар в голову, от которого его отбила большая тубетейка, от которой отскочила сталь. Браш-де-Фер уже собирался повторить удар с большей эффективностью, но тут его нога зацепилась за корень, и он упал.

Тесно прижатый своим противником, которому требовалось все его умение, чтобы спасти свою жизнь, поднявшись, левой рукой и сильной правой рукой он выбил поднятую саблю из руки своего врага. Этот удачный удар беззащитного человека дал Александру время вскочить на ноги и созвать авантюристов, которые не успели покинуть засаду, а уже хлынули со всех сторон, тесня врага в тыл и во фланг. Устроив большую резню среди испанцев, флибустьеры, по сигналу Александра, сомкнулись и, набросившись с мечом в руках на обезумевших от ужаса врагов, перебили их всех до единого, особо следя за тем, чтобы ни один не сбежал, боясь поднять тревогу.

Испанцы, оставшиеся сторожить судно, слышали звуки мушкетной стрельбы и сразу же предположили, что их люди столкнулись с враждебными индейцами, но, зная, что их войска храбры и многочисленны, и полагая, что они легко могут разрубить на куски нескольких дикарей, они не послали подкрепления, а довольствовались лишь шумным обстрелом, чтобы изменить ход предполагаемой битвы и навести ужас на беглецов. С другой стороны, победоносные авантюристы не теряли времени, чтобы разглядеть засаду с помощью хитроумной уловки. Они раздели мертвецов и переоделись в их одежду и оружие. Затем они собрали несколько индейских стрел, которые ранее отобрали у убитых ими дикарей. Затем, натянув на глаза широкополые панамские шляпы (даже у капитана она была с красной прорехой) и взяв в руки оружие, подражая испанскому маршу и произнося крики "победа, победа", направились к берегу в ближайшей к судну точке. Стража на борту, увидев, что их предполагаемые товарищи вернулись так скоро, победоносные, нагруженные добычей, и каждый из них нес связку стрел, приняла их с распростертыми объятиями, когда они взобрались на грот. Не успели они оправиться от изумления, как буканьеры стали хозяевами судна. Борьбы почти не было, так как на борту остались только матросы и несколько пехотинцев. Неожиданность была полной и внезапной, и самым бдительным можно было бы простить, если бы они были обмануты такой хитростью. Авантюристы обнаружили, что судно нагружено дорогими товарами, и вскоре отправились на нем в путешествие, совсем не похожее на то, для которого оно было предназначено.

Иксмелин сетует, что во многих других приключениях, рассказанных ему Александром, он находил, что тот слишком легкомысленно относится к своим собственным подвигам и приписывает всю славу храбрости своих товарищей. Но когда его товарищи рассказывали эту историю, они не были так щедры к нему, как он к ним, и, то ли от зависти, то ли от стыда, умолчали о многих его самых благородных поступках. Свой очерк о двух Александрах он завершает с несравненной *наивностью* следующим образом: "Au reste, je ne prétends pas que la comparaison soit toute-à-fait juste, car s'il y a quelque rapport, *il y a encore plus de différence*. В итоге он был смелым, как и человек, а я - смелым, как и благоразумным. Alexandre aimoit le vin, et lui l'eau-de-vie. Aussi Alexandre fuyoit les femmes par grandeur d'âme, et luy les cherchoit par tendresse de cœur; et pour preuve de ce que je dis il s'en trouve une assez belle dans le vaisseau dont j'ay parlé, qu'il préféra à tout l'avantage du butin."

"В заключение хочу сказать: если я сравнил его с Великим Александром, то не претендую на то, что это сравнение полностью справедливо; ведь если есть некоторые моменты сходства, то есть и гораздо больше различий. По правде говоря, один Александр был столь же храбр, сколь и упрям, другой - столь же храбр, сколь и благоразумен; один любил вино, другой - бренди; один бежал от женщин из-за настоящего величия сердца, другой искал их из-за природной нежности души; и в доказательство моих слов он встретил на судне, о котором я говорил, прекрасную женщину, которую он ценил больше, чем все остальные трофеи".

Провидение, рискнул предположить французский философ-моралист, подняло буканьеров, чтобы отомстить испанцам за все страдания и несправедливости, причиненные индейцам. Испанец был бичом индейца, а буканьер - бичом испанца.

Лолоннуа и Монбарс всегда считались равными претендентами на ненавистное звание самых свирепых из всей братии буканьеров, рассматривая их с момента возникновения и до исчезновения. Но суверенитет крови должен быть сразу же отдан Лолоннуа. Монбарс редко убивал испанцев, моливших о пощаде, а Лолоннуа с удовольствием отшвыривал их от своих ног и убивал всех, кого мог, без жалости и даже не думая о выкупе. Именно из уст Лолоннуа Сехмелин узнал, что Монбарс происходил из одной из лучших семей Лангедока. Он получил хорошее образование, но вскоре забросил все другие занятия, чтобы заняться боевыми упражнениями, в частности стрельбой. Этими воинственными видами спорта он занимался с сосредоточенным, неослабевающим рвением, близким к безумию. Еще в детстве, стреляя из арбалета, он говорил, что хочет стрелять хорошо, чтобы знать, как убить испанца. Его разум уже был наполнен великодушной, но жестокой решимостью, которая быстро переросла в мономанию. Животная сила сильного, но неуравновешенного ума все нарастала, и его мысли днем, а сны ночью становились лишь повторением и переплетением одной главной страсти. Никто так и не стал его доверенным лицом, но в общих чертах о деяниях его после смерти рассказывают следующее. Рассказывают, что в раннем детстве Монбарс читал о почти невероятных жестокостях, которые творили испанцы во время завоевания Америки. На Антильских островах они среди бела дня демонстрировали ужасы инквизиции. Фанатизм, алчность и честолубие, как троица дьяволов, властвовали над прекрасными краями, опустошенными и пораженными чумой; целые народы вымерли, а имя Христа превратилось в простое обозначение вооруженной и агрессивной коммерции. Эти книги внушили мрачному мальчику глубокую, всепоглощающую, фанатичную ненависть к завоевателям и яростную жалость к побежденным. Он считал себя отмеченным Богом в качестве Гедонеа, посланного им на помощь. Мечты о богатстве и удовлетворенном честолубии неосознанно подстегивали его к выполнению задания. Он не думал и не мечтал ни о чем, кроме убитых индейцев. Он с нетерпением расспрашивал путешественников о новостях из Америки и проявлял непомерную и неудержимую радость, когда слышал, что испанцы потерпели поражение от карибов или браво.

Он действительно знал наизусть все злодеяния, которые история записала о его врагах, и рассказывал о каждом из них с грубым и нетерпеливым красноречием. Он часто рассказывал следующую историю и злорадствовал над ней с видом, свидетельствующим о том, что его ум способен на еще большую жестокость, если его однажды фанатичный дух возмездия. Один испанец, гласила история, был однажды назначен губернатором индейской провинции, которую населяла свирепая и воинственная раса дикарей. Он оказался жестоким правителем, неумолимым в своих обидах и ненасытным в своей скупости. Индейцы, не в силах больше терпеть ни его варварства, ни его поборов, схватили его и, показав ему золото, сказали, что им наконец-то удалось, благодаря большой удаче, найти достаточно денег, чтобы удовлетворить его требования. Затем они крепко держали его и, расплавив руду, вливали ее ему в горло, пока он не умирал в мучениях под их руками.

Однажды Монбарс открыто показал, что его рассудок несколько расстроен и что по одному предмету своих размышлений он перестал спокойно размышлять. Еще мальчиком ему пришлось принять участие в комедии, которую должны были разыграть он сам и его товарищи по колледжу, поскольку друзья либо игнорировали, либо не обращали внимания на его мечты и причуды. Среди прочих сцен был пролог в виде диалога между испанцем и французом. Монбарс должен был представлять француза, а его спутник - испанца. Испанец,

появившись первым на сцене, начал произносить тысячу ругательств в адрес Франции, перемежая их с издевательской родомонтаной, и Монбарс заволновался, не в силах сдержать своего нетерпения. Для его разгоряченного ума мимическая сцена стала реальностью. Он ворвался на сцену, яростно прервал своего товарища посреди его речи и, осыпая его ударами, непременно зарубил бы его на месте, как "испанского лжеца и убийцу", если бы дерущихся не разняли испуганные зрители.

Его отец, богатый и очень любивший своего сына, возможно, тем более за эти своенравные выходки, которые, как он полагал, общение с миром и удовольствия юности скоро вытеснят из его памяти, хотел записать его в армию или побудить к какой-нибудь профессии. Но на все его вопросы и уговоры мальчик отвечал лишь, что все, чего он хочет, - это "сражаться против испанцев". Видя, что друзья будут против его затеи, сбежал из отцовского дома и укрылся в Гавре у дяди, командовавшего одним из кораблей французского короля. Тот собирался отправиться в плавание против Испании, с которой Франция в то время находилась в состоянии войны, и, обрадованный тем, что юноша проявил привязанность к морской жизни, написал своему отцу, одобряя его решение. Отец неохотно дал согласие, которое можно было истолковать как согласие, и через несколько дней судно отплыло.

Во время плавания юный фанатик проявлял величайшее желание вступить в бой и при появлении судна бежал вооружаться, надеясь, что это может быть испанец. В конце концов судно действительно появилось, и у него появилась возможность отличиться перед своими врагами. Они бросились в погоню за испанским кораблем и приняли его на мушку. Старший Монбарс, видя, что его племянник опьянен радостью и, пренебрегая всяким риском разоблачения, решил бросить свою жизнь, захлопнул его под люками, как безрассудного мальчишку, и позволил ему выскочить только тогда, когда начался абордаж, и вражеское судно стало явно их собственным. Освобожденный юноша вел абордажников со всем спокойствием бывалого военного моряка. Прыгнув с саблей в руке на врага, он сражался с ним на равных, прорвался сквозь самую гущу их рядов и, сопровождаемый несколькими людьми, которых его храбрость воодушевляла, соперничая с его собственной безрассудностью, дважды промчался из конца в конец испанского судна, сшибая всех, кто попадался ему на пути справа и слева. Испанцам было отказано в четверти, те, кто избежал меча, погибли в море, а Монбарс, которому единодушно была оказана честь победы, не дал четверти ни одному. Приз был найден полным трофеев, трюм набит богатствами, в нем было 30 000 тюков хлопка, 2000 тюков шелка, кроме того, индийские вещи, 2000 мешочков с благовониями и 1000 гвоздик, которые составляли сокровища. Кроме всего этого, они нашли небольшую шкатулку с бриллиантами, корпус которой был окован железом и застегнут четырьмя замками, что одно только превосходило все остальные товары. Пока дядя и матросы ликовали над этими сокровищами, Монбарс считал убитых испанцев и злорадствовал по поводу первых жертв гекатомбы, которую он еще надеялся зарубить. Его целью была кровь, а не добыча.

Несмотря на молодого победителя, в общей бойне пощадили несколько испанских матросов и офицеров. От них они узнали, что два других судна были отделены от них штормом недалеко от того места, где они тогда находились (Сен-Доминго), и что их встреча была назначена в Порт-Марго. Капитан Монбарс решил дожидаться их там и захватить их в плен, отправив захваченное судно с испанскими цветами навстречу им в качестве приманки. Пока французское судно с призом ожидало встречи, в море вышло несколько лодок егерей, привезших буканьерское мясо для обмена на бренди. Буканьеры извинились за то, что привезли так мало мяса, сказав, что "в последнее время их район разорила группа испанских пятидесяти, сожгла их шкуры, украла сушеное мясо и сожгла их буканы".

"И почему вы это терпите?" - порывисто спросил Монбарс, который все это время жадно слушал пересказ нового доказательства испанского коварства.

"Мы не терпим этого", - грубо ответили егери. "Испанцы хорошо знают, что мы за люди, и выбрали время, когда мы все были в стороне, убивая коров; но наш день наступает. Сейчас мы собираем наших товарищей, которые пострадали еще больше, чем мы; мы оповестили об этом всех, и если пятьдесят человек дорастет до 1000, мы скоро приведем их в порядок".

"Если вы согласны, - говорит Монбарс, - я пойду во главе вас. Я не хочу командовать вами, но хочу сначала выставить себя, чтобы показать вам, на что я готов пойти против этих проклятых испанцев".

Старые охотники, удивленные смелостью молодого человека и радуясь еще одному мушкету, приняли его предложение. Дядя, не в силах обуздать его и уже устав от такого горячего добровольца, поддался на его уговоры. Он разрешил ему отправиться в путь, выделив для охраны отряд моряков и снабдив его небольшим количеством провизии в надежде, что он быстро вернется обратно. На прощание он пригрозил, что оставит его, если тот не будет на борту до самого часа, а затем, обозвав его глупым безумцем и прокляв за волосатость, отпустил с благословением, поклявшись в следующую минуту, что более храброго парня в тот момент не было на плаву.

Монбарс отправился в путь с некоторым беспокойством, не заботясь ни о советах дяди, ни о скудости провизии, но лишь опасаясь, что он может разминуться с испанцами на суше и не попасть под атаку испанских кораблей. Ему не требовалось большего побуждения, чтобы поторопить свое возвращение, чем перспектива морского сражения. Он едва успел высадиться на берег вместе со своими людьми, как охотники привели их в небольшую саванну, окруженную холмами и лесом. Не успели они сделать и нескольких шагов по этому широкому охотничьему полю, как вдали показались конные испанцы - они были частью отряда, который собрался, услышав, что буканьеры собираются напасть на них.

Монбарс, охваченный яростью при виде испанца, бросился бы на них в одиночку, но старый опытный буканьер схватил его за руку: "Стой, - сказал он, - времени еще много, и, если ты сделаешь то, что я тебе скажу, ни один из этих парней не уйдет". Эти слова - "ни один" - в любой момент могли бы задержать Монбарса, и они это сделали. Старый буканьер, крикнув "стоп", велел людям повернуться спиной к испанцам, как будто они их не видели. Затем он развернул льняную палатку, которую нес в обычном для своего ремесла порядке, и начал ставить ее, за ним все его спутники, которые сделали то же самое, подражая своему фуражиру, без вопросов, доверяя обращению, которое уже не раз избавляло их от опасности. Затем они достали свои фляги с бренди и стали готовиться к празднику, намереваясь обмануть испанцев, которые, как они знали, дадут им время выпить, надеясь застать их врасплох, легкую добычу, когда они спят. Пустые рога передавались по кругу с шутками, песнями и криками, а закупоренные фляги циркулировали так же весело, как если бы пиршество было настоящим. Не обращая внимания, они видели, как испанские патрули исчезают гребне холма, чтобы предупредить своих людей в долине о готовности к ночному сюрпризу. Предводитель буканьеров, передав сигнал из рук в руки, послал в лес *ангаге*, чтобы тот быстро разбудил всех окрестных "братьев", попросил их прийти на помощь и подготовить засаду в противоположном лесу. В то же время другие разведчики были посланы следить за передвижениями врага, чтобы убедиться, что он приближается и не делает никаких фланговых движений.

В сумерках буканьеры бесшумно выскользнули из-под палаток и прокрались в соседний лес. Здесь они обнаружили своих товарищей и их *ангажементов*, уже собравшихся и готовых к

атаке. Монбарс, утомленный всеми приготовлениями, жаждал увидеть испанцев, заявлял, что они никогда не придут и что им лучше выйти и застать их врасплох, пока длится ночь; но испанцы нарочно медлили, зная, что чем дольше они будут медлить, тем глубже будет сон празднующих. На рассвете они увидели, как темный отряд начал продвигаться вперед по хребту и вскоре спустился с холма на равнину в полном порядке, а небольшой отряд шел перед ними, как последняя надежда. Буканьеры, хорошо разместившись и не привлекая к себе внимания, ждали их, уверенные в своей добыче, так как палатки были разбиты на некотором расстоянии одна от другой, и они могли видеть каждое движение испанцев. Приблизившись, пятидесятые разбились на небольшие отряды, и каждый окружил палатку. К их удивлению, в этот момент дрова разгорелись, и жаркий огонь обрушился на наступающих буканьеров, которые, разразившись криками и воплями, очень страшными в тишине рассвета, повергли коня и всадника. Монбарс, вдохновленный лихорадкой натиска, которая, казалось, всегда на мгновение восстанавливала душевное равновесие, вскочил на коня, всадника которого он убил, и возглавил атаку. Везде, где оказывалось сопротивление, он врвался внутрь, сражаясь с каждым узлом войск, когда они пытались собраться. Оторвавшись от своих товарищей, он ворвался в самое сердце эскадрона и был окружен, и его бы быстро одолели, если бы его не спасла решительная атака его людей. Еще более разъяренный этим побегом, он преследовал рассеянного врага направо и налево с еще большей яростью, нанося ему удары столь же страшные, сколь и необычные. Один из буканьеров, видя, что многие из его людей страдают от индейских стрел, крикнул индейцам по-испански, указывая на Монбарса: "Разве вы не видите, что Бог послал вам освободителя, который сражается за вас, чтобы избавить вас от испанцев, а вы все еще сражаетесь за своих тиранов?" Услышав эти слова и поразившись презрению Монбарса к смерти, лучники сменили сторону и направили свои стрелы против испанцев, которые бежали, ошеломленные новым несчастьем и, возможно, движимые неопределенным и суеверным ужасом.

Монбарс считал этот день самым счастливым в своей жизни. Он видел, как индейцы, которых он так жалел, сражаются рядом с ним и считают его своим защитником. Срубив раненого испанца, который цеплялся за его колени и умолял о пощаде, он воскликнул: "Я бы хотел, чтобы это был последний представитель этой проклятой расы". Очевидец битвы описывает резню как ужасную - живые топтали живых, спотыкались об умирающих и мертвых. Буканьеры и индейцы, радуясь свободе и мести, умоляли Монбарса развить успех и хотели немедленно разорить испанские плантации и истребить оставшихся в живых, пока те еще не потеряли надежду. Монбарс с радостью согласился на это предложение и уже собирался с ликованием выступить на их голову, как вдруг раздался пушечный выстрел. Это была пушка с корабля его дяди, и он не мог не послушаться сигнала, который мог быть сигналом приближающейся битвы. Он тут же поспешил назад, но, к своей досаде, обнаружил, что сигнал был подан лишь для того, чтобы объявить о часе отплытия.

Охотники, уже привязавшиеся к своему молодому вождю, отказались покинуть его, а индейцы боялись подвергнуться мести испанцев. Поэтому их всех сразу же разместили на борту приза и снабдили мушкетами и саблями. Обрадованный дядя назначил Монбарса капитаном, а старый офицер под именем лейтенанта - его опекуном.

После восьми дней плавания Монбарс был атакован в устье большого ключа четырьмя испанскими кораблями, каждый из которых был больше его собственного. Они окружили его так внезапно, что у него не было времени убежать, и он лежал среди них, как волк на привязи. Они составляли, по сути дела, фургон великого флота индийских тарелок, который каждый год с таким же нетерпением ожидался королем Испании, как и все мародеры

испанского побережья. Старший Монбарс, смелый и выносливый, без колебаний атаковал два судна и несколько раз отбивал абордажников. Несмотря на подагру и неспособность двигаться, стойкий старый гасконец выкрикивал приказы с локтевого кресла и, проклиная попеременно врага и болезнь, защищал свой корабль до последней крайности. Сражаясь более трех часов со свирепым упорством и видя, что его юный герой страшно потеснен двумя противниками, он решился на последнее усилие, на последнюю борьбу дикого зверя, который чувствует, что нож уже у его горла. Выпустив огромный снаряд, он атаковал обоих врагов с такой яростью, что потопил и их, и себя, и умер, "смеясь", в ликование той мести, которая является единственной победой отчаяния.

Монбарс младший приложил немало усилий, чтобы спастись самому и отомстить за своего дядю. Старый лев был мертв, но в детеныше еще теплилась жизнь. Он с треском пробил одного из своих противников и взял на абордаж другого. Его индейцы, увидев, как их вождь заходит на испанское судно с одного конца, бросились в воду и быстро взобрались на другой. Их боевые крики и стрелы произвели мощный отвлекающий эффект и застали испанцев врасплох. Бросив многих в море, они убили других, а Монбарс обратил в меч всех, кто сопротивлялся. Через некоторое время он стал хозяином судна, превосходящего по размерам все потопленные. Дружелюбных индейцев, которые теперь смотрели на него как на непобедимого полубога, он использовал в бесплодных поисках тела своего дяди. Завоевателям и побежденным суждено было оставаться запертыми в объятиях друг друга и заваленными кровавыми трофеями сожженных обломков до того дня, когда море отдаст своих мертвецов.

Охотники вновь предложили спуститься на материк, и Монбарс согласился на любой план, который позволил бы ему отомстить за дядю и его друзей. Он и раньше жил, чтобы мстить за чужие обиды, а теперь к ним добавились и его собственные. Губернатор провинции, узнав о готовящемся нападении, подготовил засаду из негров и ополченцев. Поставив себя во главе 800 человек, разделенных на три батальона, усилив крылья кавалерией, а фургон - пушками, он приготовился предотвратить высадку "Истребителя".

Эти приготовления только усилили пыл Монбарса. Разорять незащищенную страну казалось трусостью: ее опустошение, после победы над ее защитниками, было наградой за завоевание. Монбарс первым спрыгнул с каноэ и первым бросился на испанские пики. Передовой батальон был вскоре отбит, а некоторые индейцы, обойдя во фланг резервные силы, в большом беспорядке отбросили их назад. Монбарс, горячо преследуя, устроил невероятную резню противника и огнем и мечом пронесся далеко вглубь страны.

Однажды, находясь в море, молодой капитан, уже опытный ветеран, был вынужден зайти в бухту, чтобы покататься. К своему огромному удивлению, хотя это место было всего лишь песчаной дорожкой, он увидел на далекой равнине испанцев, шедших в полном порядке и хорошо вооруженных. Опасаясь, что если они увидят его людей, то обратятся в бегство, он послал нескольких своих любимых индейцев, чтобы те приманили их к себе. Затем Монбарс с яростью набросился на них, когда они стали просить четверти, и крикнул по-испански, что им не на что надеяться, пока они не убьют его самого и всех его людей. Эти страшные слова, а также его мстительный вид заставили их взять в руки оружие и сражаться с упорством и жестоким отчаянием, пока они не были убиты почти до единого человека. Продвигаясь вглубь страны в поисках новой добычи, Монбарс захватил оружие испанцев и большое количество фруктов и провизии.

Оказалось, что испанцы прибыли в эту страну необычным образом. Они составили команду, охранявшую судно, полное негров-рабов, которые сговорились пригнать корабль к берегу. Они тайно проделали в трюме судна отверстия, в которые поместили затычки, которые незаметно и в мгновение ока вытаскивали и заменяли. Пока испанцы сидели вместе, беседуя со своей обычной величавой, неподвижной мокротой, эта безотчетная течь вырывалась наружу, заполняла каюту или заливала их в гамаках. Рабы никогда не выглядели встревоженными, но всегда удивлялись и наполняли воздух междометиями на языке Конго. Вода, хлынувшая с грохотом, даже корабельный плотник не знал, откуда, заставила всех рулевых, с большой опасностью для корабля, почти бросить штурвал, чтобы спасти груз, который уже был поврежден. Негры, спокойные и организованные, через некоторое время обычно успешно устраняли течь и вызывали всеобщее восхищение своей оперативностью и морским мастерством. Некоторое время все шло хорошо, но при малейшем ветре или шторме течь возобновлялась, пока сам капитан со слезами на глазах не начинал неохотно признаваться, что все пропало, так как судно опасно и не пригодно для плавания. Среди ночи или во время еды эта сверхъестественная течь возобновлялась, пока насосы не изнашивались, а люди не падали в обморок от недосыпания. Однажды, когда судно огибало риф, негры улучили удобный момент, и течь началась с удвоенной яростью, а рабы завывали, словно от душевного смятения. Испанцы, решив, что надежда потеряна, а судно, как они заявили, уже начало оседать, покинули корабль и бросились на тот самый выступ суши, где Монбарс впоследствии застал их врасплох. Трюк был хитро спланирован и ловко исполнен, но заминка в механизме едва не погубила все. Один из негров, более робкий или менее проницательный, чем остальные, увидев, что вода льется с большей, чем обычно, стремительностью и со всех сторон, потерял рассудок. Не сумев в панике сразу найти отверстие, в котором ему пришлось остановиться, он решил, что его товарищи тоже потерпели неудачу и что все действительно потеряно, и, бросившись за борт без лишних вопросов, присоединился к испанцам, которые преждевременно возблагодарили Бога за свое спасение.

Оглянувшись назад в поисках своих товарищей, он, к своему ужасу, увидел, что дюжина из них дергает штурвал и с диким криком бросается в море. Его осенила истина, и он в одно мгновение понял, что его безопасность потеряна. Поддавшись неконтролируемому отчаянию, он рвал на себе шерсть, бил ногами, проклинал свой фетиш и простирали руки, пытаясь остановить уходящее судно. Испанцы, пораженные этим страстным желанием утопиться, начали медленно разгадывать удачную хитрость. Они переглянулись: "Демонио, святой Антонио!" - судно не тонуло, а стремительно уходило в море. Они видели, как негры смеются, дергают за веревки и ухмыляются из портовых отверстий. Они с яростью набросились на несчастного, оставшегося в живых, и подвергли его пыткам, пока он не признался в правде.

И эта история завершает все, что сохранила история об одном из самых странных сочетаний фанатика и солдата, которое когда-либо появлялось со времен Лойолы. В другую эпоху и при других обстоятельствах он мог бы стать вторым Магометом. Такой же безжалостный, его амбиции, хотя и более узкие, были, похоже, не менее пылкими. Если он был жесток, то мы должны признать, что даже в своем фанатизме он был искренен. Бесстрашный, неутомимый, обладающий непревзойденным мужеством и непревзойденной решимостью, жестокость испанцев он подавлял еще большей жестокостью. Он уходит от нас в неведомые моря, и мы больше не слышим о нем. Он умер, вероятно, не осознавая своего преступления, без жалости и сожаления.

Иксмелин, видевший Монбарса в Гондурасе, описывает его как активного, живого и полного огня, как и все гасконцы. Он был высокого роста, прямой и крепкий, а его осанка была величественной, благородной и воинственной. Его цвет лица был загорелым, а цвет глаз невозможно было разглядеть под глубокими, дугообразными сводами кустистых бровей. Считалось, что сам его взгляд в бою устрашал испанцев и приводил их в отчаяние.

В 1659 году Сантьяго был разграблен флибустьерами в отместку за убийство двенадцати французов, застреленных испанским капитаном, который забрал их с фламандского судна, пощадив лишь женщину и ребенка, спрятавшегося под рясой монаха.

Решив отомстить, жители побережья собрались в количестве 500 человек. Получив английское поручение, они вошли на борт фрегата из Нанта и нескольких небольших судов - командиром был де Л'Исль, а лейтенантами - Адам, Лормель и Анна ле Ру. Они высадились в Пуэрто-де-Плата, "ле Диманш де Рамо", и с рассветом двинулись на Сен-Яго. Пройдя через тела стражников, они бросились к дому губернатора и застали его в постели. Он, зная французский, бросился на колени и сообщил, что между двумя народами скоро будет объявлен мир. Они ответили, что имеют при себе английское поручение, и, упрекнув его в жестокости, велели либо готовиться к смерти, либо заплатить 60 000 крон. Часть этого выкупа он тут же шурами. Разграбление города продолжалось двадцать четыре часа, и ничего не было пощажено; с церковей были сняты колокола, а с алтарей содраны плиты. Однако, как мы рады сообщить, женщины не подвергались никакому насилию: Братство договорилось, что любой нарушитель должен лишиться своей доли добычи.

КОНЕЦ ТОМА. I.

ЛОНДОН: СЕРКОМБ И ДЖЕК, 16 ВЕЛИКАЯ ВИНДМИЛЛ-СТРИТ.

НОВЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

МЕМУАРЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО
РИЧАРДА ЛАЛОРА ШЕЙЛА.
By TORRENS M'CULLAGH, Esq.

2 vols. post 8vo.

"Мы уверены, что труд мистера М'Куллаха будет принят с общим удовлетворением" -
"Литературная газета".

"Такой человек, как Шейл, вполне заслуживал биографии, и мистер М'Куллах, как нам кажется, доказал, что он очень достойный человек, чтобы взяться за это. Его повествование ясное и приятное, здоровое и сердечное в чувствах и разумное в рассуждениях; в целом мы можем с уверенностью назвать это превосходной биографией." - Daily News.

ОЧЕРКИ, ЮРИДИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ,
ПОКОЙНОГО ДОСТОПОЧТЕННОГО
RICHARD LALOR SHEIL.

2 vols. post 8vo.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

ATHENÆUM.

"Мы сердечно рекомендуем эти очерки как интересные по содержанию и блестящие по композиции. Их литературные достоинства очень велики".

MESSENGER.

"Эти тома порадуют студента и очаруют широкого читателя".

DUBLIN EVENING MAIL.

"В этих томах содержится больше материи, представляющей большой и непреходящий интерес для всех слоев читателей, чем в любом издании равного объема, претендующем на иллюстрацию общественного и литературного положения или трактующем о бытовых нравах и истории нашей страны."

ЖУРНАЛ ДУБЛИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.

"В отношении огромной силы и блеска этих газет не может быть иного мнения. В британском сенате, как и в его родной стране, имя Ричарда Лалора Шейла надолго останется в памяти в связи с красноречием, образованностью и гениальностью. В этих томах он оставил память обо всех жемчужинах своего богатого и разнообразного интеллекта - о каждой фазе и линии своего разностороннего и плодovitого ума".

Также, только что готово,

MR. CURRAN'S SKETCHES OF THE IRISH BAR.

С ПОДБОРКОЙ ДРУГИХ ДОКУМЕНТОВ, ЮРИДИЧЕСКИХ, ЛИТЕРАТУРНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ.

2 vols. post 8vo.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ДНЕВНИКА МИСС БУРНИ.

В семи томах, маленький 8vo, украшенный портретами, цена каждого всего 3 с., элегантно переплетен, любой из которых можно приобрести отдельно,

ДНЕВНИК И ПИСЬМА

ОТ

МАДАМ Д'АРБЛЕ,

автора "Эвелины", "Цецилии" и др.
ВКЛЮЧАЯ ПЕРИОД
ЕЕ ПРЕБЫВАНИЯ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЕВЫ ШАРЛОТТЫ.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

ЭДИНБУРГСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

"Мадам д'Арбле дожила до классического возраста. Время наложило на ее славу, прежде чем она ушла, ту печать, которая редко ставится только на славу ушедших. Все те, кого мы привыкли почитать как интеллектуальных патриархов, казались детьми по сравнению с ней; ведь Берк просиживал ночи напролет за чтением ее сочинений, а Джонсон признавал ее выше Филдинга, когда Роджерс был еще школьником, а Саути - в панталонах. Ее "Дневник" написан в ее самой ранней и лучшей манере; на истинно женском английском языке, ясном, естественном и живом. С ним должен ознакомиться каждый, кто хочет быть хорошо знаком с историей нашей литературы и наших нравов".

TIMES.

"Работу мисс Берни следует поставить рядом с "Жизнью" Босуэлла, к которой она является прекрасным дополнением".

LITERARY GAZETTE.

"Это издание займет свое место в библиотеках рядом с Уолполом и Босуэллом".

MESSENGER.

"Эту работу можно считать своего рода дополнением к "Жизни Джонсона" Босуэлла. Это прекрасная картина общества, как оно существовало в нравах, вкусах и литературе в царствование Георга Третьего, нарисованная карандашом, столь же ярким и блестящим, как у любого из знаменитых людей, составлявших этот круг."

ПОСТ.

"Дневник мисс Берни, искрящийся остроумием, изобилующий живыми анекдотами и восхитительными сплетнями, полный здоровых и сдержанных взглядов на людей и вещи, будет с интересом просмотрен всеми категориями читателей".

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ЖИЗНИ КОРОЛЕВ.

Находящееся в процессе публикации, в восьми томах формата post octavo (содержащих от 600 до 700 страниц каждый), по цене всего 7s. 6 д. за том, в элегантном переплете, каждый из которых можно приобрести отдельно, а также полные комплекты,

ЖИЗНИ

АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕВ

АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕВ.

АГНЕС СТРИКЛЕНД.

Посвящается Ее Величеству с особого разрешения.

УКРАШЕНА ПОРТРЕТАМИ КАЖДОЙ КОРОЛЕВЫ,
ПРЕКРАСНО ГРАВИРОВАННЫМИ ПО САМЫМ ДОСТОВЕРНЫМ ИСТОЧНИКАМ.

Объявляя о выпуске дешевого издания этой важной и интересной работы, которая считается уникальной в биографической литературе, издатели вновь просят обратить внимание на следующую выдержку из предисловия автора: "Пересмотренное издание "Жизни английских королей", включающее важные коллекции, которые стали известны после появления предыдущих изданий, теперь предлагается миру, украшенное портретами каждой королевы, взятыми из подлинных и должным образом проверенных источников. Серия, начинающаяся с супруги Вильгельма Завоевателя, занимает наиболее интересный и важный период нашей национальной хронологии, от смерти последнего монарха из англосаксонского рода, Эдуарда Исповедника, до кончины последней правительницы королевского дома Стюартов, королевы Анны, и включает в себя тридцать королей, носивших супружескую корону и четыре - царственную диадему этого королевства. Мы рассказали о происхождении каждой королевы, описали ее воспитание, проследили влияние семейных связей и национальных привычек на ее поведение, как общественное, так и частное, дали краткое описание внутренней, а также общей истории ее времени и ее влияния на ее характер, и сделали это с чистосердечием, не руководствуясь корыстными интересами или узкими взглядами. Такими, какими они были в жизни, мы постарались изобразить их хорошими и плохими, не принимая во внимание никаких других соображений, кроме развития фактов. Их высказывания, их поступки, их манеры, их костюмы будут достоверно описаны в этой работе, которая также включает самые интересные из их писем. Надежда на то, что "Жизнь английских королей" может рассматриваться как национальное произведение, воздающее честь женскому характеру и в целом полезное для общества, побудила нас к завершению этой задачи".

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

ИЗ "ТАЙМС".

"В этих томах очарование романтики сочетается с честностью истории. Работа написана дамой, обладающей значительной образованностью, неутомимой работоспособностью и тщательностью суждений. Все эти качества биографа и историка она применила к предмету своих томов, и из них вышло повествование, интересное для всех, и особенно интересное для той части общества, которой более изысканные исследования литературы доставляют удовольствие и назидание. Вся работа должна быть прочитана, и, несомненно, будет прочитана всеми, кто жаждет информации. Это ясное изложение фактов, почерпнутых из подлинных источников, демонстрирующее комбинацию промышленности, образованности, рассудительности и беспристрастности, не часто встречающуюся у биографов коронованных особ."

MORNING HERALD.

"Замечательный и поистине великий исторический труд. В этой серии биографий, в которых суровая правда истории принимает почти дикий характер романтики, особой заслугой мисс Стрикленд является то, что ее исследования позволили ей пролить новый свет на многие сомнительные места, привести свежие факты и сделать каждую часть наших летописей, которую она описала, интересным и ценным исследованием. Она внесла ценнейший вклад в

историю Англии, и мы без колебаний утверждаем, что ни о ком нельзя сказать, что он обладает точными знаниями об истории страны, кто не изучал эту поистине национальную работу, которая в этом новом издании получила все возможности для того, чтобы дальнейшие исследования автора и приукрашивание издателей сделали ее еще более ценной и еще более привлекательной, чем она была в своем первоначальном виде."

MORNING CHRONICLE.

"Очень ценная и увлекательная работа. Безусловно, нет ни одной дамы нашего времени, которая посвятила бы свое перо столь благотворной цели, как мисс Стрикленд. Также нет другой, чьи работы обладают более глубоким или более продолжительным интересом."

MORNING POST.

"Мы должны признать мисс Стрикленд самым интересным историком на английском языке. Она, безусловно, женщина мощного и активного ума, а также скрупулезной справедливости и честности намерений."

QUARTERLY REVIEW.

"Мисс Стрикленд очень разумно использовала многие аутентичные источники, ранее не собранные, и в результате получилась интереснейшая добавка к нашей биографической библиотеке".

ATHENÆUM.

"Ценный вклад в исторические знания. Она содержит массу всевозможных исторических сведений, представляющих интерес, которые могли бы собрать промышленность и исследования. Мы почерпнули из этой работы много интересного и поучительного".

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ДНЕВНИК И ПЕРЕПИСКА ПЕПИСА.

Теперь готово новое и дешевое издание, напечатанное единообразно с последним изданием "Дневника Ивлиина" и включающее все последние примечания и поправки, указатели и т.д., в четырех томах, post octavo, с портретами, по цене 6 с. за том, в красивом переплете, из

ДНЕВНИК И ПЕРЕПИСКА
СЭМЮЭЛЯ ПЭПИСА, Ф.Р.С.,
СЕКРЕТАРЯ АДМИРАЛТЕЙСТВА В ЦАРСТВОВАНИЕ КАРЛА II.
И ЯКОВА II.
ПОД РЕДАКЦИЕЙ РИЧАРДА ЛОРДА БРЕЙБРУКА.

Авторитет Пеписа как историка и иллюстратора значительной части XVII века был настолько полно признан всеми учеными и критиками, что сейчас нет необходимости напоминать читателю о тех преимуществах, которыми он обладал для создания наиболее полного и достоверного отчета о событиях и наиболее приятной картины общества и нравов, которые можно найти в литературе любой страны. Находясь в конфиденциальном общении с

царствующими государями, занимая высокие официальные посты, будучи поставленным во главе ученых и образованных людей того периода, который отличался интеллектуальным порывом, общаясь в каждом кругу и наблюдая за всем и всеми, чьи особенности стоило бы отметить; и обладая, кроме того, интеллектом, специально приспособленным для того, чтобы улавливать наиболее яркие моменты во всем, что он пытался обрисовать, Пепис может считаться самым ценным, а также самым занимательным из наших национальных историков.

Новое и дешевое издание этой работы, включающее все восстановленные отрывки и дополнительные примечания, которые потребовались в связи с огромным прогрессом в антикварных и исторических знаниях за последние двадцать лет, несомненно, будет считаться одним из самых приятных дополнений, которые можно сделать для библиотеки широкого читателя.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ О ДНЕВНИКЕ ПЕПИСА.

ИЗ "ЭДИНБУРГСКОГО ОБОЗРЕНИЯ".

"Не делая никаких исключений в пользу любого другого произведения древних или современных дневниковедов, мы безоговорочно характеризуем этот журнал как самое замечательное произведение такого рода, которое когда-либо было представлено миру. Дневник Пеписа помогает нам понять великие исторические события эпохи и людей, которые принимали в них участие, и дает нам более ясное представление о подлинной английской жизни того времени, чем все другие воспоминания о ней, дошедшие до нас".

ИЗ ЕЖЕКВАРТАЛЬНОГО ОБЗОРА.

"В "Дневнике" Пеписа есть много такого, что бросает отчетливый и яркий свет на картину Англии и ее правительства в период, последовавший за Реставрацией. Если, сойдя с широкой исторической тропы, мы ищем мельчайшие сведения о древних нравах и обычаях, о прогрессе искусств и наук, о различных отраслях античности, мы никогда не видели столь богатой шахты, как эти тома. Разнообразие вкусов и занятий Пэписа влекло его почти во все сферы жизни. Он был деловым человеком, человеком информации, человеком прихоти и, в определенной степени, человеком удовольствия. Он был государственным деятелем, *bel-esprit*, виртуозом и знатоком. Его любопытство делало его неутомимым, а также универсальным учеником, и все, что он видел, попадало в его скрижали".

ИЗ "АТЕНЕУМА".

"Лучшая книга такого рода на английском языке. Новые сведения чрезвычайно любопытны, а иногда гораздо более характерны и занимательны, чем старые. Писатель предстает в более ясном свете, а читатель проникает в его душу. Дневник Пеписа - это прекраснейшая картина эпохи, в которой жил писатель, и произведение, имеющее огромное значение для английской литературы."

ОТ ЭКСПЕРТА.

"Мы высоко ценим "Дневник" Пеписа как самый богатый и восхитительный вклад в историю английской жизни и нравов второй половины семнадцатого века".

ИЗ ЖУРНАЛА "ТАИТ".

"Мы в долгу перед Пиписом за редкие и любопытные сведения, которые он завещал нам в этой интереснейшей и забавной работе. Его "Дневник" ценен тем, что в нем запечатлены многие из самых важных персонажей того времени. Его автор завещал нам записи своего сердца, отражение своего энергичного ума; его причудливое, но счастливое повествование проясняет множество спорных моментов, бросает свет во многие темные уголки истории и обнажает скрытый субстрат событий, которые породили и поддерживали видимый прогресс нации".

ИЗ "УТРЕННЕЙ ПОЧТЫ".

"Из всех когда-либо опубликованных записей "Дневник" Пеписа дает нам наиболее яркую и достоверную картину времени и наиболее четкое представление о состоянии английских государственных дел и английского общества в период правления Карла II. Мы видим в нем, как на карте, пороки монарха, интриги кабинета министров, безрассудную глупость двора и многочисленные бедствия, которым подверглась нация в памятный период пожаров, чумы и всеобщей разнузданности".

НОВЫЙ ВАЖНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД.

Уже готово, в 2 томах, формат 8vo, украшено портретами, цена 21s. в переплете,

КОРОЛЕВЫ
ДО ЗАВОЕВАНИЯ.
BY MRS. МЭТТЬЮ ХОЛЛ.

МНЕНИЯ ПРЕССЫ.

ИЗ "ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕСТНИКА".

"Работа миссис Холл представляет собой четкий и связный ряд записей о первых женщинах-государынях Англии, о которых до сих пор широко читателю было известно лишь несколько разрозненных анекдотов. Книга представляет большой интерес, поскольку содержит множество сведений об английской жизни и нравах в далекие времена наших британских, римских, саксонских и датских предков."

SUNDAY TIMES.

"Эти тома открывают для большинства читателей новую и интересную страницу истории. То, что мисс Стрикленд сделала для английских королей, начиная с норманнской эпохи, миссис Холл сделала от имени королевских дам, которые, будучи женами саксонских королей, повлияли на судьбы Британии".

САН.

"Миссис Холл можно поздравить с успешным завершением очень трудного дела. Ее тома - полезное введение в обычное начало английской истории".

КРИТИК.

"Самая поучительная история, которой мы располагаем в период до завоевания. Она должна занять место рядом с "Жизнью королей" мисс Стрикленд".

OBSERVER.

"Из всех наших женщин, пишущих историко-биографические труды, миссис Холл кажется нам одной из самых кропотливых, эрудированных, разнообразных и глубоких. Ее ценные тома содержат не только жизнь королей до Завоевания, но и превосходную историю Англии до Нормандской династии".

ВЕСТНИК БЕЛЛА.

"Эти интересные тома были составлены с рассудительностью, благоразумием и вкусом. Миссис Холл не пожалела ни сил, ни труда, чтобы сделать свою историю достойной персонажей, которых она попыталась проиллюстрировать. Книга во всех смыслах является дополнением к летописи британского народа, имеющим несомненную ценность".

NEW QUARTERLY REVIEW.

"Эти тома давно были необходимы, и их будут приветствовать как полезное и даже необходимое введение во всемирно известную биографическую историю мисс Стрикленд".

ПЭРСТВО И БАРОНСТВО
БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ.
СЭР БЕРНАРД БЕРК,
ОЛЬСТЕРСКИЙ КОРОЛЬ ОРУЖИЯ.

Новое издание, пересмотренное и исправленное на основе личных сообщений знати и т. д.

С 1500 гравюрами с изображением оружия. В 1 томе (содержащем столько же материала, сколько двадцать обычных томов), 38 с. в переплете.

Ниже приводится список основного содержания этого стандартного труда:...

I. Полная и интересная история каждого ордена английского дворянства с указанием его происхождения, возвышения, титулов, иммунитетов, привилегий и т. д.

II. Полный мемуар о королеве и королевской семье, составляющий краткую генеалогическую историю государыни этой страны и выводящий происхождение Плантагенетов, Тюдоров, Стюартов и Гельфов через их различные ответвления. К этому разделу прилагается список тех пэров и других лиц, которые унаследовали высокую честь носить королевский герб Плантагенетов.

III. Аутентичная таблица старшинства.

IV. Совершенная история всех пэров и баронетов, с самыми подробными сведениями об их предках и потомках, а также о каждом побочном члене каждой семьи, обо всех межродовых браках и т. д.

V. Духовные лорды.

- VI. Иностранные дворяне, по рождению подданные Британской короны.
 - VII. Угасшие пэрства, потомки которых еще существуют.
 - VIII. Претендующие на пэрство.
 - IX. Фамилии пэров и пэрис, с явными и предполагаемыми наследниками.
 - X. Придворные титулы старших сыновей.
 - XI. Пэрства трех королевств в порядке старшинства.
 - XII. Баронеты в порядке старшинства.
 - XIII. Тайные советники Англии и Ирландии.
 - XIV. Дочери пэров, вышедшие замуж за простолюдинов.
 - XV. Все рыцарские ордена с каждым рыцарем и всеми рыцарями-холостяками.
 - XVI. Перевод девизов, с поэтическими иллюстрациями.
-

"Самый полный, самый удобный и самый дешевый труд подобного рода, когда-либо представленный публике" - *Sun*.

"Лучший генеалогический и геральдический словарь пэрства и баронства, а также первый авторитет по всем вопросам, касающимся аристократии." - *Globe*.

"По удивительному количеству личных и семейных историй, восхитительному расположению деталей и точности информации этот генеалогический и геральдический словарь не имеет конкурентов. В настоящее время он является стандартным и признанным справочником по всем вопросам, касающимся родословной, а также прямого или побочного родства с титулованной аристократией. Родословная каждого уважаемого дома выводится через всевозможные разветвления. Каждая побочная ветвь, как бы отдаленно она ни была связана, представлена; а союзы так тщательно подобраны, чтобы во всех случаях показать связь, которая так тесно существует между титулованной и нетитулованной аристократией. Кроме того, в книге много занимательных исторических фактов, а также много очень любопытных и интересных семейных традиций. Эта работа, по сути, является полным циклопедиадом всех титулованных классов империи, предоставляя всю информацию, которую только можно пожелать по данному вопросу." - *Morning Post*.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ
ДНЕВНИК И ПЕРЕПИСКА
ДЖОНА ЭВЕЛИНА, Ф.Р.С.

Завершено, с портретами, в четырех томах формата post octavo (каждый из которых можно приобрести отдельно), цена 6 с. за каждый, красиво переплетено, ВКЛЮЧАЯ ВСЕ ВАЖНЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ, ПИСЬМА И ДРУГИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ, СДЕЛАННЫЕ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ.

"Мы рады приветствовать это прекрасное и компактное издание "Ивлина". Оно предназначено в качестве дополнения к недавно вышедшему изданию Пеписа и имеет схожие претензии на интерес и внимание. Ивлин был намного выше подавляющего большинства своих современников, а "Дневник", в котором записаны события его долгой жизни, растянувшейся на большую часть столетия, заслуженно считается одной из самых ценных и интересных книг на языке. Эвелин принимал участие в разгорающейся гражданской войне против Карла I и дожил до восшествия на престол Вильгельма Оранского. Во времена Страффорда и Ленда, а также Санкрофта и Кена он был неизменным сторонником умеренности и мира в английской церкви. Он заступался и за роялистов, и за рецидивистов; он был корреспондентом Коули, покровителем Джереми Тейлора, соратником и соучеником Бойля; и на протяжении всего периода между Вандиком и Кнеллером, между юностью Мильтона и старостью Драйдена поэзия и искусство находили в нем умного советчика и сердечного друга. В целом, есть очень мало людей, которыми Англия имеет больше оснований гордиться. Он занимает одно из первых мест в списке джентльменов. Мы от всей души приветствуем столь хорошее издание этой английской классики" -Examiner.

"Эта работа - необходимый спутник популярных историй нашей страны, Хьюма, Халлама, Маколея и Лингарда" - Sun.

ЖИЗНЬ АНГЛИЙСКИХ ПРИНЦЕСС.

By MRS. ЭВЕРЕТТ ГРИН,

РЕДАКТОРОМ "ПИСЕМ КОРОЛЕВСКИХ ОСОБ И ЗНАМЕНИТЫХ ДАМ".

6 томов, post 8vo, с иллюстрациями, 10s. 6 д. каждая, в переплете. Любое из них можно приобрести отдельно.

"Эта работа является достойным спутником восхитительной "Королевы Англии" мисс Стрикленд. Это знаменитое произведение, хотя его героинями были по большей части иностранные принцессы, почти полностью относится к истории этой страны. Английские принцессы, напротив, сами являются англичанками, но их жизнь почти вся связана с иностранными государствами. Их биографии, следовательно, дают нам представление о нравах и обычаях главных европейских королевств, и это обстоятельство не только придает работе очарование разнообразия, но и, вероятно, сделает ее особенно полезной для широкого читателя, поскольку она связывает воедино по ассоциации современную историю различных народов. Мы искренне рекомендуем книгу миссис Грин вниманию широкой публики; она (обязательно) столь же полезна, как история, и столь же занимательна, как роман" - Sun.

СЛОВАРЬ СЭРА Б. БЕРКА О

УГАСШИХ, УТИХШИХ И НЕ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПЭРСТВ

АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ.

Прекрасно напечатанный, в 1 томе, 8vo, содержащий 800 страниц в два столбца, 21s. в переплете.

Эта работа во многих случаях соединяет новое и старое дворянство, и во всех случаях она покажет причину, повлиявшую на возрождение исчезнувшего достоинства в новом создании. Следует особо отметить, что эта новая работа в равной степени относится как к

сохранившимся, так и к исчезнувшим знатым особам; ведь хотя достоинства и уходят, редко случается, чтобы уходили целые семьи.

ИСТОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА.

Генеалогический словарь

ВСЕЙ НЕТИТУЛОВАННОЙ АРИСТОКРАТИИ АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ.

Сэр Бернард Бёрк.

Новое и улучшенное издание в 1 томе, объединенное с "Peerage".

Покупателям предыдущих изданий "Словаря земельного дворянства" предлагается обратить внимание на то, что

ОБШИРНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

был составлен с большой тщательностью и большими затратами, содержащий ссылки на имена всех людей (до 100 000), упомянутых в работе, и может быть переплетен вместе с работой: цена - 5s.

РОМАНТИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ОБ АРИСТОКРАТИИ.

Сэр Бернард Бёрк.

Второе и более дешевое издание, 2 тома, post 8vo, 21s. в переплете.

"Самые любопытные происшествия, самые волнующие истории и самые примечательные обстоятельства, связанные с историей, общественной и частной, наших благородных домов и аристократических семей, представлены здесь в форме, которая сохранит их в библиотеке и сделает любимым занятием тех, кто интересуется романтикой реальной жизни. Эти истории, со всей реальностью установленного факта, читаются с таким же духом, как и сказки Боккаччо, и так же полны странных поводов для размышлений и удивления" - Британия.

ОТКРОВЕНИЯ КНЯЗЯ ТАЛЕЙРАНА.

Второе издание, 1 том, post 8vo, с портретом, 10s. 6 д. в переплете.

"Мы ознакомились с этим произведением с огромным интересом. Это портрет Талейрана, нарисованный его собственной рукой" - "Морнинг пост".

"Более интересной работы не выходило из печати уже много лет. По правде говоря, это наиболее полный босуэлловский очерк о величайшем дипломате эпохи" - Sunday Times.

ЖИЗНЬ И ПРАВЛЕНИЕ КАРЛА I.

By I. DISRAELI.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ. ПЕРЕСМОТРЕННОЕ АВТОРОМ И ОТРЕДАКТИРОВАННОЕ ЕГО СЫНОМ, ДОСТОПОЧТЕННЫМ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ. НОН. В. DISRAELI, М.Р. 2 тома, 8vo, 28s. в переплете.

"Безусловно, это самая важная работа, посвященная эпохе Карла I, которую создало современное время" - *Quarterly Review*.

МЕМУАРЫ СЦИПИОНА ДЕ РИЧЧИ,
ПОКОЙНОГО ЕПИСКОПА ПИСТОЙИ И ПРАТО;
РЕФОРМАТОРА КАТОЛИЦИЗМА В ТОСКАНЕ.

Удешевленное издание, 2 тома, 8vo, 12 с. в переплете.

Главной особенностью этой важной работы является ее применение к великому вопросу, который сейчас стоит между нашими протестантскими и католическими собратьями. В ней содержится полное *разоблачение* римского церковного устройства в XVIII веке и злоупотреблений иезуитов в большей части Европы. В ней раскрываются многие подробности самого захватывающего характера.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ.

Автор Агнес Стрикленд.

Автор "Жизни английских королей" и др. 1 том, почтовый формат 8vo, изящный переплет, с портретом автора, 10s. 6d.

"Этот привлекательный том изобилует интересом. Как и прежние работы мисс Стрикленд, он, мы не сомневаемся, окажется в руках молодых членов семьи, а также их родителей, для всех и каждого из которых он не может не быть в равной степени забавным и поучительным." - "Британия".

МЕМУАРЫ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА;
И САКСОНСКОГО ДОМА.

Второе издание, исправленное и дополненное. 1 том, post 8vo, с портретом, в переплете, 6s.

МЕМУАРЫ МАДАМ КАМΠΑН
О ДВОРЕ МАРИИ-АНТУАНЕТТЫ.

Удешевленное издание, 2 тома, 8vo, с портретами, цена 7s.

"Нам редко доводилось читать столь занимательное произведение. Именно как зеркало самого великолепного двора в Европе, в то время, когда монархия не лишилась ни одного из своих лучей, она особенно заслуживает внимания" - *Chronicle*.

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЖОЗЕФИНЫ.

3 тома, small 8vo, 15s.

"Любопытная и занимательная часть отечественной биографии необыкновенной особы, при обстоятельствах почти беспрецедентных."-*New Monthly*.

"Чрезвычайно забавная книга, полная анекдотов и черт характера королей, принцев, дворян, генералов" и т. д.-*Morning Journal*.

МЕМУАРЫ ВЕНГЕРСКОЙ ДАМЫ. МАДАМ ПУЛЬСКИ.

НАПИСАННЫЕ ЕЮ САМОЙ. 2 тома, 12 с. в переплете.

"Достойны места рядом с мемуарами мадам де Сталь и мадам Кампан" - "Глоб".

МЕМУАРЫ ГРЕЧЕСКОЙ ДАМЫ, ПРИЕМНОЙ ДОЧЕРИ ПОКОЙНОЙ КОРОЛЕВЫ КАРОЛИНЫ.

НАПИСАННЫЕ ЕЮ САМОЙ. 2 тома, post 8vo, цена 12 с. в переплете.

Уже готова часть XI, цена 5 с., из
ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ М.А. ТИРСА
ПРИ НАПОЛЕОНЕ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЕГО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Будучи хранителем государственных архивов, М. Тьерс имел доступ к дипломатическим бумагам и другим документам высочайшей важности, до сих пор известным лишь немногим привилегированным лицам. Из частных источников М. Тьер также почерпнул немало ценной информации. В его распоряжение было предоставлено множество интересных мемуаров, дневников и писем, до сих пор не публиковавшихся, и большинству из них по политическим причинам суждено было остаться таковыми; все ведущие персонажи империи, которые были живы, когда автор взялся за настоящую историю, снабдили его массой происшествий и анекдотов, которые никогда прежде не появлялись в печати.

N.B. В настоящее время любая из частей может быть приобретена отдельно, по цене 5s. за каждую; подписчикам рекомендуется как можно скорее пополнить свой комплект, чтобы избежать разочарования.

. Просьба к публике быть особенно внимательными при оформлении заказов на "Авторизованный перевод Колберна".

РОССИЯ ПРИ САМОДЕРЖЦЕ НИКОЛАЕ I. Иван Головин, русский подданный.

Удешевленное издание, 2 тома, с портретом императора в полный рост, в переплете за 10 с.

"Это чрезвычайно интересные тома, вышедшие из-под пера русского, дворянина по происхождению, вырвавшегося из-под власти царя. Достоинства произведения весьма значительны. Она бросает новый свет на состояние империи - ее аспект, политический и внутренний, ее нравы; *служащих* во дворце, при дворе и в столице; ее полицию; ее шпионов; ее развращенное общество" и т. д. - *Sunday Times*.

ЯПОНИЯ И ЯПОНЦЫ,

Состоит из рассказа о трехлетнем пребывании в Японии и отчета о торговых сношениях Великобритании с этой страной.

By CAPTAIN GOLOWNIN.

Новое и более дешевое издание. 2 vols. post 8vo, 10s. bound.

"Ни один европеец не смог, исходя из личных наблюдений и опыта, сообщить и десятой части тех сведений, которые предоставил этот писатель" - Британское обозрение.

МЕМУАРЫ И ПЕРЕПИСКА

СЭРА РОБЕРТА МЮРРЕЯ КИТА, К.Б.,

Полномочного министра при Дрезденском, Копенгагенском и Венском дворах с 1769 по 1793 год; с биографическими воспоминаниями о

КОРОЛЕВЫ КАРОЛИНЫ МАТИЛЬДЫ, СЕСТРЫ ГЕОРГА III.

Более дешевое издание. Два тома, post 8vo, с портретами, 15 с. в переплете.

ПОЛУМЕСЯЦ И КРЕСТ;

ИЛИ РОМАНТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ.

By ELIOT Warburton, Esq.

Дешевое издание, исправленное, в 1 томе, с многочисленными иллюстрациями, 6 с. в переплете.

"Никогда не было написано более полезной книги, чем "Полумесяц и Крест" - произведение, превосходящее все другие по своему почтению к возвышенному и любви к прекрасному в этих знаменитых регионах, освященных вечным бессмертием в летописях пророков, и которое ни один современный писатель не изобразил карандашом одновременно столь трепетно и столь живописно" - *Sun*.

ПИСЬМА ЛОРДА ЛИНДСЕЯ О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ.

Четвертое издание, исправленное, 1 том, почтовый формат 8vo, с иллюстрациями, 6 с. в переплете.

"Лорд Линдсей прочувствовал и записал то, что видел, с мудростью философа и верой просвещенного христианина" - *Quarterly Review*.

РАССКАЗ О
ДВУХЛЕТНЕГО ПРЕБЫВАНИЯ В НИНЕВИИ;

С замечаниями о халдеях, несторианах, ексидеях и т. д.

By the Rev. J.P. FLETCHER.

Удешевленное издание. Два тома, почтовые 8vo, 12 с. в переплете.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ГРУЗИИ, ЦИРКАССИИ И РОССИИ.

By Lieutenant-Colonel G. POULETT CAMERON, C.B., K.T.S., &c.

2 тома, post 8vo, переплет, 12s.

КАПИТАНЫ КИНГ И ФИЦРОЙ.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О КРУГОСВЕТНОМ ПУТЕШЕСТВИИ ЗА ДЕСЯТЬ СЛЕЗ,
НА КОРАБЛЯХ "БИГЛЬ" И "ПРИКЛЮЧЕНИЕ".

Более дешевое издание, в 2 больших томах, 8vo, с картами, схемами и более чем шестьюдесятью иллюстрациями, выполненными Ландсиром и другими выдающимися художниками, цена 1l. 11s. 6d. в переплете.

"Одно из самых интересных повествований о плаваниях, которые нам выпало заметить, и которое всегда должно занимать почетное место в истории научной навигации" - *Quarterly Review*.

КАМПАНИЯ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА
В НИДЕРЛАНДАХ В 1815 ГОДУ.

Включая сражения при Линьи, Кватр-Брасе и Ватерлоо. Иллюстрировано официальными документами.

By WILLIAM MUDFORD, Esq.

1 том, 4to, с тридцатью цветными пластинами, портретами, картами, планами и т.д., в переплете, 21s.

ИСТОРИЯ ПОЛУОСТРОВНОЙ ВОЙНЫ.
ДОПОЛНЯЮЩИЙ ТОМ К MR. GLEIG'S
"ИСТОРИЯ БИТВЫ ПРИ ВАТЕРЛОО".

С шестью портретами и картой, 5s. в переплете.

ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ В КИТАЕ;
ВКЛЮЧАЮЩИЙ В СЕБЯ ПОЛНУЮ
ИСТОРИЯ ВОЙНЫ В ЭТОЙ СТРАНЕ.
Из записок капитана В.Х. Халла, R.N.

1 том, пластины, 6 с. в переплете.

"Повествование капитана Холла о службе *"Немезиды"* полно интереса и, мы уверены, будет ценно в будущем, поскольку содержит любопытнейшие материалы для истории парового судоходства" - *"Квартальное обозрение"*.

ВОЕННО-МОРСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ КАПИТАНА КРОУФОРДА;
ВКЛЮЧАЮЩАЯ В СЕБЯ МЕМУАРЫ
АДМИРАЛОВ СЭРА Э. ОУЭНА, СЭРА Б. ХАЛЛОУЭЛЛА КЭРЬЮ И ДРУГИХ ВЫДАЮЩИХСЯ
КОМАНДИРОВ.

2 тома, post 8vo, с портретами, 12 с. в переплете.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЛДАТА.
НАПИСАННЫЕ ИМ САМИМ.

Мемуары ЭДВАРДА КОСТЕЛЛО, бойца стрелковой бригады и капитана Британского легиона.
Дешевое издание, с портретом, 3s. 6d. в переплете.

"Превосходная книга своего класса. Правдивая и яркая картина солдатской жизни" -
"Атенеум".

"Этот в высшей степени интересный том наполнен деталями и анекдотами самого поразительного характера и вполне заслуживает места в библиотеке каждого полка на службе." - *Naval and Military Gazette*.

ОТРЫВКИ ИЗ ЖИЗНИ
МРС. МАРГАРЕТ МЕЙТЛЕНД, ИЗ САННИСАЙДА.
НАПИСАННЫЕ ЕЮ САМОЙ.

Третье и более дешевое издание, 1 том, 6 с. в переплете.

"Ничто не было настолько правдивым или трогательным в описании шотландского характера с тех пор, как Галт опубликовал свои *"Приходские анналы"*, и эта книга чище и глубже, чем Галт, и даже более абсолютно и просто правдива" - лорд *Джеффри*.

Удешевленное издание, в 3 томах, цена 10s. 6 д., в полупереплете,

ФОРТУНА: ИСТОРИЯ ЛОНДОНСКОЙ ЖИЗНИ.

Д.Т. Колтон, эск.

"Блестящий роман. Более яркой картины различных фаз общества не было со времен "Вивиана Грея", впервые ослепившего и смутившего мир; но именно язвительная сатира на модную жизнь, моральная анатомия высшего общества привлекут всех читателей. Во всех смыслах этого слова "Фортуна" - превосходный роман" -Observer.

"Фортуна" - это не роман, а новелла. В нем все реально: время, персонажи, происшествия. В его реальности заключается его очарование и достоинство. Это, действительно, необыкновенное произведение, которое представило миру художественной литературы нового писателя необыкновенных способностей, с гением Бульвера, с которым можно сравнить его" - Критик.

СОВРЕМЕННЫЙ ОРЛАНДО.

Доктор КРОЛИ.

"Безусловно, это лучшее, что было написано со времен Байрона" - "Литературная газета".

ХОЛЛ И ГАМЛЕТ.

УИЛЬЯМ ХОВИТТ.

Автор "Книги времен года", "Сельской жизни в Англии" и др.

Удешевленное издание, 2 тома, почтовый формат 8vo, 12 с. в переплете.

"Эта работа полна восхитительных зарисовок, милых и очаровательных картин сельской жизни, и мы не сомневаемся, что ее будут читать не только в усадьбе фермера, но и в особняке сквайра или замке лорда с удовольствием и восторгом" - Sunday Times.

ИЗДАНО ДЛЯ ГЕНРИ КОЛБЕРНА ЕГО НАСЛЕДНИКАМИ, ХЕРСТ И БЛЭКЕТТ, ГРЕЙТ-МАРЛБОРО-СТРИТ.

Примечание транскриптора:

Несовпадающие кавычки в одном абзаце главы III оставлены как в оригинале.

Pg 26: nomade заменено на nomadic

Pg 41: Manchete заменено на Machete
